

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬ-
НОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени Г.Р. ДЕРЖАВИНА»**

И.Ю. Безукладова

**ЭГОЦЕНТРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ
КАТЕГОРИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА
В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ**

10.02.04 – германские языки

**Научный консультант:
доктор филологических наук,
профессор Н.Н. Болдырев**

Тамбов 2016

Введение	4
Глава I	
Теоретико-методологические основы исследования эгоцентрической категоризации пространства в языке	
1. Язык как система концептуализации и категоризации знаний	20
1.1. Взаимосвязь языка и когнитивной деятельности человека	20
1.2. Концептуализация и категоризация – ведущие функции человеческого сознания	37
2. Антропоцентризм языковой категоризации пространства	49
3. Роль языковой личности в эгоцентрической категоризации пространства	58
4. Триада «пространство – время – человек». Междисциплинарный подход к исследованию феномена пространства	62
5. Эгоцентризм как основа категоризации пространства в языке	77
6. Языковые и экстралингвистические факторы, определяющие особенности эгоцентрической категоризации пространства в немецком языке	82
6.1. Языковые механизмы эгоцентрической категоризации пространства в немецком языке	91
6.2. Граница между <i>своим</i> и <i>чужим</i> как фактор эгоцентрической категоризации пространства в немецком языке	91
6.3. Экстралингвистические факторы, определяющие особенности эгоцентрической категоризации пространства в немецком языке	96
6. Эгоцентрическая категоризация пространства в языке как способ интерпретации окружающего мира	103
Выводы по Главе I	113

Глава II

Эгоцентрические модели категоризации пространства в немецком языке

1. Содержательная и структурная характеристики эгоцентрических моделей пространства	117
1.1. Модель <i>Эго-пространства</i>	130
1.1.1. «Я – здесь – сейчас» как система координат языковой категоризации <i>Эго-пространства</i> на системном и функциональном уровнях	156
1.2. Модель <i>приватного пространства</i>	169
1.2.1. <i>Я – здесь – сейчас</i> как система координат языковой категоризации <i>приватного пространства</i> на системном и функциональном уровнях	202
1.3. Модель <i>социального пространства</i>	215
1.3.1. <i>Я – здесь – сейчас</i> как система координат языковой категоризации <i>социального пространства</i> на системном и функциональном уровнях	255
2. Языковые способы интерпретации границ при эгоцентрической категоризации пространства	269
Выводы по Главе II	276
Заключение	283
Список использованной научной литературы	291
Список использованных словарей	323
Список источников фактического материала	325

Введение

Новый подход к изучению особенностей структурирования знаний в процессах мышления и речемыслительной деятельности является характерной чертой современного этапа развития лингвистического знания. Принципиально новый взгляд на язык, его роль и статус связан с постановкой и решением широкого круга проблем, базирующихся на иных организующих принципах, основным из которых является рассмотрение языка как средства объективации существующих в сознании разнообразных и разноуровневых структур знаний о мире. Являясь продуктом познавательной деятельности человека, язык выступает и как инструмент познания мира (средство формирования и выражения мысли), его структуры, отдельных аспектов, фрагментов, характеристик. При таком подходе к исследованию особенностей получения, накопления и упорядочения знаний об окружающем мире, концептуализация и категоризация рассматриваются как ведущие функции человеческого сознания, лежащие в основе функционирования языка как системы и обеспечивающие возможность хранения, обобщения, систематизации и классификации знаний.

Научные изыскания, осуществляемые в рамках наук гуманитарного цикла, показывают необходимость учета принципов структурирования человеком окружающего пространства, особенностей осознания человеком своего места в мире, поскольку это оказывает существенное влияние на все сферы познания. Важность исследования особенностей языковой категоризации пространства обусловлена тем, что представления человека о пространстве, набор пространственных репрезентаций и систем отсчета, принципы структурирования знаний об окружающем пространстве лежат в основе формирования ряда ключевых концептов.

В процессе постижения и освоения окружающего пространства как одного из феноменов человеческого бытия, существующего в виде окружающей среды независимо от человека, в сознании индивидуума формируется концеп-

туальная модель пространства как базовая когнитивная структура, отображаемая в языке. Речь идет о формировании определенных когнитивных векторов, направляющих мышление каждого члена того или иного социокультурного сообщества в соответствии с набором стереотипных установок – правил поведения в социуме, которые образуются благодаря селективному восприятию информации из внешнего мира. Подобное селективное, интерпретационное восприятие полученной информации позволяет человеку выстраивать собственную поведенческую модель, конструируя окружающее пространство на основе принципов *эгоцентризма* и шире – *антропоцентризма*.

В настоящей работе исследуются языковые особенности и когнитивные основания, лежащие в основе эгоцентрической категоризации пространства как значимого сегмента бытия человека. Языковые данные свидетельствуют о наличии в немецком языке антропоцентрической систематизирующей основы, релевантной при когнитивном освоении данной понятийной сферы и позволяющей выделить модели, на основании которых осуществляется процесс категоризации человеком окружающего его пространства.

Под *эгоцентрической категоризацией пространства в языке* понимается вычленение различных типов и видов пространств по определенным схемам, основанное на эгоцентрической интерпретации человеком различных признаков и характеристик физических и ментальных пространств, своего места в них, равно как и входящих в тот или иной тип / вид пространства сущностей разного свойства, отношений, действий, состояний, событий. Языковая эгоцентрическая категоризация пространства осуществляется на основе выделения определенного концептуального расстояния, разделяющего человека и окружающий его мир (мир людей, натурфактов, артефактов, их состояний, отношений, событий действий и др.).

Актуальным является предлагаемый в работе подход к анализу заявленной проблематики в рамках когнитивно-дискурсивного направления совре-

менной лингвистики и шире – антропоцентрической парадигмы, ориентированной, прежде всего, на признание доминирующей роли человека как пользователя и интерпретатора языка. Использование теоретико-методологической базы когнитивно-дискурсивного подхода позволяет говорить о принципиально иной трактовке языкового антропоцентризма, согласно которой в настоящем исследовании анализируются особенности взаимодействия языковых и когнитивных структур, когнитивная и лингвокреативная деятельность субъекта, обеспечивающие креативность человеческого мышления при языковой категоризации пространства в контексте немецкой лингвокультуры.

Направление анализа заявленной в работе проблематики согласуется с методологической ориентацией на антропоцентризм, функционализм, экспансионизм и экспланаторность, в терминологии Е.С. Кубряковой, принятой в рамках когнитивной лингвистики, что также обуславливает его **актуальность**.

Разноплановые исследования особенностей структурирования различных типов пространств в сознании человека в рамках различных лингвистических парадигм научного знания помогают глубже проникнуть в суть заявленной проблематики. Вместе с тем, они не позволяют представить единую картину, так как их результаты преимущественно являют собой отдельные фрагменты описания данной многогранной теоретически и практически значимой проблематики. Предпринятый в работе анализ, основанный на изучении соотношения языковых правил и принципов общекогнитивной организации ментальных структур при эгоцентрическом структурировании пространства, и предложенная классификационная основа эгоцентрической категоризации пространства в немецком языке свидетельствуют о **научной новизне** исследования.

Научная новизна диссертации определяется следующими полученными автором практическими результатами и теоретическими выводами:

1) аргументирована национально-культурная обусловленность языковой репрезентации пространства на категориальном уровне;

- 2) выявлен и описан общий принцип (*принцип эгоцентризма*), выступающий в качестве когнитивного основания языковой категоризации пространства в немецком языке;
- 3) эгоцентрическая категоризация пространства в языке впервые трактуется как интерпретационное субъектно-объектное взаимодействие индивидуума с окружающим его миром;
- 4) на материале немецкого языка выявлена антропоцентрическая систематизирующая основа конструирования окружающего пространства;
- 5) установлена зависимость эгоцентрической категоризации пространства в немецком языковом сообществе от языковых, экстралингвистических и когнитивных факторов;
- 6) на материале немецкого языка разработаны и представлены *эгоцентрические модели пространства*;
- 7) предложена *эгоцентрическая типология пространства*, наглядно демонстрирующая антропоцентризм познавательной и языковой деятельности человека и проявление интерпретирующей функции языка.

Личный вклад автора также определяется тем, что на основе разработанной *эгоцентрической типологии пространства* в исследовании доказано, что антропоцентричность категоризации пространства проявляется в *субъектном принципе* моделирования пространства в языке: язык не копирует реальность, а антропоцентрично отражает процесс познания и освоения человеком окружающей действительности. Антропоцентричность языка проявляется и в том, что характер интерпретации зависит от системных и функциональных значений языковых единиц.

Объектом исследования в настоящей работе являются языковые средства различных уровней, репрезентирующие модели, сферы и типы эгоцентрического пространства в современном немецком языке на системном и функциональном уровнях. **Предмет** исследования составляют лингвокогнитивные особенности эгоцентрической категоризации пространства в немецком языке, а

также когнитивные и языковые механизмы, формирующие соответствующие смыслы и характеристики, релевантные при эгоцентрическом структурировании пространства.

Целью работы является построение эгоцентрических моделей категоризации пространства в немецком языке, выделение и анализ когнитивных оснований категории «Пространство» в сознании представителей немецкого языкового сообщества. Поставленная **цель** предусматривает решение следующих **задач**:

- обосновать антропоцентризм и эгоцентризм языковой категоризации пространства и раскрыть роль языковой личности при категоризации пространства в немецком языке на системном и функциональном уровнях;

- разработать методiku анализа особенностей эгоцентрической категоризации пространства в языке, исходя из основных методологических установок и принципов когнитивно-дискурсивного направления современной лингвистики;

- выделить когнитивные основания категоризации эгоцентрических моделей, сфер и видов пространства в немецком языке, структурируемых на основе интерпретации индивидуумом конкретного фрагмента мира и знаний о нем;

- выявить особенности языковых, экстралингвистических и когнитивных факторов, определяющих специфику эгоцентрической категоризации пространства в немецком языковом сообществе;

- выделить и проанализировать когнитивные и языковые механизмы эгоцентрической категоризации пространства в немецком языке, определить роль языковых единиц различных уровней в системной и функциональной категоризации пространства в немецком языке;

- разработать эгоцентрическую типологию пространства в немецком языке.

Решение поставленных задач осуществляется в рамках разрабатываемой в диссертационном исследовании *эгоцентрической типологии пространства*.

Теоретическая значимость настоящего исследования состоит в дальнейшей разработке теорий языковой концептуализации и категоризации, а также общей теории репрезентации знаний в языке: в работе выявляются и анализируются основные структурные и содержательные характеристики категории «Пространство»; языковые и когнитивные механизмы, лежащие в основе эгоцентрической категоризации пространства в немецком языке; анализируются языковые средства немецкого языка различных уровней, выступающие в качестве маркеров определенных моделей, сфер и типов пространства. Настоящая работа вносит вклад в исследование антропоцентрической природы языка и его интерпретирующей функции.

В результате междисциплинарного подхода к исследованию заявленной проблематики в работе предложены и детально описаны на материале немецкого языка *эгоцентрические модели пространства*, выделяемые на основе разрабатываемой в диссертации *эгоцентрической типологии пространства* (физического и ментального), что является теоретическим вкладом настоящей работы в развитие интегративной теории репрезентации и оперирования знанием в языке, предполагающей комплексный анализ трех аспектов – репрезентативного, семиотического и интерпретационного (основные положения и обоснование данной теории см. подробнее в работах Н.Н. Болдырева [Болдырев 2012; 2013б и др.]).

Представленное исследование вносит вклад и в многоуровневую теорию значения, в рамках которой учитываются не только собственно языковые знания – знания значений языковых единиц, их форм, синтаксических конструкций, но и знания общего, энциклопедического характера, отражающие весь опыт взаимодействия человека с окружающим миром.

Практическая значимость работы. Материалы, результаты и выводы, полученные в ходе исследования, найдут свое применение в преподавании таких теоретических дисциплин, как теория языка, общее языкознание, когни-

тивная лингвистика, лексикология, грамматика, теория перевода, межкультурная коммуникация; при подготовке спецкурсов по когнитивной семантике; в исследовательской практике, при написании квалификационных работ различного уровня, в лексикографических описаниях, в преподавании немецкого языка как иностранного, а также в практике преподавания таких смежных дисциплин, как теория коммуникации, философия, психология, социальная психология, социология, теория познания.

В качестве **теоретической основы** разрабатываемой в настоящей работе *эгоцентрической типологии пространства* выступают научные концепции и положения, представленные в трудах отечественных и зарубежных исследователей в рамках:

- *антропоцентрической парадигмы* современного языкознания (Н.Д. Артюнова, Э. Бенвенист, Н.Н. Болдырев, В.Г. Гак, Г. Гийом, В.З. Демьянков, Д. Джонсон, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Ю.С. Степанов, Е.Г. Хомякова и др.) (здесь и далее работы приводятся в алфавитном порядке);

- *интегративной теории языковой личности* (Г.И. Богин, В.В. Виноградов, Х. Гайснер, Л.И. Гришаева, В.И. Карасик, Ю.Н. Караулов и др.);

- *исследований феномена пространства* как базовой составляющей картины мира и особенностей представления *языковой модели различных типов пространства* (В.Г. Гак, Г. Кларк, И.М. Кобозева, А.В. Кравченко, Е.С. Кубрякова, Г.И. Кустова, Дж. Лайонз, С.Н. Плотникова, С.И. Потапенко, Е.В. Рахилина, Г. Рейхенбах, О.Н. Селиверстова, Л. Талми, Дж. Тейлор, В.Н. Топоров, В.М. Топорова, Ж. Фоконье, Е.С. Яковлева и др.);

- *когнитивной лингвистики*, среди которых наиболее значимыми являются исследования по проблемам *категоризации* и *концептуализации* (Е.Г. Беляевская, М. Бирвиш, Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, Р. Джекендофф, О.К. Ирисханова, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Р. Лэнекер, Р.И. Павиленис, Л. Талми, Ж. Фоконье, М. Шварц и др.);

- *интегративной теории репрезентации и оперирования знанием в языке*,

предполагающей комплексный анализ трёх аспектов – репрезентативного, семиотического и интерпретационного (основные положения и обоснование данной теории представлено в работах Н.Н. Болдырева и его учеников (Л.В. Бабина, Н.А. Беседина, О.Г. Дубровская, О.В. Магировская, Л.А. Панасенко, Л.А. Фурс, А.С. Щербак и др.), В.З. Демьянкова и др.).

Источниками языкового материала стали современные аутентичные тексты художественных произведений немецких авторов, публицистический дискурс, живая речь носителей немецкого языка (приводится в тексте диссертации без сносок), информационные интернет-ресурсы, материалы корпусов, правомерно рассматриваемые в качестве эмпирической базы современного лингвистического исследования (*LIMAS-Korpus, Mannheimer Korpus, Параллельный корпус (немецкий) Национального корпуса русского языка*). В качестве иллюстративного материала также использовались такие авторитетные немецкоязычные словари, как Duden, Wahrig. Объем собранного корпуса примеров – более 20 000 единиц – позволяет говорить о верифицированности результатов и выводов настоящей работы при комплексном использовании методов исследования.

В качестве основного **методологического принципа** в диссертационном исследовании принимается положение об антропоцентричности языка. **Методологической базой** диссертационного исследования являются как общенаучные положения, так и основные методологические принципы, разрабатываемые в рамках когнитивно-дискурсивного направления и шире – антропоцентрической парадигмы лингвистического знания (Е.Г. Беляевская, Н.Н. Болдырев, В.З. Демьянков, О.К. Ирисханова, Ю.Н. Караулов, Е.С. Кубрякова, Дж. Лакофф, Р. Лэнекер, Р.И. Павиленис, Ю.С. Степанов, Л. Талми, Ч. Филлмор, Ж. Фоконье, Е.Г. Хомякова, М. Шварц и др.):

- тезис о сочетании конкретного и абстрактного в динамике процесса познания;

- антропоцентрическая трактовка природы языка, сущности познавательной деятельности человека и конструирования реальности при помощи языка;
- рассмотрение языка как культурно обусловленного знания особого рода и как системы концептуализации и категоризации знаний;
- положение о взаимосвязи языка и когнитивной деятельности человека, о соответствии мыслительных категорий и языковых структур – о когнитивной мотивированности языковых форм и структурированности системы языковых знаний и когнитивной деятельности человека;
- трактовка языковых категорий как форм языкового сознания и форматов знания особого типа;
- положение о социальной обусловленности человеческой когниции и социально порождаемом смысле и значении;
- понимание особой роли интерпретации как неотъемлемого свойства человеческого сознания, в том числе, языкового в процессах концептуализации и категоризации.

В качестве основных **методов** анализа применялись методы сравнения и описания, методы лексикографического, концептуального и контекстуального анализа предложений-высказываний, интерпретационно-текстового анализа, концептуального моделирования, метод анализа сочетаемости лексем, обеспечившие системность исследования особенностей эгоцентричной категоризации пространства в языке. Эгоцентрическая типология пространства разрабатывается в работе с позиций прототипической теории категоризации.

Результаты проведенного исследования позволяют сформулировать следующие **основные положения** концепции эгоцентрической категоризации пространства, **выносимые на защиту**:

1. Языковая категоризация пространства как пространства реляционного, или относительного, трактуемого в качестве системы отношений между входящими в него и взаимодействующими между собой сущностями, базируется

на принципе языкового антропоцентризма, суть которого проявляется в реализации интерпретирующей функции языка. Она представляет собой результат субъектно-объектного взаимодействия с окружающим миром и осуществляется на основе интерпретации конкретного фрагмента мира и знаний о нем.

2. Когнитивными основаниями эгоцентрической категоризации пространства в немецком языке являются: различные характеристики пространства и типов отношений между индивидуумом и окружающими его сущностями различной природы; наличие в сознании представителей немецкого языкового сообщества определенных схем и механизмов самооценки, оценки объектов, субъектов окружающего мира, интерпретации характера взаимоотношений индивидуума с субъектами и объектами окружающего мира, равно как и с окружающим миром в целом. Осознание своего места, места других людей, предметов, событий в пространстве и, как следствие, формирование принципов эгоцентрической категоризации пространства основано на осмыслении индивидуумом места собственного *Я*, образующего центр структурируемого пространства, и границы / границ и принципов их проведения.

3. Данные когнитивные схемы лежат в основе способности языковой личности к членению окружающего пространства на *свое* и *чужое*, что позволяет говорить о субъектном принципе языкового моделирования пространства. *Свое* пространство, или *я-мир* категоризируется в немецком языке как пространство, *принадлежащее человеку* или как пространство, *частью которого является человек*. Когнитивным основанием языковой категоризации *чужого* пространства, или *не-я-мира* является интерпретация его как пространства, *не принадлежащего человеку* или как пространства, *не включающего в себя человека*.

4. В зависимости от контекста, характера отношений, социального, позиционного статусов, роли субъекта, соотношения ролей и статусов, условий коммуникации одни и те же языковые средства могут определять различные направления вектора принадлежности при эгоцентрической категоризации

пространства в немецком языке (*пространство принадлежит / не принадлежит человеку* или *человек как часть пространства*). Ведущую роль при языковой категоризации пространства играет выбор перспективы и когнитивной точки референции.

5. Построение образа окружающего пространства, интегрированного в ментальный мир человека, осуществляется на основе принципа эгоцентризма. Наряду с выбором точки отсчета говорящий осуществляет осознанный отбор тех или иных языковых средств категоризации пространства на основании коллективного знания об особенностях и принципах членения пространства и в соответствии со своими индивидуальными знаниями, ценностными, межличностными ориентирами, коммуникативно-прагматическими установками, опираясь на свой индивидуальный опыт межличностного и социального взаимодействия. Говорящий каждый раз заново конструирует окружающее пространство и входящие в него сущности и отношения между ними с учетом собственного субъективного восприятия окружающей действительности.

6. Базируясь на различных когнитивных основаниях, языковое моделирование пространства осуществляется в системе трех координат, соотносимых с тремя типами дейксиса: *личностная эгоцентрическая координата, пространственная эгоцентрическая координата, временная эгоцентрическая координата*. В выделении данных координат в качестве основного классифицирующего принципа также проявляются субъектный принцип и эгоцентричность языковой категоризации пространства.

7. *Эгоцентрическая типология пространства* строится на основе выделения общего когнитивного основания, имеющего системно-значимый характер для немецкого языка. Единой когнитивной основой эгоцентрической категоризации пространства в языке, свидетельствующей о системном характере данных процессов, является *социокультурно-топологическая матрица* с различными областями определения. Данная ментальная схема позволяет структурировать взаимоотношения отдельной личности и других людей, объектов,

территорий, событий. Наличие в немецком языке антропоцентрической систематизирующей основы позволяет выделить три модели категоризации пространства, структурируемые по эгоцентрическому принципу: модель *Эго-пространства*, модель *приватного пространства* и модель *социального пространства*. Внутри данных моделей на основе интерпретации различных характеристик и отношений конструируются различные сферы и виды пространств. В результате субкатегоризации, внутри *Эго-пространства* выделяются сферы: *физическое тело индивидуума; психологический мир индивидуума; личные вещи индивидуума; физические действия, чувства, ощущения индивидуума*. Внутри *приватного пространства* выделяются такие сферы, как *дом, пространство внутри и вокруг дома, квартира, комната, участок земли как частная территория, машина (физическое пространство); родственные отношения (ментальное пространство); дружеские отношения (ментальное пространство)*. Внутри *социального пространства* выделяются следующие сферы: *профессиональная деятельность / учеба; общественная / политическая / религиозная жизнь; национальные интересы; общеевропейские интересы; общечеловеческие интересы*.

8. Языковая категоризация пространства как иерархически структурированной антропоцентрической сферы необходима человеку для выстраивания адекватных отношений с окружающим его миром и осуществляется за счет взаимодействия различных когнитивных и языковых механизмов. Когнитивные механизмы (профилирование, перспективизация, выбор точки референции, представление пространства как контейнера, концептуальная метонимия) обуславливают использование таких языковых механизмов категоризации пространства в немецком языке, как дейксис, прямые номинации пространственных и межличностных отношений и характеристик, словообразование, семантическая сочетаемость, использование синонимии, антонимии, языковой метонимии и метафоры, синтаксических конструкций.

9. Эгоцентрическая категоризация пространства в языке представляет собой существенную часть конструирования ситуации, которая осуществляется с опорой на системные значения языковых единиц и за счет формирования новых смыслов. Системные и функциональные значения языковых единиц различных уровней, маркирующих модели, сферы, типы и виды пространства, базируются и формируются на основе соотнесения национально-культурных знаний представителей конкретного идиоэтнического сообщества, индивидуального опыта говорящего и индивидуального опыта других людей. В качестве конкретных единиц эгоцентрической категоризации пространства в немецком языке выступают имена существительные, прилагательные, именные группы, глаголы, наречия, местоимения, предложные сочетания, синтаксические образования, объективирующие постоянные и переменные признаки сущностей различной природы, на основании которых они категоризируются как входящие в определенную модель, сферу, тип или вид эгоцентрически структурируемого пространства.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были представлены в докладах на общероссийских, международных (Москва, Санкт-Петербург, Тамбов, Уфа) и зарубежных конференциях в Болгарии (Варна), Германии (Веймар, Йена, Мюнхен), Италии (Больцано), Канаде (Вествуд), Македонии (Свете Николе), ОАЭ (Абу-Даби); на заседаниях кафедры зарубежной филологии и лингвистики Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина, на заседаниях Круглых столов в Институте языкознания РАН. Основные положения и выводы по данной работе отражены в авторской монографии, в 40 публикациях по теме исследования (из них 18 статей в изданиях, включенных в Перечень рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов диссертаций; в 5 статьях в зарубежных изданиях).

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из Введения, двух Глав, Заключения, Списка использованной научной литературы, включающей 395 источников, в том числе, 125 источников на английском и немецком языках, Списка использованных словарей и Списка источников фактического материала. Главы подразделяются, в свою очередь, на разделы, имеющие свою внутреннюю рубрикацию.

Во *Введении* дается общая характеристика работы, раскрываются ее актуальность, новизна, теоретическая и практическая значимость, определяется цель и в соответствии с ней – конкретные задачи исследования, приводятся положения, выносимые на защиту, уточняются объект, предмет исследования, его методологическая и теоретическая база, описываются методы, структура исследования и источники фактического материала, приводятся сведения об апробации работы.

В Главе I *«Теоретико-методологические основы исследования эгоцентрической категоризации пространства в языке»* излагается методологически важное для настоящего исследования понимание языка как системы концептуализации и категоризации окружающей действительности и описываются особенности взаимосвязи языка и когнитивной деятельности человека при понятийном освоении такой сферы, как пространство.

С опорой на тезисы о языковом антропоцентризме и антропоцентрической сущности познавательной деятельности человека доказывается эгоцентрический характер категоризации пространства в языке и обосновывается ключевая роль языковой личности как иерархически структурированной константы, объединяющей коллективное, национально-обусловленное и индивидуальное начала в процессах языковой категоризации пространства.

В Главе обосновывается необходимость междисциплинарного подхода к исследованию многогранного феномена *пространства*. На основе всестороннего анализа работ отечественных и зарубежных ученых в различных областях

научного знания делается вывод о том, что все модели, сферы и типы пространств, выделяемые человеком для упорядочения его собственных представлений о мире, о своих ощущениях, о взаимоотношениях с окружающими его субъектами и объектами, имеют сходную структуру и характеристики. В данной главе также подробно описывается роль языковых, когнитивных и экстралингвистических факторов, определяющих особенности эгоцентрической категоризации пространства в немецком языке. Отдельные разделы посвящены роли адресанта и адресата как отправных точек языковой категоризации пространства, а также когнитивным основаниям выделения различных моделей, сфер и типов эгоцентрического пространства в немецком языке.

В Главе II «*Эгоцентрические модели категоризации пространства в немецком языке*» выделяются модели категоризации пространства, структурируемые по эгоцентрическому принципу. Внутри трех выделенных моделей – модели *Эго-пространства*, модели *приватного пространства* и модели *социального пространства* – вычлняются сферы и типы пространств, категоризируемых в немецком языке на основе интерпретации различных отношений и характеристик. Эгоцентрическая категоризация пространства позволяет индивиду структурировать окружающее его пространство и определять свое место в нем.

В Главе анализируется роль грамматических и лексических языковых средств, выступающих в качестве языковых маркеров различных моделей, сфер и типов пространства, категоризируемого в немецком языке на системном и функциональном уровнях на основе принципа эгоцентризма; исследуются языковые способы интерпретации границ при эгоцентрической категоризации пространства.

В *Заключении* подводятся итоги проведенного исследования, делаются выводы обобщающего характера, намечаются перспективы дальнейшего изучения заявленной проблематики.

В настоящей диссертации исследуются, таким образом, особенности эгоцентрической категоризации пространства в языке как одного из способов структурирования мира, основанного на интерпретации характера отношений между индивидуумом и сущностями различной природы, входящими в определенную модель, сферу, тип пространства, и предлагается направление решения заявленной проблематики. В рамках разработанной в ходе исследования *эгоцентрической типологии пространства* на материале немецкого языка описываются эгоцентрические модели категоризации пространства, выстраиваемые по принципу языкового антропоцентризма и антропоцентризма познавательной деятельности человека.

ГЛАВА I.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЭГОЦЕНТРИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В ЯЗЫКЕ

1. Язык как система концептуализации и категоризации знаний

1.1. Взаимосвязь языка и когнитивной деятельности человека

Вопрос о том, что представляет собой объективное знание, интересовавший еще древнегреческих философов, снова стал актуальным в 18 веке, когда, как показывает в своем обзоре Э. Глазерсфельд, Ж. Вико первым в европейском языкознании выдвинул идею о том, что «наше рациональное знание конструируется нами самими» [Glaserfeld 1997: 76]. В этой связи представляются важными тезисы Ж. Вико о том, что человек «составляет» свое познание из элементов (данное положение коррелирует с концепцией синтетического априорного познания И. Канта), а совершенство человека состоит в *совпадении познавательной и созидательной деятельности*. Современные представления о знании рождаются в ходе научной революции 19 века, следовательно, представляется не вполне правомерным связывать собственно научное исследование знания с именами Аристотеля, Декарта и др. (см. подробнее: [КСКТ 1996: 28-29; The Cognitive Psychology ... и др.]).

Сторонники классической эпистемологии понимают под знанием проверенный практикой результат познания действительности, ее верное отражение в мышлении человека, а также обладание опытом и пониманием, которые являются правильными как в субъективном, так и в объективном отношении [ФЭС 2009: 166], выделяя при этом три источника знания: *объект*, находящийся в фокусе познавательного интереса, *субъект* с присущими ему познавательными способностями и *социальные условия познания*. Как отмечает И.Т. Касавин, в классической теории познания вопрос о формах репрезентации знания ставится следующим образом: «знание доступно самому субъекту познания непосредственно путем интроспекции и рефлексии, а другие субъекты

приобщаются к нему в ходе языковой коммуникации, использующей уточненные и однозначные слова естественного и искусственных языков» [Касавин 2007: 3].

С точки зрения социальной эпистемологии все источники знания представляют собой социальные условия познания: и субъект, и объект познавательного процесса являются социальными конструктами, а познается только то, что представляет собой часть мира, тем или иным образом освоенного человеком и только так, как это диктуют социальные нормы и правила. Д. Блур, автор социальной теории познания, разработал в рамках когнитивной социологии концепцию знания как социального института, согласно которой знание – это то, что принимается людьми как знание; любое знание имеет социальный компонент, более того, знание есть коллективное поведение (см. подробнее: [Bloog 1976]). Идея о рассмотрении объекта и субъекта познания в качестве социальных конструктов, выдвинутая в рамках социальной эпистемологии, является довольно перспективной при исследовании взаимосвязи языка, когниции и коммуникации вообще и для изучения особенностей языковой категоризации пространства, в частности.

В рамках конструктивизма предлагается схожая трактовка взаимодействия окружающей действительности и индивидуальности, а в научном сообществе становится актуальной проблематика *конструирования действительности с учетом социальных факторов*. Так, Э. фон Глазерсфельд подчеркивает, что знание существует только в голове человека, и думающий субъект конструирует его на основе собственного опыта (ср. с широким пониманием *конструирования как создания ментального объекта концептуализатором*, представленным в работах Р. Лэнекера [Langacker 1987; 2008]). Знание, согласно Э. фон Глазерсфельду, необходимо живому организму для упорядочения и структуризации бесформенного потока переживаемого [Glaserfeld 1981: 16]. В своих работах ученый развивает идею о необходимости преодоления наивного взгляда на окружающий мир в процессе его познания путем

конструирования специальных языковых и научных методик, обосновывая тем самым необходимость использования достижений различных областей научного знания (прежде всего, биологии, нейрофизиологии, кибернетики, психологии, педагогики, лингвистики и социологии) [Glaserfeld 1997] (ср. с междисциплинарным подходом к исследованию языка как методологической установкой когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистики).

Одним из ключевых постулатов теории Э. фон Глазерсфельда возможно считать трактовку знания *не как результата, а как деятельности* [Glaserfeld 1997: 43]. Формулируя основные принципы радикального конструктивизма с опорой на теорию когнитивного развития Ж. Пиаже [Пиаже 1983; Piaget 1974; 1977], Э. фон Глазерсфельд подчеркивает, что (1) знание не просто пассивно воспринимается думающим субъектом, а активно строится; (2) функция когниции адаптивна: когниция служит организации миро-познания, а не открытию онтологической реальности [там же: 48, 96] (см. схожую позицию, изложенную П. Вацлавиком [Watzlawick 1976]). Э. фон Глазерсфельд также выдвигает тезис о том, что в процессе коммуникации невозможно опираться только на существующие значения, коммуникация ориентирует интерактантов конструировать значения в процессе познания [Glaserfeld 1997: 225-236].

Подобный взгляд на исследование процесса познания, знания как результата этого процесса и коммуникации демонстрирует взаимозависимость знаний о языке, знаний, представленных в языке и других видов знания, равно как и важность социальной интеракции. Эта идея нашла впоследствии свое продолжение в работах когнитивных психологов и в когнитивной лингвистике; в исследовательской практике одними из первых конструктивистские идеи применили отечественные гендерологи (см. подробнее работы Е.С. Гриценко, А.В. Кириной).

Сторонники биокогнитивной теории познания У. Матурана и Ф. Варела, также являющиеся яркими представителями конструктивизма, считают, что в

качестве познания выступает сам процесс жизни организма в целом и человека, в частности. Процессы познания сводятся, по их мнению, к наблюдению, результатом которого является производство различий [Матурана, Варела 2001]. В силу того, что эпистемологические принципы, изложенные в концепции У. Матураны, не направлены на детальную разработку собственно лингвистической составляющей, автор, не дает четкого ответа на вопрос о статусе языка в когнитивной деятельности человека, постулируя языковое поведение как поведение ориентирующее и признавая за языком функцию создания кооперативной области взаимодействия между говорящими путем выработки общей системы отсчета. Язык, по мнению ученого, выполняет реляционную и адаптивную функции при взаимодействии человека с окружающей средой и представляет собой часть когнитивной области человека [Матурана 1996].

У. Матурана неоднократно подчеркивает, что в понимании феномена познания решающую роль играет признание онтологической первичности наблюдения и фигуры наблюдателя как фактора, предопределяющего само существование сознания и языка. Более того, в его концепции постулируется вторичность физического мира, физической области существования по отношению к феномену жизни человека-наблюдателя [Maturana 1992: 115 и далее; Матурана 1996].

Неоднозначная оценка теории восприятия У. Матураны отечественными и зарубежными учеными привела к появлению различных научных рефлексий: одни авторы критикуют его теорию за «эпистемологическое противоречие» (см., например: [Кубрякова 2009а; Johnson 1991]), другие подчеркивают ее продуктивность (см., например: [Имото 2006; Кравченко 1992, 1999, 2001 и др.; Верхотурова 2006, 2008 и др.]). Так, для С. Имото теория восприятия У. Матураны, или его биология познания представляется «критикой нашего традиционного (основанного на здравом смысле) понимания объективной реальности», альтернативным взглядом на объективность, т.к. в этой теории «тра-

диционная объективная реальность предстает как структурно-детерминированная реальность, иными словами, структурно-зависимая реальность» [Имото 2006: 13-14].

Полемизируя с У. Матурана, Е.С. Кубрякова отмечает: «из того, что мир предстает перед нами в описаниях, данных на естественном языке, никак не следует, что он **существует только в этих описаниях** ... для того, чтобы наблюдать за чем-то, естественно предположить, что это что-то существует» (выделено Е.С. Кубряковой) [Кубрякова 2009а: 18]; «всякому знанию предшествует онтологическая реальность, хотя и в соответствии со всеми допущениями и возможностями, «записанными» в биопрограмме человека, а поэтому «пропущенная» через его разум (мозг), но все же имеющая, в конце концов, некие материальные, физические основания – *bodily experience*» [там же: 22].

Ведущие отечественные и зарубежные ученые, работающие в рамках когнитивной лингвистики, подчеркивают важность роли наблюдателя в языковой концептуализации и категоризации: «значительная роль в формировании языковых значений принадлежит человеку как наблюдателю и как носителю определенного опыта и знания» [Болдырев 2004: 24], что влечет за собой появление большого количества работ интегративного характера, посвященных исследованию механизмов и особенностей процесса восприятия (см., например, работы Н.Н. Болдырева и ученых Тамбовской школы, А.В. Бондарко, О.К. Ирисхановой, С. Коули, Е.С. Кубряковой и др.). Так, Е.С. Кубрякова, выделяя функцию ориентации, отводит ей роль функции «миросозидающей» [Кубрякова 2009а: 11-24], а А.В. Бондарко предлагает выделять перцептивность как особую категорию, которая служит «взаимосвязи времени, пространства и точки зрения наблюдателя» [Бондарко 2004: 279].

Проведя детальный анализ философско-методологических подходов к исследованию взаимосвязи мышления, культуры и языка, сформировавшихся ко второй половине 20 века, М. Коул и С. Скрибнер подчёркивают важную роль

структурализма, заключающуюся в усиленных поисках общих закономерностей «работы разума» в различных культурах [Коул, Скрибнер 1977: 39 и далее]. Например, К. Леви-Стросс пытался продемонстрировать в своих работах универсальность функционирования сферы бессознательного и его независимость от национальной и временной принадлежности (современные исследования в рамках когнитивной науки убедительно доказывают существование универсалий в познавательных процессах). Автор подчеркивал, что и первобытная, и современная (научная, в том числе) системы мышления направлены на упорядочение, систематизацию и классификацию поступающей информации. Различие между ними он видел, например, в наборе признаков, лежащих в основе формирования категорий (подобные выводы были сделаны на основе анализа мифов, терминов родства и других социальных и культурных институтов) [Леви-Стросс 2011].

Принципиально иная трактовка знания и сути процесса познания, основанная на идее субъективности, характеризует философию постмодерна: отрицается сама возможность существования объективной истины и постулируется субъективный характер восприятия мира и, как следствие – множественность истины. Так, М. Фуко предлагал коренным образом переосмыслить проблему взаимоотношений системы «субъект – познание – мир», развивая новую «философию субъекта» в рамках «археологии» знания (в более поздней трактовке – «генеалогии» знания). Рассматривая в качестве источника и единственной инстанции производства знания субъект, а в качестве одного из инструментов организации знаний «фигуру автора», М. Фуко настаивает на невозможности восстановить, реконструировать континуум сознания, или континуум смысла: «Мир – это не сообщник нашего познания, и не существует никакого пре-дискурсивного провидения, которое делало бы его благосклонным к нам» [Фуко 1996б: 80].

По мнению ученого, всякий дискурс включает в себе насилие, так как именно посредством дискурса человек организует мир вещей, подгоняя под

определенную схему то, что не укладывается в схемы. В свою очередь, субъект является идеологической иллюзией, идеологическим конструктом, свойственным определенной культурной эпохе [Фуко 1996а; 1996б]. С данной точкой зрения полемизирует Ю. Хабермас, предлагающий использовать вместо классической теории познания теорию коммуникативного действия, согласно которой истина понимается как **результат дискурса** [Habermas 1995a, 1995b]. Для настоящего исследования идея Ю. Хабермаса о динамическом и контекстуально обусловленном (контекст в широком понимании) характере познания представляется чрезвычайно плодотворной.

Р.И. Павиленис разработал целостную концепцию, позволяющую построить теоретическую модель понимания человеком окружающей его действительности. На основе логико-философского анализа языка, целью которого является описание отношения между мышлением, языком и действительностью, автор показал, что проблематику соотношения языка и мышления необходимо исследовать на основе анализа концептуальных систем, их взаимоотношений и отношений с окружающим миром [Павиленис 1983].

В лингвистических исследованиях вопрос о роли и месте языка в когнитивной деятельности индивида решался по-разному в рамках различных направлений. Так, лингвистические воззрения Ф. Соссюра базируются на идее о том, что коммуникация представляет собой процесс кодирования и декодирования сообщений, язык является неким постоянным кодом, а коммуникация на определенном языке возможна благодаря общему знанию его носителей набора соотношений форм и значений, из которых состоит тот или иной язык. Вместе с тем, уже в начале 20 века Э. Сепир сформулировал тезис о единстве языка и мышления («Язык и шаблоны нашей мысли неразрывно между собой переплетены, они в некотором смысле составляют одно и то же» [Сэпир 1993: 193]), который в современной терминологии можно трактовать как когнитивный подход к исследованию соотношения языковых и мыслительных структур (предваряя описание данной проблематики, отметим, что, представляя собой

неразрывное единство, когнитивные и языковые структуры существенно отличаются друг от друга).

Основной целью структурной лингвистики было исследование взаимосвязей единиц в системе языка, изучение особенностей его структуры. Несмотря на то, что методологические установки данного направления базировались на априорности представлений о соотношении языка и человеческого сознания, именно в работах представителей данного направления впервые прозвучали идеи о важности изучения не только языковых, но и ментальных структур. Так, основатель школы психосемантики и создатель теории лингвистического ментализма Г. Гийом последовательно развивает положение о неразрывной связи и взаимодействии языка и мышления: «Правдивым отражением ... истории человеческого мышления выступают структуры языка; она как бы зашифрована в этих структурах, и надо научиться их расшифровывать» [Гийом 2007: 140].

В генеративной, или трансформационной лингвистике Н. Хомского содержится идея о рассмотрении структуры языков в качестве доказательства когнитивной организации языка в сознании, обосновывается необходимость использования при анализе языка данных нейрологического, физиологического, онтологического характера, подчеркивается необходимость изучения природы языковых способностей человека [Chomsky 1991]. В рамках своей лингвистической теории Н. Хомский, исследуя ментальные репрезентации языкового знания, предпринял попытку понять особенности внутреннего устройства языка, показав, как при помощи неких алгоритмов можно анализировать значительные объемы информации, лежащие в основе таких базовых когнитивных способностей человека, как говорение и понимание (см., например: [Chomsky 1957; 1980; 2005]). Вместе с тем, исследователь не разделяет взгляда на язык, согласно которому изучать язык – значит изучать сознание [Chomsky 1980: 4].

Многие учёные, работы которых заложили основу когнитивного направления (Дж. Лакофф, Р. Лэнкер, Ч. Филлмор, У. Чейф и др.), начинали свои исследования именно в рамках генеративного направления, переосмысление основных идей и методологии которого и стало, наряду с успешным развитием целого ряда областей научного знания, одним из условий развития когнитивных исследований языка. Так, автор первой когнитивной грамматики Р. Лэнкер выделяет в качестве одного из ошибочных положений структурализма вообще и генеративной грамматики, в частности, рассмотрение языка в качестве «отдельного «модуля психологической структуры», подчеркивая необходимость учета широкого круга когнитивных проблем [Лангакер 1992: 7] (см. также: [Langacker 1991; Langacker 2008]) (в настоящей и последующих ссылках фамилия *Langacker* указывается в транскрипции, предложенной переводчиком). Как подчеркивает в этой связи В.З. Демьянков, «лингвистический структурализм – попытка посмотреть на язык как на то, что существует «само по себе и для себя» – так и остался грандиозным, но незавершенным теоретическим экспериментом» [Демьянков 2006: 5].

Один из основоположников когнитивного направления У. Чейф рассматривал язык в качестве доступа к сознанию и средства понимания познавательной сферы человека: «язык – лучшее окно в знание, ведь мы используем язык, чтобы выразить его» [Chafe 1987: 109]. Вместе с тем, ученый подчеркивал, что «модели человеческого знания, чересчур «привязанные к языку», вряд ли имеют право на существование», объясняя это тем, что существуют некие мысли, трудно выражимые словами и при «объективации» таких мыслей человек сталкивается «со значительными трудностями» [там же]. Тезис о неэквивалентности мышления и языка, о том, что «мышление представляет собой нечто большее, чем просто язык» [Чейф 2008: 84] постулируется У. Чейфом с основой на данные, полученные в различных областях научного знания.

В описание структуры и форм речевой деятельности, её тесной взаимосвязи с мыслительной, когнитивной и другими видами деятельности человека

внесли большой вклад работы, выполненные в рамках отечественной психолингвистики, методологические установки которой разрабатывались с опорой на исследования выдающихся советских психологов [Выготский 1968, 2011; Жинкин 1982; Леонтьев 1977; Лурия 1979 и др.]). В то время как одни ученые, как отечественные, так и зарубежные, работавшие в рамках этого направления, считали изучение особенностей и закономерностей соотношения мыслительных и языковых структур исключительно прерогативой психологии (см., например: [Горелов 1977, 1980; Слобин, Грин 1976: 51 и след.] и др.), другие подчеркивали необходимость учета данных лингвистического анализа при исследовании мыслительных структур: исследователь языка вправе высказать свое суждение о внутренней стороне речемыслительных процессов, «поскольку функциональное содержание языковых форм наталкивает его на определенные выводы» [Кацнельсон 1984: 4] (см. также: [Вежбицкая 1984]).

В своем исследовании, выполненном в рамках психолингвистики, Е.С. Кубрякова отмечала, что на основании лингвистического анализа можно судить о внутренней, скрытой деятельности мозга, о мыслительных структурах и механизмах порождения речи [Кубрякова 2010]. С точки зрения современных данных, полученных в результате когнитивно-дискурсивных исследований, представляется очевидным, что данная работа Е.С. Кубряковой во многом предопределила направления исследований, посвященных анализу взаимосвязи когнитивных и языковых механизмов, закономерностям возникновения личностных смыслов (см., например, разделы, посвященные личностным смыслам [Кубрякова 2010: 66-81] и принципам распределения личностных смыслов как компонентов мысли по языковым единицам разной структуры [Кубрякова 2010: 109-124]).

Таким образом, в рамках психолингвистики, изучающей лингвистические и психологические основы активного «овладения» и владения языком, ученые пытались вычленить и описать как речевые операции, опирающиеся на раз-

мышления, так и не подлежащие рефлексии. Кроме того, психолингвисты исследовали формы, средства и способы вербализации мысли, анализировали соотношения когнитивных и языковых структур с целью изучения творческого потенциала человека. Все это позволяет рассматривать психолингвистику в качестве одного из направлений, внесших большой вклад в изучение взаимосвязи языка и когнитивной деятельности человека.

Данные теоретические послы находят свое развитие, на основе современных наработок в рамках когнитивной лингвистики, и в настоящей работе, в рамках которой анализируются особенности эгоцентрической категоризации пространства как при помощи системных значений языковых единиц различных уровней, так и при помощи их функциональных значений, порождаемых в результате так называемой «языковой социализации», в процессе которой субъекты речи порождают дополнительные смыслы. Подобные осознанные манипуляции говорящего с семантикой языковых единиц основаны на его интерпретации различных типов и видов окружающего пространства, входящих в него сущностей, отношений, состояний, событий, действий (подробный анализ в Главе II настоящей работы).

Научная дискуссия, развернувшаяся в 70-80 гг. 20 века, привела к результатам, изменившим взгляд исследователей на то, что представляет собой знание, на проблематику соотношения мышления и языка и, в определенной степени, заложившим основы когнитивного направления лингвистики. К подобным достижениям можно отнести признание того факта, что адекватная теория языка должна не только включать теории, разрабатываемые в смежных областях научного знания, но и «интегрировать их, рассмотрев все их данные с лингвистической точки зрения» [Кубрякова 2010: 5]. Примечательно, что мысль об интегративном характере лингвистики высказывалась и раньше (одним из первых её высказал Ф. де Соссюр: «деятельность говорящего должна изучаться целой совокупностью дисциплин, имеющих право на место в лингвистике лишь постольку, поскольку они связаны с языком» [Соссюр 1977:

57]), но не признавалась в качестве одной из первостепенных с точки зрения методологического подхода к исследованию языка.

Во второй половине прошлого века в лингвистическом сообществе была признана и необходимость исследования семантики как ведущего начала при переходе от мысли к слову. Так, в упомянутой выше работе Е.С. Кубряковой, подчеркивалась не только тесная связь семантики и процессов номинации, но и «сам переход от личностных смыслов говорящего, формирующих его мысль, к определенным языковым средствам ее реализации, через обязательную ступень распределения этих личностных смыслов по разным типам языковых единиц как служащих выражению языковых значений разного типа» [Кубрякова 2010: 4-5].

В результате этих парадигмальных эволюций коренным образом поменялся как подход к изучению принципов организации мышления, особенностей использования знаний в процессах мышления и речемыслительной деятельности, так и взгляд на язык, на его роль и статус. Данные изменения, связанные с постановкой и решением широкого круга проблем, носят глобальный характер и основываются на иных организующих принципах, основным из которых является рассмотрение языка как средства, открывающего доступ к анализу познавательных способностей человека, как единственного инструмента, обеспечивающего доступ к сознанию, как способа объективации существующих в нашем сознании разнообразных и разноуровневых структур знаний об окружающем мире.

Такой взгляд на язык предполагает его рассмотрение и в качестве одного из наиболее естественных доступов к человеческому сознанию, и в качестве средства формирования, структурирования и хранения знаний. Как отмечал в этой связи Г. Харман, язык отражает познание, а изучение языка является косвенным изучением познания. Более того, ученый высказывал мысль о воздействии языка на процесс познания: язык «влияет на то, какие есть у нее или него

понятия и какие мысли придут в голову ей или ему» [Harman 1988: 259]. Аналогичную трактовку взаимосвязи языка и познания предлагал в своих теоретических изысканиях Л. Витгенштейн: «границы моего языка означают границы моего мира» [Витгенштейн 1958: 80].

В рамках настоящего исследования анализируются особенности эгоцентрической категоризации пространства в немецком языке как базовой когнитивной структуры, исследование которой позволяет сделать вывод о национально-культурных особенностях, проявляющихся в данной антропоцентрической сфере, поскольку именно «язык отражает тот способ, с помощью которого человек представляет себе мир» [Лакофф 1981: 350]. (о влиянии языка на особенности национального сознания см. также: [Гумбольдт 1984, 2000 и др.]; о развитии в сознании человека имитаций, значимых для определенной культуры см. теорию симуляционных моделей [Barsalou 1999] и др.).

Принципиальным отличием подхода к исследованию соотношения знания, познания и языка в рамках когнитивной лингвистики, как подчеркивает Е.С. Кубрякова, является «ее направленность на получение знания о знании», а также то, что в фокусе ее внимания «находятся многочисленные проблемы, связанные с получением, обработкой, хранением, извлечением и оперированием знаниями, относящиеся к его накоплению и систематизации, его росту, ко всем процедурам, характеризующим использование знания в поведении человека и, главное, в его мышлении и процессах коммуникации» [Кубрякова 2004: 41]. Под знанием в рамках когнитивной лингвистики понимается «то, что уже отложилось в сознании и составляет часть памяти; ... это не собрание случайных фактов, а набор сведений, объединенных в определенную упорядоченную систему» [КСКТ 1996: 28-29], то есть не знание вообще, а **знание, представленное в языке.**

Как уже отмечалось выше, необходимость исследования взаимосвязи языка, мышления и знания признавалась отдельными учеными задолго до появления когнитивного направления. Так, тезис о языке как о знании особого

рода звучал ещё в работах И.А. Бодуэна де Куртене: «... мы вправе считать язык особым знанием, т.е. мы вправе принять третье знание, знание языковое, рядом с двумя другими – со знанием интуитивным, созерцательным, непосредственным, и знанием научным, теоретическим» [Бодуэн де Куртене 1963: 79]. Осознание того факта, что мысль формируется в слове, находим и в работах Л.С. Выготского: «мысль не выражается в слове, но совершается в слове» [Выготский 2011: 392] (ср. с противоречащим этому тезису мнением А.Р. Лурии: «то, что человек хочет сформулировать в своем высказывании, ему самому уже известно» [Лурия 1979: 194] и генерирующей и развивающей данные теоретические посылы гипотезой о формировании мысли, предложенной Е.С. Кубряковой: «... форма складывающегося высказывания не безразлична ... для мысли; ... раз возникнув или возникая, языковая форма сама может служить источником новых значений и новых смыслов» [Кубрякова 2010: 51]).

Последовательные, непротиворечивые и системные исследования данной проблематики начались только в рамках когнитивного направления. Представляя методологическую основу когнитивной лингвистики как новой парадигмы лингвистического знания, М. Шварц подчеркивает, что именно в рамках этого направления языковая система анализируется на абстрактном уровне: «следуя новому функционализму когнитивной науки, когнитивные феномены описываются в освобожденном виде от их материальной основы» (при условии осознания того факта, что в основе языковых структур лежат «нейрофизиологические образцы») [Schwarz 1992: 48]. Данный тезис соотносится с теорией «двухступенчатой семантики» М. Бирвиша и Э. Ланга, согласно которой когнитивия делится на область семантической репрезентации (семантические знания связаны с лексическими единствами и определяются принципами языковой системы) и область концептуальной репрезентации (концептуальная система не зависит от языка и является некой рамкой для всех знаний человека) [Bierwisch, Lang 1987]).

Несмотря на то, что идея о значимости общих знаний о мире в семантических исследованиях не является новаторской, именно в рамках когнитивного направления она получает статус методологически важной. Результаты исследований показывают, что в языке существует, например, ряд явлений, которые можно объяснить только когнитивными законами, а не законами, существующими в языке. Говоря о взаимозависимости сознания и языка, Дж. Фодор подчеркивает, что сознание может быть описано только как репрезентация, а репрезентация – это способность оперировать символами, то есть ни что иное, как язык [Fodor 1994]. Е.С. Кубрякова, обосновывая необходимость когнитивного подхода к исследованию языка, отмечала, что, изучая язык с когнитивной точки зрения, лингвисты получают возможность вынести суждения о стоящих за языковыми явлениями «ментальных сущностях – концептах, концептуальных структурах как структурах знания и опыта, мнений и оценок, планов и целей, установок и убеждений. Перечисленные ментальные сущности – особенно имеющие языковую привязку – ключ к рассмотрению специфики человеческого интеллекта и человеческого поведения» [Кубрякова 2004: 13].

По мере развития когнитивного направления в лингвистике все более активно исследуется место и роль человеческого фактора в процессах познания, значение не только коллективного, но и индивидуального знания. Как подчеркивает Ж. Фоконье, на современном этапе развития науки лингвистика становится не просто самостоятельной и ограниченной областью изучения языка; она вносит свой вклад в открытие и объяснение общих аспектов человеческого познания [Fauconnier 1999: 124]. Данное положение со всей очевидностью предполагает, что исследование проблематики, связанной с системой языковых знаний, их структурой, приобретением, хранением и использованием является одной из основных задач когнитивной лингвистики.

Говоря о перспективности когнитивного подхода к исследованию языка,

Г.Н. Берестнев подчеркивает, что новая парадигма «все более отчетливо показывает свою способность прояснить глубинные механизмы восприятия мира человеком и механизмы «реагирования» на него в осознанной культурной деятельности и тем самым – способность объяснять мир и отношение к нему познающего человека» [Берестнев 2009: 144] (см. также трактовку автором языка как основной кодовой системы», «образцовой сферы», «воплотившей в себе все результаты и механизмы человеческой когниции» [Берестнев 2008: 63]).

Для исследования специфики эгоцентрической категоризации пространства в немецком языке важным является следующее понимание особенностей процесса познания как взаимодействия человека с окружающей средой: (1) каждый отдельно взятый индивидуум является членом того или иного языкового сообщества, то есть выступает как носитель коллективного знания – общего для всех представителей конкретного национально-культурного сообщества; (2) взаимодействуя с другими людьми, с окружающей его действительностью, познавая их, индивидуум соотносит свои поступки, реакции, действия не только с окружающим его миром (в том числе с окружающими его людьми), но и с тем образом мира, который сконструирован в его мозге, то есть с опорой на общие коллективные знания. Поскольку коллективные знания, упорядоченные в определенную систему, репрезентированы при помощи языковых единиц различных уровней, анализ специфики структурирования окружающего пространства в языке позволяет выявить национально-культурные особенности, проявляющиеся при когнитивном освоении данной антропоцентрично ориентированной сферы бытия.

Одним из основных положений когнитивной лингвистики, на котором строится настоящее исследование, является рассмотрение языка как средства репрезентации того, как мир понимается человеческим разумом, как этот окружающий мир категоризуется сознанием: язык призван «служить ... средством **осмысления** онтологии мира, его концептуализации, и концептуализации выделяемых в нём категорий в том числе» [Болдырев 2005а: 21]. В рамках

когнитивной лингвистики актуален термин *«конструирование мира»*, предложенный Р. Лэнкером и трактуемый как отношение между говорящим или слушающим и некоторой ситуацией, которую он концептуализирует и портретирует [Langacker 1987: 487-488]. Термин «конструирование мира» нашел широкое использование в рамках когнитивной науки и предполагает фиксирование субъективной позиции человека в видении им окружающей действительности, её категоризации. Согласно устоявшемуся мнению, данный процесс базируется на сложном взаимодействии многочисленных разноуровневых когнитивных и языковых механизмов [см. подробнее: *Language and the Cognitive Construal of the World*].

В определенном смысле данная теория соотносится с концепцией *«спроецированного мира»* Р. Джекендоффа, в рамках которой анализируются особенности отражения в языке когнитивных функций человеческого сознания [Jackendoff 1984: 49-72 etc.].

Теоретические положения о *ментальном и языковом конструировании мира, или действительности* соотносятся с субъектно ориентированной *теорией структурирования*, предложенной С. Пинкером, которая основана на идее об индивидуальном характере структурирования человеком различных фактов окружающего мира: «сама природа реальности не предписывает нам, как она должна быть репрезентирована в мозгу людей» [Пинкер 2013: 13]).

В настоящем исследовании, анализируя особенности эгоцентрической категоризации пространства в языке, мы используем, вслед за Е.С. Кубряковой и Н.Н. Болдыревым термин *«осмысление мира»* как наиболее подчеркивающий «связь освоения и познания мира человеком с формированием смыслов в концептуальной системе и с простым пониманием концепта как оперативной единицы нашего сознания» [Кубрякова 2004: 18; Болдырев 2005].

Таким образом, анализ теоретического материала показывает, что в вопросе, касающемся когнитивной деятельности человека, положения, разрабатываемые в рамках когнитивной науки, в определенной степени соотносятся с положениями социального конструктивизма. Речь идет об идеях субъективности процесса познания, его зависимости от познающего индивида и социальной детерминированности этого процесса, а также о признании факта, что процесс познания опирается на уже имеющееся знание.

Для настоящего исследования принципиально важными являются и тезисы **о социальной обусловленности человеческой когниции** (через процесс социализации, через язык, через процесс коммуникации, через культуру), **о социально порождаемом смысле и значении**, что детерминировано самой когнитивной системой, обеспечивающей (осознанно и неосознанно) отбор, сохранение и структурирование знаний о мире. Осознание данного факта представителями разных областей научного знания привело к появлению научных дисциплин, занимающихся изучением роли социального фактора и личного повседневного опыта индивида в процессе познания (от социологии понимания (М. Вебер) до социальной теории познания (Д. Блур), гуманистической психологии (А. Маслоу), конструктивизма (Э. фон Глазерсфельд)), в рамках которых показана невозможность сведения личного опыта отдельного человека к общим схемам. Данные идеи находят свое логическое развитие при анализе роли различных экстралингвистических факторов, влияющих на особенности эгоцентрической категоризации пространства в немецком языке.

1.2. Концептуализация и категоризации – ведущие функции человеческого сознания

Заслугой когнитивного направления является, в первую очередь, построение доказательной базы взаимозависимости знаний о языке и всех других видов знаний. Оценивая вклад языка в усвоение, переработку и хранение знаний, Е.С. Кубрякова подчеркивает, что, усваивая язык, «мы усваиваем не только

отдельные знаки – мы усваиваем системы категоризации мира, системы опыта и знаний, и, наконец, системы **ценностей**. Все, что не дано нам в непосредственном, чувственном опыте, может быть достигнуто через языковое **описание**. Именно так мы овладеваем и знаниями предыдущих поколений, и многими теоретическими или же научными сведениями о мире» [Кубрякова 2001: 33] (выделено Е.К.).

Работы, выполненные в рамках когнитивной лингвистики, показывают, что рассмотрение языка как особой системы знаний предполагает выделение двух первостепенных процессов, лежащих в основе когнитивной деятельности человека – концептуализации и категоризации. Под концептуализацией в рамках когнитивной лингвистики традиционно понимают выделение, осмысление и закрепление результатов познания в виде единиц знания («квантов» знания [КСКТ 1996: 90]) – концептов. Именно концепты как основные оперативные единицы сознания, как идеальное содержательное представление человеческого опыта [там же: 93] позволяют человеку структурировать окружающую действительность.

Совокупность всех концептов, их упорядоченное объединение сосредоточено на ментальном уровне, определяемом как концептуальная система, или концептуальная структура [Jackendoff 1984: 54]. Развивая идеи М. Мински, Р. Джекендофф разрабатывает теорию концептуальной структуры, которая является попыткой объяснения того, как человек приобретает знания, и вводит понятие концептуальной структуры как некоего уровня мыслительной репрезентации, на котором сопрягаются сенсорная, моторная и языковая информации [Jackendoff 1984].

Сходные идеи находим у Ж. Пиаже, работы которого открыли новые перспективы в изучении речи и мышления. Согласно его теории интеллектуального развития, формирование логических структур, управляющих процессами мышления, происходит по универсальным законам в результате взаимодей-

ствия с окружающей средой и зависит, в определенной степени, от индивидуального опыта познающего субъекта [Пиаже 1983; 1994]). Характеризуя основные методологические установки исследования этого известного психолога, Л.С. Выготский отмечает, что Ж. Пиаже изучал «психологическую субстанцию ребенка, которая ассимилирует влияния социальной среды и деформирует их согласно своим собственным законам» [Выготский 2011: 44].

Следовательно, возникновение и формирование концептуальных структур обусловлено процессами **адаптации** человека к окружающему миру, основными физическими характеристиками которого, как известно, являются универсальные пространственно-временные характеристики.

Понятие концептуальной системы, или системы концептов разрабатывается и в концепции Р.И. Павилениса, представляя собой, в терминологии этого ученого, **систему мнений и знаний о мире** [Павиленис 1983: 10, 12 и след.]), отражающую познавательный опыт человека во всем его богатстве и разнообразии [там же: 239]. Занимаясь исследованием проблемы смысла, Р.И. Павиленис разрабатывает теорию концептуальной системы, основной теоретический посыл которой сводится к следующему: «Еще до знакомства с языком человек в определенной степени знакомится с миром, познает его; благодаря известным каналам чувственного восприятия мира, он располагает определенной информацией о нем Образующаяся таким образом система информации о мире и есть конструируемая им концептуальная система как система определенных представлений человека о мире» [Павиленис 1983: 101]. Очевидно, что данные положения концепции Р.И. Павилениса во многом созвучны с основной идеей теории Ж. Пиаже, представленной выше, и с трактовкой особенностей познания действительности индивидуумом, предложенной Л.С. Выготским: «высшие, присущие человеку формы психологического общения возможны только благодаря тому, что человек с помощью мышления обобщенно отражает действительность» [Выготский 2011: 22]).

Развивая теорию концептуальной системы, Р.И. Павиленис подчеркивает, что «процесс познания человека, заключающийся в развитии его умения ориентироваться в самом широком понимании этого слова в мире, является процессом образования смыслов, или концептов, об объектах познания, как процесс построения информации о них» [там-же]. Вместе с тем, ученый говорит о концептуальной картине мира носителя языка как системе мнений и предпочтений, отдаваемых тому или иному концепту или концептуальной структуре [там-же: 209 и след.]

Е.С. Кубрякова солидаризируется с идеей Р.И. Павилениса о том, что язык позволяет его носителям манипулировать концептами как элементами концептуальной системы и создавать на этой основе новые концептуальные структуры, а концептуальная система рассматривается в качестве непрерывно конструируемой системы информации о действительном или возможном мире [Кубрякова 2006: 12]. С данными идеями коррелирует и мысль о том, что деление мира с помощью языка осуществляется путем наложения на мир концептуальной сетки и ситуационной сетки [Почепцов 1990: 112].

Необходимо, однако, учитывать следующий принципиально важный факт, на который указывал Л. Талми: между реальным миром, его преломлением (1) в сознании и подсознании и (2) языком («*fine structures*») нет прямого соответствия [Talmy 1983]. Следовательно, необходимо учитывать проблематику интерпретационного потенциала языкового значения (ср. с понятием *анперцепции* в работах А.А. Потебни [Потебня 1993]).

Схожую идею о специфике восприятия человеком окружающей его действительности и себя самого как части окружающего мира в виде **переработанного образа** находим и у Г. Гийома: «Мы видим окружающий нас мир только посредством того образа мира, который носим в себе. ... Мир глазами человека – это вид мира на основе обработки, которой мы умеем подвергать мир, заключенный в нас. ... Видеть человека, видеть его, каким он есть на са-

мом деле, по-человечески, означает: подвергнуть этот образ *человека*, интегрированный в моем мысленном мире (*mon univers mental*), обработке, которая сделает из него эквивалент образа, существующего вне меня» [Гийом 2007: 144] (выделено Г.Г.).

Данная мысль представляется крайне важной при исследовании концептов и категорий, лежащих в основе систематизации отношения индивидуума (как отправной точки эгоцентрической категоризации пространства в языке) к субъектам, объектам, событиям, действиям, отношениям, входящим в различные типы и виды его пространства. Такая систематизация, необходимая для осмысления мира, основана на *эгоцентрической интерпретации человеком окружающего его мира и своего собственного места в этом мире*. С одной стороны, окружающее человека пространство и наполняющие его сущности являются онтологической данностью и необходимым условием самого существования индивидуума. С другой стороны, человек воспринимает *окружающее пространство как образ, обработанный его сознанием*. Как отмечает в этой связи Е.Г. Хомякова, «окружающее пространство в виде бесконечного множества постоянно отражаемых образов хранится в сознании индивидуума, составляя значительную часть его ментального мира. В то же самое время индивидуум осознает себя частью отражаемой в его сознании картины окружающего мира. Происходит бесконечный процесс взаимопоглощения индивидуума и пространства, в ходе которого ментальный мир индивидуума **охватывает и включает в себя образ пространства, частью которого он себя осознает**» [Хомякова 2005: 106-107] (выделено нами – И.Б.).

Анализируя метаязык когнитивной лингвистики на современном этапе развития, Н.Н. Болдырев обосновывает необходимость разграничения статического и динамического аспектов концептуализации. Статический аспект концептуализации «предполагает выделение единиц знания как основных элементов концептуальной системы во всей полноте их содержания, которое под-

вержено влиянию многих факторов: исторического, национального территориального, социального, образовательного и так далее» [Болдырев 2011б: 26]. Динамический аспект концептуализации, по мнению автора, «связан с выделением и репрезентацией объектов, событий и их конкретных характеристик как единиц знания непосредственно в процессе речевой деятельности с целью передачи знания, обмена информацией или ориентации в мире» [там же: 27].

Результатом такого познавательного процесса, как отмечает ученый, становятся «ситуативные, или операционные концепты» – смыслы, которыми человек оперирует в своей повседневной практике, единицы «оперативного знания онтологии мира, конкретные смыслы, которые формируются и передаются в процессе общения» [Болдырев 2011б: 27]. Отметим, что в настоящей работе осуществляется исследование как статического, так и динамического аспектов эгоцентрической концептуализации пространства в немецком языке.

В качестве неотъемлемой части общей концептуальной системы человека выступает, как отмечает Н.Н. Болдырев, языковое знание, которое является результатом «познания и осмысления системы и структуры языка, его основных единиц и категорий, принципов и механизмов формирования и передачи смыслов с помощью языка, т.е. его функционирования» [Болдырев 2009б: 39]. Развивая данную мысль, автор выделяет три разновидности языкового знания: (1) вербализованное знание об объектах окружающего мира, отраженное в лексических значениях языковых единиц; (2) знание собственно языковых форм, их значений и категорий, отражающих как специфику языковой организации, так и специфику представления знания о мире в языке; (3) знание языковых единиц и категорий, служащих целям «интерпретации и реинтерпретации любого концептуального содержания в языке» [там же: 39-40].

Три перечисленных выше типа языкового знания коррелируют с тремя типами категорий: лексическим, грамматическим и модальным [Болдырев 2006] (о категориях как концептуальных комплексах, объединяющих разные структуры знания, и, следовательно, представляющих собой особый формат

знания см. также: [Болдырев 2009а]). Языковые категории, вслед за Н.Н. Болдыревым, мы рассматриваем как формы *осмысления мира в языке*, или *формы языкового сознания, форматы знания особого типа* [Болдырев 2009б: 41].

Таким образом, в процессе познания следующим по уровню абстракции за процессами вычленения объектов окружающего мира и себя в мире считается отнесение единиц знания к определенным рубрикам – категориям: «все знания о мире хранятся в нашем сознании в категориальной форме» [Болдырев 2006: 5]. Объясняя стремление лингвистов исследовать природу языковых явлений именно через обращение к проблеме категориального устройства языка, Н.Н. Болдырев отмечает особую роль категоризации как «одной из ведущих функций человеческого сознания, которая лежит в основе речемыслительной деятельности и организации языка как системы» [Болдырев 2005а: 16] (см. также тезис Е.С. Кубряковой о том, что познание «выливается в языковое оформление разных структур знания, т.е. связано с объективацией последних в соответствующие языковые формы, включая объединения указанных структур в определенные целостные единства, называемые **форматами знания**» [Кубрякова 2009: 12]). Напомним, что в рамках структурной лингвистики принадлежность единицы к определенной категории определялась четким набором категориальных характеристик и наличием четких границ между категориями, что позволило исследователям разграничить уровни языковой системы, выделить их основные единицы и характеристики, парадигматические и синтагматические связи и др. (см., например: [Апресян 1966; Арутюнова 1992; Бенвенист 1974; Степанов 1981, 2010; Якобсон 1985; Harris 1986] и др.).

Развивая теорию естественной категоризации, предложенную Э. Рош и её коллегами и составившую основу новой теории категоризации – теории прототипов, Дж. Лакофф предложил отказаться от многих теоретических положений «аристотелевской логики» (например, от принципа необходимых и доста-

точных существенных свойств, определяющих членство в той или иной категории), составлявших основу научных воззрений, и наглядно показал сложность реальной категоризации и ее основополагающую роль в процессах мышления и речи. Одной из его ключевых идей является положение о том, что именно способность человека к категоризации обеспечивает его адекватное существование в мире, в том числе, в социальной среде [Lakoff 1983; Лакофф 2004: 19-34, 187-207 и др.]. Данный теоретический посыл опирается во многом на основные положения исследований в области когнитивной психологии о «ментальном воображении» («mental imagery») [Paivio 1971; Kosslyn 1973; Shepard 1978].

Сторонники теории естественной категоризации, работая в рамках когнитивной науки и эпистемологии, наглядно доказали, что традиционная логика имеет мало общего с естественными моделями, лежащими в основе человеческого мышления. Так, в работах Дж. Лакоффа и Э. Рош было показано, что в естественных языках категории образуются по принципу «семейного сходства», что ядро категории, вокруг которого объединяются ее периферийные члены, составляют прототипы. Кроме того, исследователи доказали, что в естественных языках отсутствует единое свойство, присущее всем членам категории [Лакофф 2004; Rosch 1973, 1975, 1978]. Позволим себе не останавливаться подробно на данном вопросе, поскольку полный аналитический обзор теоретических исследований о прототипах и принципах естественной категоризации, показывающий, что именно понятие «семейного сходства» является основой разработки теории прототипов в психологии и лингвистике, представлен, например, в работе Т. Гивона [Givon 1983].

По мнению Дж. Тейлора, прототип представляет собой схематическую ментальную репрезентацию типичных черт категории, на основании сходства с которыми в категорию включаются ее другие члены. Характеризуя периферийные члены категории, автор относит их к «вторичным прототипам», вокруг которых могут образовываться «вторичные категории» [Taylor 1991]. Таким

образом, структуры человеческого знания включают в себя некие стереотипные репрезентации – прототипы, а категоризация как процесс структурирования знаний опирается не столько на анализ свойств объекта или субъекта, сколько на «впечатление» о нем, на его образ. Исследования показывают, что в основе выделения категорий могут лежать различные категоризирующие признаки (признаки структуры, формы, содержания, функции и так далее).

Излагая суть прототипической теории категоризации, ее основополагающие принципы, Е.С. Кубрякова выделяет следующие принципиально значимые положения:

1. Каждая естественная категория определенным образом структурирована; она не предопределяет обязательности повторения набора общих черт, а организуется вокруг прототипа (нескольких прототипов).

2. В качестве прототипа выступает лучший представитель своего класса; понятие прототипа может быть соотнесено с понятием категории в его классическом значении.

3. Члены категории разнятся по степени схожести с прототипом.

4. Категории прототипического характера являют собой пример категорий с размытыми неопределенными границами [Кубрякова 1997: 96-98].

С точки зрения онтологии представляется очевидным, что человек, воспринимая и структурируя окружающее пространство, не взаимодействует глобально со всем миром. В процессе осмысления окружающего мира осуществляется определенное локальное, поступательное взаимодействие с миром, конструирование окружающей действительности, в результате чего постепенно формируется концептуальная система индивидуума. Речь идет о формировании «прототипных сцен», в терминологии Ч. Филлмора, – то есть сцен, взятых из простых миров, «признаки которых не отражают всех фактов мира действительности» [Филлмор 1983: 87].

Как было показано выше, одним из достижений когнитивной лингвистики является доказательство того, что язык представляет собой не только

один из способов фиксации, хранения, репрезентации человеческих знаний и опыта вообще, но и знаний и опыта, присущих определенному культурно-языковому сообществу, т.е. выступает как знание особого рода, как знание культурно обусловленное. Осознание этого факта влечет за собой признание как общечеловеческих универсальных принципов и закономерностей процесса познания вообще и принципов структурирования полученных знаний, в частности, так и необходимость учета национально-специфических особенностей данного процесса. Развивая данную идею в рамках когнитивно-дискурсивного направления лингвистики, Н.Н. Болдырев, подчеркивает, что говорящий, выбирая то или иное средство, «предлагает определенный способ осмысления предмета или события и опирается при этом на коллективный опыт концептуализации и категоризации мира в языке, который отражен в языковых знаниях» [Болдырев 2009б: 39]. В данном случае правомерно говорить о такой когнитивной активности, как интерпретация, основными характеристиками которой являются, как отмечает Н.Н. Болдырев, 1) структурированность; 2) опора на существующие схемы и знания и 3) ориентированность на концептуальную систему индивида, т.е. индивидуальность, субъективность [Болдырев 2013: 18].

Анализ общих факторов, принципов и механизмов, лежащих в основе взаимодействия мыслительных и языковых структур, позволяет выйти на принципиально новый уровень решения вопроса репрезентации ментальных процессов при помощи языка. Исследование особенностей соотношения языковых и когнитивных структур лежит и в основе анализа принципов эгоцентрической категоризации пространства в языке, так как это позволяет представить типологию эгоцентрически моделируемого пространства. В конечном счете это соотносится с основной целью научного изыскания, осуществляемого в рамках когнитивно-дискурсивного направления: посредством анализа языковых данных постичь особенности когнитивного освоения конкретной сферы бытия.

Категоризация как одна из ведущих функций человеческого сознания позволяет, таким образом, объединить множественные концепты, или единицы знания, в категории, обеспечивая возможность обобщения и классификации знаний, и лежит в основе функционирования языка как системы. В последние десятилетия появилось большое количество работ, посвященных изучению процессов категоризации человеком окружающей действительности, принципов объединения изучаемых объектов в различные блоки (см. подробнее работы Н.Н. Болдырева, В.З. Демьянкова, У. Крофта, Е.С. Кубряковой, Дж. Лакоффа, Э. Рош, Дж. Тейлора, А.Л. Шарандина и др.). Так, А.П. Бабушкин определяет категоризацию как «важнейший результат когнитивной деятельности людей и ... инструмент, с помощью которого они познают окружающую их действительность и самих себя» [Бабушкин 2009: 187]).

Мы присоединяемся к мнению Е.С. Кубряковой, трактующей категоризацию (в широком смысле слова) не только как акт причисления единицы к своему множеству, но и как «более сложный процесс формирования и выделения самих категорий по обнаруженным в анализируемых явлениях сходных им аналогичных сущностных признаков или свойств» [Кубрякова 2004: 307]. Н.Н. Болдырев рассматривает категорию как особый формат знания, универсальное свойство которого состоит в том, что «категория – это знание и класса объектов, и того общего концепта, который служит основанием для объединения этих объектов в одну категорию» [Болдырев 2009а: 28].

В настоящем исследовании, вслед за М. Шварц, мы исходим из того, что при анализе языка как системы категоризации знаний необходимо учитывать три важных аспекта:

1. Каждая система детерминирует определенные репрезентации, которые воспринимаются как ментальные состояния.
2. Репрезентация языковой системы знаний возможна только на основе специфических особенностей и правил языка.

3. Правила языковой системы как системы категоризации знаний детерминированы универсальными принципами [Schwarz 1992: 47-48].

В качестве основных уровней когнитивной деятельности человека традиционно выделяются перцептивный, понятийный и интерпретативный, или интерпретационно-оценочный. Перцептивный уровень, основанный на эмпирическом опыте, определяется исследователями как основной [Бодуэн де Куртене 1963, Пиаже 1983, Кравченко 1996]. На данном уровне формирования знания в основе лежат процессы концептуализации и категоризации. На понятийном уровне когнитивной деятельности человека в результате таких мыслительных операций, как анализ, синтез, сравнение, обобщение, абстрагирование, систематизация происходит осмысление связей, отношений между сущностями и субъектами (как воспринимаемыми, так и не воспринимаемыми при помощи органов чувств). Третий, самый сложный уровень когнитивной деятельности человека, характеризуется такими процессами, как интерпретация и оценка. Рассматривая способность к интерпретации в качестве неотъемлемого свойства человеческого сознания и познавательных процессов, Н.Н. Болдырев отмечает, что «в онтологической триаде «система мира – система языка – концептуальная система человека» она связана именно с человеком, его восприятием и оценкой системы мира и системы языка» [Болдырев 2006: 15-16].

Таким образом, принцип структурированности когнитивной деятельности человека предполагает, что основные когнитивные процессы – процессы концептуализации и категоризации – имеют определенную структуру и специфику. Исследования, осуществляемые в рамках когнитивно-дискурсивного направления, показывают, что в результате концептуализации происходит осмысление и закрепление результатов познания в виде таких единиц знания, как концепт. Категоризация, как одна из ведущих функций человеческого сознания, позволяет объединить множественные объекты в категории, обеспечивая возможность обобщения и классификации знаний, и лежит в основе функ-

ционирования языка как категориальной системы, то есть как системы переработки информации.

2. Антропоцентризм языковой категоризации пространства

На современном этапе развития гуманитарных наук исследования языка как средства доступа к внутреннему миру человека приобретают особую значимость. По определению Ю. Хабермаса, парадигма философии сознания и философии субъекта сменяется парадигмой философии языка, интерсубъективного понимания и коммуникации [Habermas 1995a], а «говорящий субъект становится отныне сам участником процесса сохранения и обновления символически структурированных форм мысли и жизни» [Habermas 1997: 91].

Принцип антропоцентризма, согласно которому «человек есть центр Вселенной и цель всех совершающихся в мире событий» [ФЭС 2009: 26-27], был выдвинут в рамках классической философии (в этой связи достаточно упомянуть главный принцип философии Протагора, провозглашенный им в 5 веке до н.э., который гласил, что человек – мера всех вещей (*homo mensura*)).

Под антропоцентризмом современной научной мысли традиционно понимается признание ведущей роли человека, его уникальности как существа разумного. Идеи антропоцентризма вообще – «О каком бы предмете ни шла речь, всегда можно привести его в связь с человеком, а именно со всей его интеллектуальной и нравственной организацией в совокупности» [Гумбольдт 2000: 6] – и антропоцентризма языка как системы восходят еще к работам В. фон Гумбольдта, который подчеркивал активную роль человека в формировании смысла высказывания и понимал язык как «мир, лежащий между миром внешних явлений и внутренним миром человека» [Гумбольдт 1984: 51], как средство, заложенное «в самой природе человека» и необходимое «для развития его духовных сил и формирования мировоззрения» [там же: 304]. Теоретические идеи антропоцентризма прослеживаются и в работах К. Бюлера, выделившего антропоцентрические координаты референции высказывания *я* –

здесь – сейчас [Бюлер 2000]. Определенный вклад в развитие антрополингвистики вносят и работы Ж.-П. Сартра и М. Хайдеггера, в которых ключевым был вопрос о соотношении мышления, языка и сознания [Сартр 2011; Хайдеггер 1993].

Признание за антропоцентричностью ключевого свойства языка, сформулированного Э. Бенвенистом [Бенвенист 1974], определяется, прежде всего, гуманитарным характером языкознания как одной из наук о человеке, а положение об антропоцентрической природе языка рассматривается многими лингвистами в качестве методологического принципа научных исследований. В работах Г. Гийома находим идеи об антропоцентризме человеческой деятельности вообще и речевой деятельности, в частности [Гийом 2007]. Именно разработанную им теорию лингвистического ментализма называют антропологической лингвистикой, или феноменологией языка. Примечательно, что недооценка данного факта (ср., например, рассмотрение языка как системы в самой себе и для себя Ф. де Соссюром) представителями структурной лингвистики стало одной из причин тупикового пути развития данного направления, хотя отдельными учеными уже в рамках данной парадигмы язык рассматривался как неотъемлемая часть человеческого разума (см., например: [Ельмслев 1960: 264]).

Антропоцентричность языка обусловлена тем, что язык представляет собой одну из составляющих человеческого бытия. Осознание данного факта привело к тому, что уже в генеративной грамматике Н. Хомского наметилось качественное изменение взгляда на язык: происходит смещение акцента исследования с Э-языка (экстериоризованного, стремящегося вовне языка), или его внешних проявлений, на изучение И-языка (языка интериоризованного, данного в виде когнитивной способности человека) и ментальной репрезентации данной способности в человеческом сознании [Chomsky 1991: 6, 9 и сл.]. По сути, Н. Хомский говорит о необходимости описания структур сознания,

которыми человек оперирует в своей речевой деятельности [Chomsky 1980: 27], признавая тем самым антропоцентрическую сущность языка.

Становление антропоцентрической парадигмы научного знания во второй половине 20 века позволило перейти от описания и решения широкого круга научных проблем к осознанию необходимости изучения роли человека и его сознания. На современном этапе развития лингвистической науки идеи языкового антропоцентризма получают новый импульс, что привело к смещению исследовательских интересов с изучения *языка в человеке* на анализ *человека в языке*: «человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений» [Кубрякова 1995: 212], а язык изучается «в значительной мере и как средство доступа ко всем ментальным процессам, происходящим в голове человека и определяющим его собственное бытие и функционирование в обществе» [Кубрякова 2004: 9]. Как подчеркивает Е.С. Кубрякова, человек оказывается вовлеченным «в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели» [Кубрякова 1995: 212] (об антропоцентричности языка см. также: [Будагов 1974; Воркачев 2001; Кубрякова 2010 и др.; Рябцева 2000; Антропологическая лингвистика ... 2003 и др.]).

В основе исследований, осуществляемых в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, лежит, таким образом, понимание языка как средства формирования и выражения мысли, хранения и структурирования знаний в сознании человека, а также как средства обмена этими знаниями, что «открывает широкие перспективы виденья языка во всех его разнообразных и многообразных связях с человеком, с его интеллектом и разумом, со всеми мыслительными и познавательными процессами, им осуществляемыми и, наконец, с теми механизмами и структурами, что лежат в их основе» [Кубрякова 2004: 476]. Подобный подход обусловлен особым положением человека в мире, различными видами его деятельности, предполагающими его «активное отношение к действительности» [Леонтьев 1981: 49], разноплановыми отношениями

человека с другими людьми, артефактами, натурфактами. Следовательно, анализ когнитивных аспектов языка во всем их разнообразии возможен только в результате осознания первоочередной важности роли **человеческого фактора в языке**, поскольку именно человек формирует смыслы в процессе коммуникации (именно **формирует**, а не просто **передает** смыслы, данные в готовом виде).

При таком подходе наряду с языковым антропоцентризмом со всей очевидностью выступает и антропоцентричная сущность познавательной деятельности человека, в которой находит отражение поэтапное развитие человеческого сознания в процессе эволюции (накопление, хранение, структурирование, обобщение, интерпретация знаний). Примечательно, что мысль о том, что язык служит отражению и познанию действительности и что именно при помощи языка осуществляется процесс создания мыслей об окружающей действительности, была высказана ещё А.А. Потебней [Потебня 1976; 1993]. Э. Гуссерль, анализируя особенности познания человеком окружающей действительности и роль естественного языка, подчеркивал, что мир существует только в человеческом измерении, поскольку точкой отсчета выступает человек [Гуссерль 1994]. Ключевая роль *человека мыслящего* подчеркивается и в работах Г. Гийома, который подчеркивал, что язык «создает в мыслящем человеке *идеальный универсум (univers-idee)*», построенный по образу и подобию самого человека, который одновременно и зритель, и наблюдатель» [Гийом 2007: 157] (курсив автора – Г.Г.).

Исследования показывают, что язык является не только средством коммуникации для известного социума и даже не просто орудием познания, «прежде всего – это, безусловно, катализирующий фактор антропосоциогенеза, без которого немислимы ни появление человека разумного в филогенезе, ни формирование личности в онтогенезе: немислимо само сознание, конституируемое речевым мышлением» [Сухачев 2007: 293].

Для когнитивно ориентированных изысканий, с их ярко выраженным антропоцентрическим характером, принципиальным является тезис о необходимости признания проблемы «зависимости строения и организации языка (как в его генезисе, так и в его реальном синхронном состоянии и функционировании) от общих принципов восприятия мира человеческим сознанием» [Кубрякова 1992: 31]. Анализ лингвистической литературы позволяет выделить в этой связи некоторые направления научных исследований, требующие дальнейшей разработки в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы и отражающие совершенно иное понимание языкового антропоцентризма:

- изучение взаимодействия языковых и когнитивных механизмов в познавательных процессах;
- анализ взаимозависимости языковых структур и лежащих в их основе структур знания при формировании смысла высказывания;
- объяснение ментальных процессов, обеспечивающих креативность человеческого мышления и динамические проявления языка.

Если «путь к осмыслению феномена человека лежит не столько через естественные науки, сколько через естественные языки» [Арутюнова 1999а: 6], то решение данной задачи обуславливает необходимость принципиально нового подхода к рассмотрению проблемы языкового антропоцентризма: в рамках когнитивной лингвистики роль человека в познавательных процессах и в речевой деятельности признается первостепенной ([Арутюнова 1999а, 1999б; Болдырев 2004, 2009в, 2015а; Кравченко 2004; Кубрякова 2004, 2006 и др.]).

Отмечая антропоцентрическую сущность языка и онтологическое единство его структурного, функционального и когнитивного аспектов, Н.Н. Болдырев подчеркивает, что «естественный язык как объект лингвистических исследований с точки зрения его онтологической сущности должен интерпретироваться как неразрывное единство и результат разнонаправленных и одно-

временных связей с материальным и духовным миром человека, частью которых является сам человек, его язык и речемышлительные процессы» [Болдырев 2009в: 34]. Анализируя факты, подтверждающие антропоцентрическую природу языка, Н.Н. Болдырев подчеркивает, что языковой антропоцентризм «находит свое проявление в его интерпретирующей функции и способах ее реализации посредством отдельной системы языковой категоризации, т.е. в системе модусных, или интерпретирующих категорий, а также в интерпретирующем потенциале лексических и грамматических категорий» [Болдырев 2015а: 41].

Наиболее полное и последовательное развитие данная идея нашла в исследованиях, показывающих, что окружающий мир репрезентирован в сознании в виде неких структур знания, а поведение человека как существа социального определяется данными структурами, отличающимися разнообразием и многомерностью. Данная проблематика является первостепенной, например, для многоуровневой теории значения – когнитивной семантики – как общей теории концептуализации и категоризации, специфика которой, по мнению Н.Н. Болдырева, заключается именно в том, что в рамках данной интегративной теории «значительное место отводится антропоцентрическому фактору – человеку как наблюдателю, «концептуализатору» и «категоризатору» [Болдырев 2001: 18].

Антропоцентричность языка определяется, таким образом, тем, что язык создан человеком, используется им и ориентирован на человека и, как следствие, языковая категоризация объектов, явлений внешнего мира и абстрактных сущностей также ориентирована на человека (см. подробнее: [Болдырев 2001, 2004, 2009в, 2015а; Кубрякова 2004; Лакофф 2004; Лакофф, Джонсон 2004 и др.]. Формулируя, по сути, принцип языкового антропоцентризма, В. фон Гумбольдт подчеркивал, что «поскольку ко всякому объективному восприятию неизбежно примешивается субъективное, каждую человеческую ин-

дивидуальность, ..., можно считать особой позицией в видении мира. Тем более индивидуальность становится такой позицией благодаря языку, ведь слово, в свою очередь, ..., становится для нашей души объектом с добавлением собственного смысла, придавая нашему восприятию вещей новое своеобразие» [Гумбольдт 2000: 80].

Реальность, таким образом, не копируется языком, а определенным образом – антропоцентрично – конструируется при помощи языка: «языковая картина мира представляет собой определенную интерпретацию мира и знаний о мире в когнитивной системе человека» [Болдырев 2014: 38]. Представления человека об окружающем его пространстве, равно как и о мире вообще, формируются в результате переработки и интерпретации им знаний об окружающем его пространстве, о самом себе, о собственном месте в этом пространстве.

Изучение особенностей эгоцентрического структурирования пространства человека и отражение данных процессов в культуре и языке основывается на антропоцентризме восприятия феномена пространства: пространство «организуется вокруг человека, ставящего себя в центр макро- и микрокосмоса» [Гак 2000: 127]. В данном процессе переработки и упорядочения информации, как отмечает В.Н. Топоров, «человеческие» структуры и схемы экстраполируются на среду, которая описывается на языке антропоцентрических понятий [Топоров 1988: 341], что также свидетельствует о том, что язык не копирует реальность, а антропоцентрично отражает процесс познания человеком окружающего его мира.

Исследования показывают, что антропоцентрический характер постижения человеком пространства [Топоров 1983; Топорова 2015а, 2015б; Категоризация мира ... 1997; Логический анализ языка ... 2000; Mc Luhan 1997; Space and Time ... 2008 и др.] обусловлен спецификой осмысления человеком окружающего мира: ориентиры в окружающем пространстве устанавливаются индивидуумом относительно собственного тела. Более того, человек «измеряет» пространство частями своего тела, своими действиями (см. подробнее о

«*human body part model*» как о модели, по которой строится ориентирование объекта в пространстве: [Svorou 1994]).

Ориентационное пространство как ментальная структура формируется в результате ориентирования человека, основанного на противопоставлении центрального ориентира и периферийной точки, на которую он направляет свое внимание [Подосинов 1999: 466]. Так, земное притяжение и вертикальное расположение человеческого тела формируют координаты «верх» – «низ», а ситуативная роль тела и его строение способствуют формированию первичных категорий «передний» – «задний», «правый» – «левый» [там же: 49] (см. подробнее: о моделях пространства [Яковлева 1994]; о функционировании ориентационного пространства на основе способности человека осознавать «пространственную перспективу» («*spatial perspective talking*») [Kessler, Thomson 2008: 80]; о способах концептуализации пространства и времени в европейских языках [Space and Time ... 2008]; о концептуализации пространства и времени на материале славянских языков и культурных традиций [Пространство и время ... 2011]).

В рамках когнитивной лингвистики язык рассматривается, таким образом, в качестве одной из ««когнитивных областей» человека, «связанных с другими областями и поэтому отражающих взаимодействие психологических, культурных, социологических, экологических и других факторов» [Демьянков 2006: 5]. Вместе с тем, как подчеркивает Н.Н. Болдырев, до настоящего момента в языкознании нет системного изложения языкового антропоцентризма «с единых теоретико-методологических позиций в виде общей, антропоцентрической теории языка» [Болдырев 2015а: 39]. Рассматривая когнитивную парадигму в качестве объединяющей теоретико-методологической базы для разработки антропоцентрической теории языка, ученый предлагает выделять третью (наряду с когнитивной и коммуникативной) – интерпретирующую функцию языка, в реализации которой преимущественно и проявляется его ан-

тропоцентрическая природа» [там же], поскольку именно в рамках когнитивного подхода получены «очевидные конкретные свидетельства антропоцентрической природы языка не только на уровне формирования его отдельных единиц и их функционирования, но и на уровне его главных функций и разных типов категорий [там же: 44].

Очевидно, что в рамках когнитивной лингвистики антропоцентризм является центральным, однако не единственным методологически важным принципом. Опора на общие онтологические принципы и закономерности, лежащие в основе восприятия и структурирования человеком окружающего его пространства, учет наработок в различных областях научного знания определяют междисциплинарный характер данной работы. Говоря об особенностях когнитивно-дискурсивной парадигмы, Е.С. Кубрякова подчеркивает, что наряду с антропоцентризмом современной парадигме лингвистического знания присущи следующие принципиальные характеристики:

- *экспансионизм* (расширение области лингвистических исследований за счет обращения к другим наукам, проявляющееся в возникновении «сдвоенных» наук, укрепление связей лингвистики с другими областями знания);

- *экспланаторность* (отказ от описательного подхода, свойственного структурной лингвистике и стремление к подходу объяснительному);

- *функционализм* («неофункционализм») [Кубрякова 1994б: 14].

В настоящей работе антропоцентричность рассматривается в качестве когнитивной составляющей при эгоцентрической категоризации пространства, поскольку точкой отсчета при конструировании пространства является индивидуум с его способностью воспринимать, осмысливать, структурировать и конструировать свое пространство на основе интерпретации коллективных и индивидуальных знаний (языковых и неязыковых), производить и получать вербализованную информацию. Анализ фактического материала позволяет говорить о том, что результаты подобной когнитивной деятельности оказываются представлены в языковых единицах различных уровней. Одной из задач

представленной работы является исследование специфики и общих принципов взаимодействия языковых и неязыковых знаний, лежащих в основе эгоцентрической категоризации пространства человека в немецком языке, основанной на субъективности, динамичности и вариативности когнитивных процессов и коммуникации.

3. Роль языковой личности в категоризации пространства

Исследование особенностей эгоцентрической категоризации пространства человека в языке осуществляется в настоящей работе с опорой на новейшие данные об онтогенезе, о принципах и механизмах, лежащих в основе восприятия мира человеком и об особенностях языковой концептуализации и категоризации человеком поступающей информации. В качестве одного из теоретических оснований для изучения заявленной проблематики представляется целесообразным использовать антропоцентрическую теорию языковой личности, в рамках которой язык рассматривается в качестве конечного продукта творческой активности языковой личности.

Осмысление понятия и роли личности человека в рамках философии, психологии, социологии, теории коммуникации и ряда других наук привело к тому, что данная проблематика стала активно разрабатываться в лингвистических исследованиях междисциплинарной направленности (в психолингвистике, социолингвистике, прагмалингвистике, лингвокультурологии, когнитивной лингвистике). Исследование роли личности в языке, ее лингвокреативного потенциала, начатое В.В. Виноградовым и продолженное ведущими отечественными учеными, привело к первой дефиниции данного феномена, предложенной Г.И. Богиным, который понимал под языковой личностью человека, рассматриваемого «с точки зрения его готовности производить речевые поступки, создавать и принимать произведения речи» [Богин 1984: 3].

Представляя критический анализ тенденций развития гуманитарного знания вообще и различных парадигмальных установок лингвистической науки,

в частности, Ю.Н. Караулов, которому принадлежит безусловный приоритет в разработке многоаспектной теории языковой личности, аргументирует необходимость изучения феномена языковой личности «как равноправного объекта изучения, как такой концептуальной позиции, которая позволяет интегрировать разрозненные и относительно самостоятельные свойства языка» [Караулов 2010: 21]. По определению Ю.Н. Караулова, ставшему классическим в рамках антропоцентрической лингвистики, «языковая личность есть личность, выраженная в языке (текстах) и через язык, есть личность, реконструированная в основных своих чертах на базе языковых средств» [там же: 38].

Очевидный приоритет разработки теории языковой личности принадлежит отечественным лингвистам (см., например: [Будагов 1974; Богин 1984; Виноградов 1930; Воркачев 2001; Гришаева 2006; Карасик 1994, 2002; Караулов 1985, 2010; Сухих 1998; Седов 1999; Тарасова 1992] и др.), однако идея о связи человеческого фактора и функционирования языковых единиц различных уровней нашла свое отражение и в ряде работ зарубежных ученых (см., например: [Ажеж 2008; Вежбицкая 1997; Bierwisch 1983; Geissner 1981; Maas, Wunderlich 1972; Nowak 1983] и др.). Своеобразное понимание роли языковой личности в процессе коммуникации находим, например, в концепции Х. Гайснера, согласно которой языковая личность предстает как баланс социального и персонального, а личностный фактор сводится, по мнению автора, преимущественно к фонетическим особенностям речи. Вместе с тем, Х. Гайснер признает личностное осуществление «совместного говорения», в котором одновременно реализуются функции, принадлежащие частично к языковой системе, частично – к социальной сфере и частично – к структуре объекта [Geissner 1981: 124]. Такое понимание роли языковой личности в определенной степени коррелирует с трактовкой данного феномена в социальной психологии, в рамках которой языковая личность рассматривается как «модель интерперсональных отношений» [Рейнвальд 1987: 155]).

Согласно теории Ю.Н. Караулова, языковая личность является средоточием и результатом 1) «социальных законов»; 2) продуктом «исторического развития этноса» («по причине принадлежности ее мотивационных предрасположений, возникающих из взаимодействия биологических побуждений с социальными и физическими условиями»); 3) относится к психической сфере; 4) является создателем и пользователем «знаковых, т.е. системно-структурных по своей природе, образований» [Караулов 2010: 22]. Следовательно, данная антропоцентрическая константа включает в себя индивидуальные, социальные, психологические и национально-специфические характеристики носителей того или иного языка как типовых, «усредненных» представителей определенного социума, определенного языкового сообщества. Примечательно, что идею об интегральном понимании личности как сущности, объединяющей индивидуальное и коллективное начала, находим в концепции В. фон Гумбольдта [Гумбольдт 1984]. Изучение принципов и закономерностей эгоцентрического моделирования пространства в немецком языке позволяет выявить идиоэтнические особенности немецкой языковой личности, релевантные для конструирования данной понятийной сферы.

Одной из отправных точек исследования особенностей антропоцентрической категоризации пространства в языке мы предлагаем считать положение о том, что языковая личность обладает способностью идентификации, самоидентификации и социализации (*баланс персонального и социального* в терминологии Х. Гайснера [Geissner 1981]) и способностью словесного моделирования и самомоделирования. Как следствие, языковая личность обладает способностью проводить границы между «я-миром» и «не-я-миром». Когнитивным основанием категоризации «я-мира» является осознание его как *мира, принадлежащего человеку* или осознание человеком *себя как части этого мира*. Когнитивным основанием категоризации «не-я-мира» является осознание его как *мира, не принадлежащего человеку* или *мира, не включающего в себя человека*. Выделение эгоцентричных моделей категоризации пространства в немецком

языке предполагает, что механизмы самооценки, оценки собеседника и окружающего мира в значительной мере могут быть описаны при помощи стереотипизированных схем.

С одной стороны, точкой отсчёта при антропоцентрическом членении пространства выступает языковая личность, как некий субъект, осуществляющий выбор тех или иных понятий, структурирующий окружающее его пространство на основании коллективного знания об особенностях и принципах подобного членения. На наш взгляд, именно это коллективное знание является наиболее значимым при выделении и описании эгоцентричных моделей языковой категоризации пространства. В данном случае речь идет об уровне собственно языкового знания («вербально-семантическом, или вербально-грамматическом уровне» в терминологии Ю.Н. Караулова [Караулов 2010]). Уровень собственно языкового знания выступает в качестве основы владения лексико-грамматическим строем языка и является первичным, максимально устойчивым уровнем, базовым для становления и функционирования языковой личности. Следовательно, именно данный уровень играет ведущую роль при языковой категоризации пространства, основанной на эгоцентрическом принципе.

С другой стороны, языковая категоризация пространства осуществляется человеком в соответствии с его индивидуальными знаниями, устремлениями, ценностными ориентирами, представлениями о межличностных взаимоотношениях, с учетом экстралингвистических факторов и фактов, явлений и состояний окружающего мира (см. в этой связи тезис о способности языковой личности не только построить сообщение, но и «выразить свое отношение к сообщаемому, к адресату, участникам коммуникативной ситуации, а также обеспечить свою роль в ней, выразить свое Я» [Сентенберг 1994: 18]).

Данное проявление языковой личности возможно на «когнитивном, или тезаурусном» и «прагматическом, или мотивационном» уровнях (в терминологии Ю.Н. Караулова [Караулов 2010]). Под когнитивным, или тезаурусным

уровнем автором, очевидно, понимается уровень знаний о мире, а под прагматическим, или мотивационным – уровень знаний о национально-культурных особенностях коммуникации в конкретном языковом сообществе. Изложенные соображения об иерархичной структуре языковой личности свидетельствуют, на наш взгляд, о том, что теория языковой личности основана на тезисе о принципиальной значимости национально-обусловленного и индивидуального начал в языке.

Таким образом, языковая личность рассматривается в настоящей работе в качестве антропоцентрической константы, служащей интегрирующим началом для актуализации таких основных функций языка, как когнитивной, коммуникативной и интерпретирующей и объединяет индивидуальные, социальные, психологические и национально-специфические характеристики «усредненного» носителя языка на основе анализа произведенных им текстов. Результаты исследования позволяют ответить на вопросы о том, как немецкая языковая личность воспринимает окружающий ее мир, структурируя и интерпретируя пространство вокруг себя. Изучение когнитивных и языковых принципов и механизмов, лежащих в основе эгоцентрической категоризации пространства, позволяет выявить идиоэтнические особенности идентификации и самоидентификации языковой личности, проявляющиеся в данной сфере.

4. Триада «пространство – время – человек». Междисциплинарный подход к исследованию феномена пространства

Исследование особенностей эгоцентрической категоризации пространства в немецком языке основывается на интерпретации собственно языковых данных. Однако подобный анализ требует междисциплинарного подхода, так как в ходе реконструкции концептов и категорий, актуальных для данной сферы и стоящих за теми или иными языковыми обозначениями, используются данные различных областей научного знания. Как подчеркивает в этой

связи Е.С. Кубрякова, именно положение «о необходимости совмещения и согласования языковых данных с тем, что уже известно о сенсомоторной, чувственной перцепции из других наук, характеризует наш подход как когнитивный» [Кубрякова 1994: 460].

В качестве составной части триады «пространство – время – человек» пространство является важнейшей составляющей модели мира, одной из его основных структур и основополагающей формой человеческого опыта освоения окружающего мира: пространство – «одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком» [Гак 2000: 126]. Пространство и время представляют собой основные формы, выражающие определенные способы координации материальных объектов и их состояний.

С философской точки зрения, пространство репрезентирует порядок расположения одновременно сосуществующих объектов, это «форма бытия материи, характеризующаяся такими свойствами, как протяженность, структурность, сосуществование и взаимодействие» [Сpirкин 1988: 120]. Следовательно, как восприятие определенной сущности или отношений, так и более сложные процессы переработки знания – концептуализация и категоризация – невозможны вне пространства.

Пространство и время являются важнейшими когнитивными категориями, основными формами бытия, первостепенными структурами познаваемого мира, теми свойствами, которые невозможно «считать» с вещей, однако, все, что существует, существует только в пространстве и во времени. М. Хайдеггер подчеркивал «пространственность» всякого существования: пространство не заключено в субъекте, и мир не заключен в пространстве, но всякое существование является пространственным [Heidegger 1953].

Анализ феномена времени в рамках философии и других наук носит в настоящей работе обзорный характер и служит более полному пониманию феномена пространства в силу того, что данные сущности находятся в неразрыв-

ной взаимосвязи. Представители античной философии трактовали время следующим образом: для Аристотеля ответ на вопрос о природе времени (из чего складывается время) звучал таким образом: время состоит из моментов «сейчас»; Платон рассматривал время как «подвижный образ неподвижной вечности».

Европейская философская мысль, продолжающая традиции античности, идет дальше в трактовке данного понятия. Так, для Святого Августина время выступает в качестве предпосылки человеческого бытия и способа существования человека, в котором он необходимо должен переживать прошедшее, настоящее и будущее (аналогичную точку зрения позже находим в работах Лейбница). И. Кант трактовал время как формальное априорное условие всех явлений [Кант 1994а]. С точки зрения современной классической философии, пространство и время являются теми категориями, «посредством которых объединяются формы бытия вещей и явлений, которые отражают, с одной стороны, их событие, сосуществование (в пространстве), с другой – процессы смены их друг другом (во времени), продолжительность их сосуществования» [НФС 1998: 555].

Если в рамках традиционной философии время интерпретируется либо как внешняя по отношению к субъекту сущность, либо как сущность, полностью содержащаяся в субъекте, то одной из версий постмодернистской процедуры переосмысления времени – «время в деконструкции» – выступает так называемая «метафизика присутствия», предложенная Ж. Дерридой и основанная на двух тезисах:

- тезис о привилегированном положении настоящего момента времени;
- тезис о привилегированном положении сознания относительно мира как такой инстанции, которая обеспечивает присутствие мира и самого сознания в мире [Derrida 1972].

Развивая данную идею и обосновывая модусы существования мира, Ж. Деррида говорит *о пространственно-временной интерпретации мира* как

последовательности во времени и одновременности в пространстве [Derrida 1972; НФСП 2007: 82-86;129-136]. Таким образом, Ж. Деррида, используя взаимоисключающие понятия (последовательность и одновременность), подчеркивает существенные различия феноменов пространства и времени: основными характеристиками времени, как известно, являются его направленность, длительность, движение, независимость течения времени от человека, равно как и его нереверсивный характер, в то время как в пространстве движение возможно в различных направлениях.

В исследованиях М.К. Мамардашвили, представляющих комплексный анализ процесса познания и предлагающих метатеоретический подход к исследованию сознания, особое место отводится взаимосвязи и взаимозависимости пространства и времени. Так, в соответствии с одним из его постулатов, связь «пространство-время» не является универсальной, а объект, равно как и созданная человеком модель объекта расщепляются в данном пространстве-времени (см., например: [Мамардашвили 2011]).

В рамках философии и психологии анализируется и такое понятие, как «сознание времени», под которым понимается «особый, зависящий от общих и индивидуальных психических и общеличных свойств данного человека вид сознания, связанный с переживанием времени» [ФЭС 2009: 78]. С опорой на данный феномен человеческой психики, в рамках настоящего исследования анализируются возрастное и временное пространства как подвиды ментального индивидуального пространства человека.

Время и пространство особым образом проявляются не только в живой природе, но и в социальной действительности, в литературе, в связи с чем исследователи говорят об онтологическом, биологическом, психологическом времени, соотношении времени и вечности, социальном пространстве-времени, хронотопе. При обсуждении затронутой проблематики представляется актуальной мысль П. Флоренского о хронотопе как единстве пространства и времени и о его роли в определении местоположения объектов: «Внешний мир

– есть объединение *пространства* и *времени*, а вещь – место особой кривизны времени-пространства [Флоренский 2009: 175] (курсив автора – П.Ф.) (см. также основополагающие работы о хронотопе М.М. Бахтина и других исследователей).

Анализ пространства как основной формы существования материи (наряду со временем) в рамках философии и естественных наук насчитывает многовековую историю. С точки зрения философии, пространство – это «то, что является общим всем переживаниям, возникающим благодаря органам чувств» [ФЭС 2009: 371]. Например, в «Категориях» Аристотеля место рассматривается в качестве одной из первичных онтологических сущностей (Аристотель описывает именно место, а не пространство): «Из сказанного без какой-либо связи каждое означает или сущность, или «сколько», или «какое», или «по отношению к чему-то», или «где», или «когда» ...» [Аристотель 2008: 456-457] (о категории «где» см. также: [Аристотель 1976: 358]).

Традиционно выделяемые *субстанциальная*, или *сущностная* концепция пространства и времени (представлена, например, в работах Демокрита, Эпикура, Евклида (именно в работах этих философов было введено понятие *пустого пространства*), И. Ньютона) и *реляционная* (от *relatio* – *отношения*), или относительная концепция пространства и времени (см. работы Платона, Аристотеля, Лейбница, А. Эйнштейна, В.И. Вернадского) предполагают разные подходы к исследованию данных универсальных понятий (см. подробнее: [Топоров 1983; Vollmer 2003; ФЭС 2009: 371]).

В рамках обеих концепций признавалась объективность пространства и времени, однако существуют и принципиальные различия в трактовке пространства. Для представителей первого направления пространство как составляющая модели мира является самостоятельной сущностью. Это нечто первичное, абсолютное, самодостаточное, однородное, бесконечное, независимое от материи и не определяемое материальными объектами, в нем находящи-

мися, отвлеченное от человека-наблюдателя. В данном случае речь идет об абстрактном понятии пространства, или как его традиционно называют – «ньютоновском пространстве», так как именно И. Ньютон, разрабатывая основы динамики, предложил данную, «не антропоцентрическую» концепцию пространства, согласно которой отношения пространства и материи рассматриваются как отношения независимых друг от друга субстанций. Более того, постулируется независимость свойств пространства (как и времени) от характера находящихся в нем материальных объектов. Речь, таким образом, идет о пространстве абсолютном, пространстве как пустомместилище тел.

Представители второго направления рассматривают пространство не как самостоятельную сущность, а как систему отношений взаимодействующих материальных объектов; как объективные, не зависящие от человека формы бытия материи, которые, однако, тесно связаны с самой материей. Согласно данной трактовке пространственно-временные свойства зависят от характера и взаимодействия материи. Более того, пространство рассматривается как нечто относительное, зависящее от находящихся в нем объектов, и определяется порядком сосуществования вещей. Вне системы подобных взаимодействий пространство (как и время) не может существовать (позже правомерность подобной трактовки была подтверждена теорией относительности А. Эйнштейна).

Данное понимание пространства, как пространства «одушевленного» присутствием человека, в определенной степени соотносится с осмыслением феномена пространства в архаичной модели мира, где, как отмечает В.Н. Топоров, пространство «оживотворено, одухотворено и качественно разнородно. Оно не является идеальным, абстрактным, пустым, не предшествует вещам, его заполняющим, а наоборот, конституируется ими. Оно всегда заполнено и всегда вещно; вне вещей оно не существует» [Топоров 1992: 340]. Аналогичный вывод находим и у Е.С. Яковлевой, которая подчеркивает, что у Лейбница

пространство одушевляется присутствием человека, трактуется и прочитывается им, в то время как у Ньютона мы находим некоторую объективацию идеи пространства, отвлеченную от фактора восприятия человеком [Яковлева 1993: 49]. Именно сущностная, или относительная трактовка пространства позволяет говорить об антропоцентричности данного феномена, поскольку мир не имеет измерений без присутствия человека.

И. Кант рассматривает пространство как априорное условие всех явлений вообще, как формальное свойство всякого восприятия внешнего мира, как «основную форму внешнего ощущения» [Кант 1994а: 298], как *схему* «для координации вообще всего воспринимаемого извне» [там же: 300] и доказывает не только эмпирическую реальность пространства, но и его «заданность» в познающем уме, его априорность: «*пространство* есть абсолютно первый *формальный принцип чувственно воспринимаемого мира*» [там же: 302]. Полемицируя с Лейбницем, под «абсолютным мировым пространством» И. Кант понимал, вслед за И. Ньютоном, пространство не в смысле некой системы пространственных отношений, не как «систему мест» (*Stellensystem*), а как реальную и единую сферу, в которой отдельные отношения пространства и его положений могут существовать в некоем абсолютномместилище [Кант 1994б: 268-270] (см. также идею И. Канта о том, что только благодаря абсолютному пространству «возможно [взаимное] отношение телесных вещей» [там же: 275]).

Определяя свое место в мире, индивидуум, наряду с феноменами *пространства* и *времени*, обращается и к такому феномену, как *мир*, который, согласно теории познания, включает в себя все явления и возможность их естественно научного познания [Vollmer 2003]. Согласно теоретическим воззрениям М. Хайдеггера, мир (*die Welt*) – это горизонт понимания бытия и человека, единство возможностей бытия [Heidegger 1986] (ср. с трактовкой мира в феноменологии Э. Гуссерля как *горизонта опыта* [Гуссерль 1994]).

В данном исследовании за основу принимается реляционное, или относительное представление о пространстве, как системе отношений взаимодействующих материальных объектов, как пространстве структурированном, являющемся частью человеческого понимания мира. Окружающий человека мир (мир натурфактов, людей, артефактов, идей, отношений и т.д.) познается и структурируется им в тесной взаимосвязи с познанием и структурированием пространства и времени (ср. с тезисом Э. Гуссерля, рассматривающего *единство мира как горизонт пространства-времени* [там же]). Следовательно, немецкая языковая личность преломляет окружающий ее реальный мир, равно как и мир, потенциально доступный ее пониманию, как пространственно-временной континуум через призму языка.

Одним из первых ученых, обосновавших идею о том, что человек конструирует понятия и картину окружающего мира, был Ж. Пиаже. В своей «генетической» теории познания ученый настаивал на том, что познание не дает реальной картины окружающего мира, а служит инструментом приспособления, при помощи которого мы входим в мир нашего опыта. В конце 30-х гг. 20 века Ж. Пиаже представил научному сообществу свое видение модели того, как конструируются, например, такие базовые для человека структуры, как пространство и время [Piaget 1974; Piaget, Inhelder 1977].

Модель, предложенная Ж. Пиаже, в определенной степени, перекликается с «психологией личностных конструкторов» Дж. Келли, основная идея которой сводится к тому, что несмотря на *спорность реальности восприятия* вселенной человеком, он может *сконструировать* ее как реально существующую [Kelly 1963: 8] (ср. также: «*eine «korrekte» Abbildung der Realität*» [Glaserfeld 1997: 43, ff]).

В мифологической картине мира пространство организовано не континуально, а прерывисто (о «лоскутном» характере мифологического пространства см. подробнее: [Лотман 1973: 288-289]). На заключительном этапе мифопоэ-

тической эпохи, как показывает в своем обзоре В.Н. Топоров, «обнаруживается тенденция выработки основ «преднаучной» и «предфилософской» концепции относительно однородного и равного самому себе в своих частях пространства» [Топоров 1992: 341]. Пространство представляется, таким образом, как разнородное, прерывистое, состоящее из взаимосвязанных частей, доступное измерению и репрезентации при помощи языка.

С позиций современной психологии пространство рассматривается не как нечто гомогенное, данное человеку. Основной характеристикой данного феномена с точки зрения психологии является то, что пространство наполнено множеством всеобъемлющих систем отношений и характеристик. Согласно устоявшейся в рамках философии и психологии точке зрения, восприятие человеком пространства – это «восприятие пространственного расстояния на поверхности собственного тела при помощи осязания» [ФЭС 2009: 78]. Человек может мысленно продолжить координаты предмета (собственного тела, в том числе) за пределы его самого и, таким образом, достигнуть представления о пространстве.

В зависимости от области научного знания и цели исследования анализируются и другие аспекты этого многогранного феномена. Например, в работах современных логиков Дж. Гарсона и Н. Решера изучаются системы «позиционных», или «топологических» логик. Авторы, исследуя пространственные и временные отношения, приходят к выводу о сходстве основных принципов структурирования логик пространственного и временного измерений [Garson, Rescher 1968]. Г.Х. Вригт, выявляя основные структурные различия пространства и времени и характеристики пространства, разработал модальную «Логiku Местоположения, или пространства», или «топо-логику» («Logic of Place»), основные идеи которой сводятся к следующему:

- пространственный порядок реверсивен (временной – нет);
- отношение «близости» симметрично (но не транзитивно) [Вригт 2000a].

Используя логические структуры, исследователь анализирует такие три понятия пространственной сферы, как «поблизости (по соседству)» («*in the neighbourhood (vicinity)*»), «где-то в другом месте» («*somewhere else*») и «где-нибудь» («*somewhere*») [там же].

Таким образом, феномен пространства находит достаточно противоречивое и сложное объяснение в рамках различных областей научного знания. Лингвистические исследования, осуществляемые в междисциплинарной плоскости и систематизирующие данные, полученные в рамках различных областей научного знания в лингвистической перспективе, показывают, что пространство является базовой составляющей языковой картины мира. Е.С. Кубрякова подчеркивает в этой связи, что наряду с концептами объекта и его частей, концептами действия с объектами, концепты пространства и изменения местоположения объекта в пространстве «можно считать входящими в число архетипов коллективного сознания, универсальных для всего человечества» [Кубрякова 2004: 23]).

В.Г. Гак рассматривает мир как максимальное пространство, «о котором может мыслить человек. Поскольку все мыслится в пространстве, то пространство – это весь мир» [Гак 2000: 129, 130]. Схожее понимание пространства находим у Е.С. Кубряковой, определяющей пространство как то, что «вмещает человека, то, что он осознает вокруг себя, то, что он видит простирающимся перед ним. Пространство – это среда всего сущего, окружение, в котором все происходит и случается, некая заполненная объектами и людьми «пустота»» [Кубрякова 2004: 465].

О важности исследования феномена пространства, места в нем человека и роли языка свидетельствует большое количество лингвистических работ, посвященных изучению различных типов пространств, схематизации пространства в языковой картине мира (см., например: о семиотике пространства [Лотман 1992]; теорию концептуальной интеграции ментальных пространств (*mental spaces*), выстраиваемых собеседниками [Fauconnier 1994; Turner 1998],

или концептуальных сфер (*domains*), определяющих семантику языковых единиц [Langaker 1987]; о таких видах пространства языка, как семантические или семиотические виды пространства текста и дискурса [Кубрякова 1997б]; о пространственном моделировании высказывания, пространстве деятеля и пространстве наблюдателя [Болдырев 2000]; о пространственно-временных отношениях [Категоризация мира ... 1997; Падучева 1996; Тарасова 1992 и др.]; об особенностях концепта «ПРОСТРАНСТВО» и его роли в метаязыке лингвистических описаний [Кубрякова 2000; Кубрякова 2004: 459-474]; о проблемах номинации пространства [Топорова 2015а, 2015б; Язык и пространство: проблемы... 2011] и др.).

Так, анализируя взаимосвязь типов концептуализации пространства и семантические свойства глаголов, Г.И. Кустова подчеркивает, что в языковой картине мира, как и в мифологической, пространство неоднородно и структурировано: «в нем выделяются фрагменты свои и чужие, ближние и дальние, известные и неизвестные, освоенные и неосвоенные, доступные и недоступные, «разрешенные» и «запрещенные», важные и безразличные» [Кустова 2000: 48]. В работах А.В. Кравченко и Е.С. Яковлевой основополагающей является идея об относительном пространстве (см. подробнее: [Кравченко 1996, 2004; Яковлева 1994]). В «школьно-геометрической» картине мира (термин «школьная», в противоположность наивной картине мира используется Е.В. Урысон) «пространство мыслится как пустое и совершенно однородноеместилище предметов» [Кустова 2000: 48].

Рассматривая феномены пространства и времени с позиций структурно-семантического направления, С.Б. Аюпова основывается на принципе системности, проявляющемся в разграничении статики и динамики пространственных и временных отношений, в учете функций средств лексического, грамматического уровней языка в их взаимосвязи, в установлении семантических и структурных особенностей языковых средств; а также в функционировании языковых средств в тексте [Аюпова 2011: 44-45].

Анализ языковой концептуализации и категоризации пространства показывает специфику восприятия и структурирования пространственных отношений в сознании и языке. Исследования, осуществляемые в рамках когнитивной лингвистики, показывают, что человеку свойственно как чувственное, так и геометрическое восприятие действительности [Кобозева 2000]. Как показывают исследования, такие геометрические элементы, как *точка*, *линия*, *круг* лежат в основе структурирования человеком окружающего пространства. В.М. Топорова подчеркивает в этой связи, что важной особенностью геометрических образов «является их связь и с логической, и с эмоционально-образной сферами восприятия мира. С одной стороны, они позволяют выявлять структурные элементы чувственно воспринимаемых объектов. С другой, обладая богатейшей ассоциативно-смысловой базой, они выступают в качестве важных символических ресурсов сознания» [Топорова 2015а: 127].

Более того, «в языковом представлении сложно смешиваются различные типы пространств: реальное, перцептуальное (о перцептуальном (*perceptual*) пространстве как о пространстве, знание о котором априорно и включает в себя сенсорные и биологические структуры см. подробнее: [Clark 1973]) и концептуальное, умозрительное, физическое, геометрическое, географическое, астрономическое и космическое, абсолютное и относительное, пустое, абстрактное и обжитое, антропоцентрическое, социальное, мифологическое, художественное» [Корнева 2008: 18-19].

Исследуя семантику пространства, Л. Талми ввел в лингвистический оборот такое понятие, как «топологический тип», согласно которому языковая картина мира представлена объектами нескольких эталонных форм – топологическими типами «контейнеров», «отверстий», «стержней», «вытянутых поверхностей», «бесконечных пространств» и так далее. По мнению исследователя, данные топологические типы организуют языковое пространство, служа в нем ориентирами. Кроме того, Л. Талми доказывает, что каждый из выделен-

ных топологических типов характеризуется определенным, отличным от других набором измерений [Talmy 1983, 1985]. 1985] (развивая данную идею, Л.А. Манерко и Г.И. Проконичев определяют такие способы ментальных репрезентаций пространственных схем, как топологические модели (линия, точка, плоскость, объем / контейнер [Манерко, Проконичев 2012]).

В языковой картине мира, в отличие от геометрической, не все объекты имеют параметрические характеристики, что отличает языковой способ категоризации пространства от геометрического, что убедительно доказывается в более поздних работах лингвистов-когнитологов, посвященных изучению особенностей категоризации пространства в языке (см. подробнее: [Кравченко 2004; Рахилина 2000; Рябцева 2005; Топорова 2015а, 2015б; Fauconnier 1994; Svorou 1994 и др.]). Данное отличие объясняется тем, что «элементы языковой картины мира и их взаимосвязи не являются прямым отражением объектов мира и его структуры. Она передает не столько сам мир, сколько то, как видит и понимает объекты и явления, структуру мира человек, выделяя конкретные аспекты и характеристики, т.е. то, как конструирует (а не просто отражает) окружающий мир человек в своем сознании» [Болдырев 2015а: 41].

В исследованиях Р. Лэнкера и Ж. Фоконье представлена такая трактовка ориентационного пространства, которая активно разрабатывается в настоящее время в рамках когнитивного направления: человек не может не учитывать как чувственных элементов восприятия пространства, так и геометрической концептуализации пространства (см. подробнее: [Langacker 1987: 117-118 и далее; Langacker 1991; Fauconnier 1994]). Представляется, что в основе восприятия и структурирования ориентационного пространства заложены принципы антропоцентризма и диалогичности мышления. К. Кесслер и Л. Томсон подчеркивают в этой связи, что существование ориентационного пространства возможно только благодаря способности человека видеть перспективу, которая позволяет одному собеседнику принимать точку зрения другого и воспринимать мир его глазами [Kessler, Thomson 2008: 80].

Языковая модель пространства базируется на основе целого ряда оппозиций, строящихся по принципу антропоцентризма и антропоморфизма восприятия человеком феномена пространства. Данное положение основано на антропоморфности осевых пространственных измерений в большинстве языков (горизонтальный – вертикальный, верх – низ, справа – слева, впереди – сзади, близко – далеко, внутренний – внешний и т.д.) [Fauconnier 1994; Lyons 1977; Svorou 1994]. Кроме того, человек соотносит окружающие его объекты с величиной своего роста (*выше / ниже-чем-я*). Исследования показывают, что пространственные отношения, воспринимаемые и структурируемые человеком, ориентированы на субъект восприятия – говорящего или наблюдателя, выступающего в качестве точки отсчета. Подобная ориентированность составляет когнитивное содержание значения языковых единиц, выражающих пространственные отношения (см., например: Кравченко 1993, 2004; Яковлева 1994 и др.).

Анализ языкового материала показывает, что подобное восприятие пространства и предметов в пространстве, равно как и метафоризация, основанная на пространственных взаимоотношениях, актуальны как при категоризации объектов мира физического, так и социальных и межличностных отношений («пространственные отношения и процессы могут переноситься в сферы непространственных отношений» [Пауль 1960: 116]).

Е.С. Кубрякова отмечает необходимость изучения реального развития понятия пространства и первичных концептов, позволивших человеку перейти к более сложным гипотезам о строении пространства (на основе наивных представлений о пространстве развивались физическое и геометрическое представления о нем). Кроме того, автор анализирует переход «от идеи пространства как вместилища (среды) для всего сущего к ньютоновскому образу абстрактного и «пустого» пространства» и «переход от представлений о верхе и низе и т.п. – к идеям трехмерного пространства и измерениям в этом пространстве с его конкретными координатами» [Кубрякова 2000: 87 и далее].

Е.С. Яковлева, анализируя лексико-семантическую группу дистанционных наречий, отмечает, что в них получили языковое воплощение как универсальные характеристики (далеко-близко), так и национально-специфические характеристики (типа *равнинность*, *горизонтальность*, *исхоженность*, *освоенность пространства* и т.д.) [Яковлева 1993, 1994]. В.В. Корнева исследует наречия пространственной семантики, рассматривая их как средство вербализации пространственной картины мира [Корнева 2008].

Согласно результатам исследований И.М. Кобозевой, вербальные описания пространства вне философского и научного контекстов воплощают стандартно-бытовое понимание пространства, которое, с одной стороны, отличается от научного и мифопоэтического понимания пространства, а с другой стороны, имеет с ними ряд таких общих черт, как:

- неразрывная связь с вещами;
- дискретность, членимость на отдельные фрагменты;
- приоритет топологических свойств над метрическими [Кобозева 2000: 154-155].

Национально-культурные особенности также оказывают существенное влияние на процесс концептуализации и категоризации пространства в целом и эгоцентрическую категоризацию пространства, в частности. В различных языковых сообществах универсальные типы, параметры и характеристики пространства отличаются национально-культурным своеобразием (см., например: [Корнева 2008; Селиверстова 2004; Скрынникова 2004; Топорова 2015а, 2015б; Тамерьян 2004; Филоненко 2002; Яковлева 1993, 1994; Taylor 1989] и др.). Как отмечает Л. Талми, «лингвокультурный предвыбор» является одним из факторов, влияющих на выбор языковых средств при описании пространственной ситуации [Talmy 1983].

Таким образом, результаты исследований феноменов пространства и времени в рамках различных наук позволяют говорить о том, что материальные объекты и события находят свою локализацию в пространстве и времени, а

ментальные сущности локализуемы только во времени и не имеют пространственной протяженности (характеризуясь продолжительностью, не обладают протяженностью). Основу феноменологического знания «составляют предметы, события, явления, идентифицированные в определенной системе пространственных координат, на которую проецируются ... возможные между элементами реального мира виды отношений, зафиксированные в предикатах» [Кравченко 2004: 22]. Необходимо сделать оговорку, что тезис о локализации ментальных состояний только в пространстве рассматривается отдельными учеными как спорный (см., например: [Вригт 2000б]).

Основными характеристиками пространства как формы существования материи, как сферы бытия, которую человек познает через свои ощущения, является, таким образом, его протяженность, дискретность, вместимость, трехмерность; все типы и виды пространств, выделяемые человеком для упорядочения его собственных представлений о мире, о своих ощущениях, взаимоотношениях, имеют сходную структуру и характеристики.

5. Эгоцентризм как основа категоризации пространства в языке

Познавательная деятельность человека основана на универсальных базовых принципах и определяется наличием универсальных когнитивных факторов вне зависимости от принадлежности к тому или иному языковому сообществу. Одним из важнейших когнитивных факторов, лежащих в основе познавательной деятельности человека вообще и категоризации пространства, в частности, является фактор наблюдателя. Фактор наблюдателя предстает как развивающаяся когнитивная система, как элемент интерпретативной модели языкового значения (см. работы Ю.Д. Апресяна, Н.Н. Болдырева, О.К. Ирихановой, А.В. Кравченко, Е.С. Кубряковой, У. Матураны, Е.В. Падучевой, Н.К. Рябцевой и др.). Следовательно, мы говорим о наблюдателе

- как о **человеке говорящем**, приписывающем язык в момент речи [Степанов 2010], соотносящем все «со своей точкой зрения» [Lyons 1977: 638];

- как **человеке, познающем мир** [Болдырев 2004; Верхотурова 2006, 2008; Кравченко 1992; 2004; Кубрякова 2004 и др.], выбирающем некую точку отсчета при эгоцентрической категоризации пространства.

Как известно, процесс познания носит диалогичный, intersubjectный характер (см. подробнее: об intersubjectивности условий познания в работах Л.С. Выготского [Выготский 1968, 2011 и др.]; концепцию о диалогичности сознания П. Линелла [Linell 2007]; «диалогическую» теорию М.М. Бахтина, содержащую, по сути, идею о диалогичности когнитивных процессов [Бахтин 1986, 2000 и др.] и др.).

Исследования в области психологии и когнитивной науки убедительно показали неправомочность узкой трактовки коммуникации как перемещения информации от индивидуума к индивидууму. В своем исследовании мы исходим из того, что отдельно взятый индивид не является неким автономным и достаточным субъектом познания и интеракции, а нуждается в обязательном наличии коммуниканта, владеющего общим для данного лингвокультурного сообщества «кодом»: «оба коммуниканта (говорящий и слушающий) обладают знанием о том, как структурируется семантика каждого слова и какие смыслы оно, помимо своего лексического значения, передает» [Беляевская 2015: 188]. Как отмечает Т.А. Клепикова, «интеракциональность дискурса, основанная на метакогнитивной способности говорящих представлять когнитивные состояния друг друга и прогнозировать их, проявляется не только во взаимном учёте информационного, когнитивного и эмоционального статусов партнёров по коммуникации, но и в активном совместном участии в формировании дискурса (talk-in-interaction)» [Клепикова 2007: 36].

Определяющая роль говорящего при эгоцентрической категоризации пространства в языке обусловлена, прежде всего, антропоцентричностью данного процесса, что является следствием антропоцентричности зрительного восприятия в целом: человек структурирует и интерпретирует окружающее

его пространство не иначе, как с точки зрения своей включенности / не включенности в него. Кроме того, именно человек говорящий оценивает, интерпретирует (сознательно и подсознательно) объекты и события, включая их в ту или иную сферу своего пространства, пространства адресата или третьего лица, опираясь на имеющиеся языковые и неязыковые знания. При этом, эгоцентрическая категоризация пространства, или моделирование его образа, интегрированного в ментальный мир человека говорящего, зависит от выбора перспективы, или точки отсчета. Говорящий вычленяет те или иные характеристики, важные для него по определенным причинам в определенной ситуации, руководствуясь своими интенциями, учитывая специфику ситуации общения, контекст, различные экстралингвистические факторы.

Для дальнейших рассуждений необходимо оговориться, что вслед за Е.В. Падучевой, выделяющей 4 роли говорящего

- говорящий как субъект речи,
- говорящий как субъект дейксиса,
- говорящий как субъект сознания,
- говорящий как наблюдатель, или говорящий как субъект наблюдения

[Падучева 1993; 2001; 2008], в настоящем исследовании мы рассматриваем феномен человека-наблюдателя как одну из ипостасей говорящего, а термин *говорящий* понимаем в широком смысле как включающий в себя все 4 перечисленные выше роли.

В процессе интеракции как когнитивно-коммуникативного взаимодействия адресанта и адресата в определенном социуме, шире – в определенной языковой общности, коммуниканты решают множество коммуникативных, когнитивных и социальных задач. Способ членения мира, принципы проведения границ между различными типами пространства основаны на определенных знаниях, а наблюдая и определенным образом интерпретируя окружаю-

щий мир и наполняющие его сущности, индивид использует некую точку отсчёта. Как отмечалось выше, отправной точкой эгоцентрической категоризации пространства в языке является сам говорящий.

Вместе с тем, релевантной является и такая координата процесса коммуникации, как адресат, так как именно в процессе интеракции реализуется вся сложная система взаимоотношений говорящего и слушающего, когда коммуниканты выступают как индивидуумы с их постоянными и переменными признаками, или статусами (национальный, социальный, возрастной, позиционный, профессиональный, гендерный статусы, религиозная самоидентификация, политические пристрастия и т.д.).

В силу того, что процесс коммуникации основан на интерперсональном взаимодействии отдельных личностей с их биологическими, психологическими, индивидуальными, социальными, общечеловеческими, этнокультурными и другими характеристиками, языковая категоризация пространства идиоэтнически и социально обусловлена. Процесс общения предполагает обмен информацией, адекватность которого невозможна без наличия общего этно- и социокультурного кода, в основе которого – взаимодействие концептуальных систем коммуникантов (то, что Ю.М. Лотман определил как *перевод с языка моего «я» на язык твоего «ты»* [Лотман 1996]). Следовательно, взаимодействие коммуникантов включает в себя такие важные аспекты, как когнитивный, межличностный, социальный и интерпретационный.

Обращаясь к проблематике дискурса, коммуникации и интерпретации высказывания адресатом, И.К. Архипов, подчеркивает важность учета фактора языковой личности не только адресанта, но и адресата сообщения, знающего код интерпретации: сознание реципиента сообщения, «принявшее образы форм очередных знаков, связывает их вместе, тем самым вновь создает знаки и генерирует свой смысл, близкий к смыслу говорящего. В ходе этих

ментальных операций языковая личность, принимающая формы знаков, опознает сигналы, соответствующие определенным единицам ее лексикона» [Архипов 2006: 163].

Адресант и адресат являются своеобразными полюсами коммуникативного акта, связанными между собой сложной цепочкой отношений, а языковые единицы различных уровней, маркирующие пространство человека, при их актуализации в национально-культурном, межличностном и социальном контекстах, несут в себе информацию, релевантную в двух измерениях: с одной стороны, в них отражаются культурные традиции, стереотипы, структура и степень социальной градации конкретного языкового сообщества, с другой стороны, данные языковые единицы отражают универсальные принципы эгоцентрической категоризации пространства в языке.

Под эгоцентризмом, вслед за Е.Г. Хомяковой, мы понимаем «особую способность *Homo sapiens* отражать в своем сознании, преломляя сквозь призму *Я* мыслящего и говорящего, образ окружающего его мира, частью которого он себя сознает и картину которого создает в процессе речемыслительной деятельности» [Хомякова 2005: 68]. Эгоцентрическая категоризация пространства человека в языке, как способ структурирования и осмысления мира осуществляется на основе эгоцентричной интерпретации индивидуумом признаков, характеристик различных пространств и входящих в них субъектов, объектов, отношений, действий, событий.

Эгоцентрический принцип заключается в том, что в качестве точки референции при категоризации пространства выступает индивидуум (говорящий). Именно говорящий оценивает, интерпретирует (сознательно и подсознательно) объекты, субъекты, события, действия, включая их в ту или иную сферу *своего* пространства, пространства *адресата* или *третьего лица*, опираясь на имеющиеся языковые и неязыковые знания. Как будет показано в практической части исследования, национально-культурные особенности эгоцентрической категоризации пространства в немецком языковом сообществе,

или моделирования его образа, интегрированного в ментальный мир *человека говорящего*, зависят как от языковых, так и от экстралингвистических факторов.

6. Языковые и экстралингвистические факторы, определяющие особенности эгоцентрической категоризации пространства в немецком языке

6.1. Языковые механизмы эгоцентрической категоризации пространства в немецком языке

Анализ фактического материала показывает, что дейксис, номинация, использование синонимии, антонимии, синтаксических конструкций, языковая метонимия и метафора, словообразование выступают в качестве языковых механизмов эгоцентрической категоризации пространства в немецком языке. Как следствие, немецкий язык располагает корпусом разноуровневых единиц, выступающих (изолированно или в сочетании) маркерами различных моделей, сфер, типов пространства, эгоцентрически категоризируемого индивидуумом – имена существительные, прилагательные, наречия, с пространственной семантикой, с семантикой родства, дружбы, социальных, статусных отношений; глаголы, дейктические единицы, словообразовательные элементы.

В силу того, что основной функцией дейктических единиц, выступающих маркерами определенной модели, сферы, типа пространства, категоризируемого на основе принципа эгоцентризма, является функция референциальная, указательная, в большинстве случаев данные единицы (например, притяжательные, указательные местоимения) используются не изолированно, а в сочетании с номинативными единицами (в качестве определенного исключения выступают личные местоимения).

Основным отличительным признаком дейксиса по сравнению с другими элементами эгоцентрической сферы, как отмечает Е.В. Падучева, является то, что при интерпретации дейктических элементов обращение к ситуации речи

«работает на нужды идентификации (объектов, моментов времени, участков пространства и проч.)» [Падучева 1996: 246].

Анализ различных методологических подходов к исследованию понятия «дейксис», сложившихся в рамках различных лингвистических течений, позволяет выделить такие наиболее продуктивные для настоящего исследования подходы, как:

- реляционный, или релятивный подход, согласно которому дейксис определяется как локализация и идентификация объектов, ситуаций относительно пространственно-временного контекста акта высказывания или относительно участия в высказывании говорящего и адресата речи [Lyons 1977];

- функционально-семантический подход, в рамках которого дейксис интерпретируется в зависимости от функций и семантики системных дейктических средств и структурной организации речевого акта [Бенвенист 1974; Бондарко 1999; Якобсон 1972 и др.];

- прагматический подход, определяющий дейктические средства как «прагматические переменные», «значение и функции которых могут быть определены только в непосредственном отношении к акту речи в момент его протекания» [Степанов 1981а: 242] (см. также: [Падучева 2001; Степанов 2010; Дейк ван 1989 и др.]);

- процедурный подход, рассматривающий дейксис в качестве лингвистического инструмента, процедуры идентифицирующей референции, позволяющей сфокусировать внимание на определенной единице, составляющей часть дейктического пространства [Рябова 1995: 35].

При детальном рассмотрении становится очевидно, что данные подходы демонстрируют схожесть позиций в понимании сути и природы дейксиса, расставляя, однако, различные акценты при интерпретации данного многопланового явления. В настоящей работе мы опираемся на трактовку сущности дейксиса, изложенную в фундаментальном исследовании К. Бюлера, согласно

которой дейктическая система организована в виде указательного поля с дейктическим центром (*Origo*). Согласно теории К. Бюлера, значение дейктического центра воплощено в словах *я (ich)*, *здесь (hier)* и *сейчас (jetzt)*, а свое семантическое наполнение дейктики получают в зависимости от позиции денотата к исходной точке ориентации указательного поля [Бюлер 2000: 74-127].

В рамках своей концепции, К. Бюлер выделяет три способа языкового указания:

- *наглядный дейксис*, когда говорящий и слушающий видят друг друга, а фигура говорящего, актуальное время и место коммуникации являются исходными пунктами, относительно которых определяется значение дейктических элементов («первичный дейксис» [Апресян 1995]; «прототипический дейксис» [Бондарко 1999]; «истинный дейксис» / «echte Deixis» [Klein 1978]);

- *дейксис к воображаемому*, когда говорящий мысленно переносится в воображаемое ориентационное поле, а дейктическим центром является воображаемое или условное *ego, hic et nunc* («вторичный дейксис» [Апресян 1995]; «воображаемый (имагинативный) дейксис» («imaginative Deixis») [Rauh 1982]);

- *анафорический дейксис, или анафора*, при помощи которого осуществляется указание не на компоненты перцептивного пространства, а на те или иные позиции в речевой структуре (контекст приравнивается к «указательному полю» (в терминологии К. Бюлера)) [Бюлер 2000: 75; 78-79; 111-114, 121-124 и далее].

В настоящей работе мы придерживаемся точки зрения, согласно которой необходимо различать такие типы дейксиса, как *ситуативный и анафорический*, с одной стороны, и такие разновидности ситуативного дейксиса, как *первичный и вторичный*, с другой. Так, в основе разграничения *ситуативного дейксиса и анафоры* лежат различия в денотативном статусе референтов: ситуативный дейксис является неким референциальным механизмом идентификации объектов, в то время как элементы анафорического дейксиса отсылают

к компонентам денотативного пространства текста. Во втором случае основанием для выделения является каноничность и неканоничность коммуникативной ситуации. Следовательно, если дейктический центр образуют действующие on-line *адресант и адресат (актуальное пространство и время)*, то речь идет о *первичном ситуативном дейксисе*; если названные выше условия канонической ситуации нарушаются, и исходным пунктом становится *воображаемые* или *условные коммуниканты* (равно как и *воображаемое или условное пространство и время*), то речь идет о *вторичном ситуативном дейксисе* (см. подробнее: [Апресян 1995; БЭС 1998: 128-129; Падучева 2001; 2008; Успенский 2012: 13-15; Lyons 1977 и др.]).

Традиционно в сфере такого сложного явления, как дейксис, вычленяются следующие разновидности:

- *персональный, или ролевой дейксис (Ich-Deixis и Du-Deixis* в терминологии К. Бругмана и К. Бюлера), основной функциональной задачей которого является указание на участников речевого акта (данному типу дейксиса соответствует оппозиция *адресант – адресат – третьи лица, предмет речи*) [Беляевская 2005; Бенвенист 1974; БЭС. Языкознание 1998: 128; Бюлер 2000; Падучева 2001, 2008; Успенский 2012; Якобсон 1972, 1985; Brugmann 1904 и др.];

- *пространственный дейксис (Der-Deixis и Jener-Deixis* в терминологии К. Бругмана и К. Бюлера) как указание на пространственную локализацию, на степень отдаленности объекта высказывания (данному типу дейксиса соответствует оппозиция *пространство говорящего – другие пространственные области*) [Бенвенист 1974; БЭС. Языкознание 1998: 128; Бюлер 2000; Падучева 2001, 2008; Успенский 2012; Якобсон 1972, 1985; Brugmann 1904 и др.];

- *временной дейксис* как указание на временную локализацию (данному типу дейксиса соответствует оппозиция *момент речи – другое время*) [Бенвенист 1974; БЭС. Языкознание 1998: 128; Бюлер 2000; Кравченко 1992; Лайонз 1978; Падучева 2001, 2008; Степанов 2010; Якобсон 1972, 1985; Brecht 1974; Brugmann 1904; Lyons 1977 и др.].

В лингвистической литературе существуют разнообразные терминологические единицы, используемые для обозначения дейктических единиц – класса слов и выражений, представляющих координаты *я – здесь – сейчас*. Ю.С. Степанов показывает в своем обзоре, что в каждой крупной системе «философии языка» и логики существовали различные термины для наименования класса слов и выражений, связанного с координатами «я – здесь – сейчас»: «индексальные символы» у Ч. Пирса; «шифтеры» в терминологии О. Есперсена, а затем – Р.О. Якобсона; «автореферентные» слова у Э. Бенвениста; «знаково-рефлексивные слова» у Г. Рейхенбаха; «десигнаторы наличного бытия» в работах М. Хайдеггера, «индикаторные, или индексальные выражения» у Н. Гудмена и др. [Степанов 2010: 230].

Б. Рассел в рамках предложенной им теории дескрипции, ввел понятие («*egocentric particulars*»), вошедшее в отечественную лингвистику как «эгоцентрические слова», или «эгоцентрические частицы», ориентированные в своем значении на *ego* говорящего. Ученый включал в данный класс такие классические дейктические единицы, как *я – ты; это – то; здесь – там; сейчас – тогда; прошедшее, настоящее, будущее* [Russel 1952; 1980]. В переложении на немецкий язык уместно говорить об эгоцентрических словах типа *ich – du, dieser – jener, hier – dort, jetzt – damals*.

При очевидной общности в трактовке принципиальных особенностей дейктических единиц в рамках различных направлений языкознания – их обязательное указание на *ego* говорящего – существуют и различия в понимании того, какие единицы включаются в данный класс. Так, в современной отечественной лингвистике помимо перечисленных выше эгоцентрических слов, предложенных Б. Расселом, в данный класс включаются и маркеры субъективной модальности – модальные слова, вводные слова, наклонения и т.д. [Падучева 1996; Степанов 1981a: 238-344; Степанов 2010: 216-278 и др.].

Проведенное исследование позволяет утверждать, что дейксис правомерно рассматривать в качестве языкового механизма эгоцентрической категоризации пространства, а дейктические единицы выступают, в свою очередь, как языковые средства маркирования различных моделей, сфер, типов пространства, категоризируемых на основе принципа эгоцентризма в немецком языке. Более того, нашедшая свое отражение в языке *дейктическая система* рассматривается в рамках исследования в качестве *основы*, используемой индивидуумом при *эгоцентрической языковой категоризации окружающего пространства*. Именно дейктические слова играют ключевую роль при соотнесении индивидуального опыта разных людей, при интерпретации тех или иных отношений, лежащих в основе эгоцентрической категоризации пространства, поскольку они «выступают как исходный пункт при координации (личного) опыта, дающей возможность осуществлять коммуникацию» [Успенский 2012: 12 и далее]). В рамках настоящего исследования эгоцентрическая категоризация пространства в немецком языке осуществляется в системе *трех координат*, соотносимых с перечисленными выше типами дейксиса:

– *личностная эгоцентрическая координата*, соотносимая с личным дейксисом (основанием для конструирования личностной эгоцентрической координаты является оппозиция *адресант – адресат – третьи лица / предмет речи*);

– *пространственная эгоцентрическая координата*, соотносимая с пространственным дейксисом (конструируется на основе оппозиции *пространство говорящего – другие пространственные области*);

– *временная эгоцентрическая координата*, соотносимая с временным дейксисом (конструируется на основании оппозиции *момент речи – другое время*).

Данные координаты мы определяем как *эгоцентрические* в силу того, что они ориентированы на *Эго* говорящего. Каждая координата представляет со-

бой иерархичную систему, которая осмысливается и каждый раз заново конструируется человеком на базе оппозиций (*das Fremde – das Eigene, hier – dort, jetzt – früher – später, bekannt – unbekannt, innen – außen, individuell – gemeinsam, privat – öffentlich etc.*), выстраиваемых на основе интерпретации различных характеристик пространства и входящих в него сущностей различной природы (подробный анализ представлен в Главе II).

При выделении эгоцентрических моделей пространства мы исходим из того, что такие дейктические единицы, как личные, притяжательные, указательные, неопределенно-личные местоимения, номинативные единицы (имена существительные, прилагательные, номинирующие пространственные, межличностные и социальные отношения и характеристики, глаголы соответствующей семантики и т.д.) представляют *личностную координату*; указательные местоимения, имена существительные, прилагательные, глаголы, наречия с соответствующей семантикой – *пространственную и временную координаты*. В репрезентации перечисленных выше координат задействованы, наряду с дейксисом, и другие языковые механизмы (номинация, семантическая сочетаемость, метафора, метонимия, словообразование, использование синтаксических конструкций), а, следовательно, и языковые средства различных уровней (лексические единицы с соответствующей семантикой, местоимения, артикли, предлоги; предложные сочетания, временные формы глагола, формы наклонения глагола).

Особую роль при эгоцентрической категоризации пространства в немецком языке играют артикли. В немецком языке, как языке артиклевом типа, данная часть речи не только указывает на «определенность» и «неопределенность», выполняет функцию идентификации, выступая в ряде случаев показателем соотнесенности лица, артефакта, события с тем или иным типом или видом пространства), но и отчасти выполняют дейктические функции («указательность» артиклей) (*Wen meinst du? – Den Jungen.*). В зависимости от обла-

сти определения, нулевые, определенные и неопределенные артикли могут репрезентировать как личностную, так и пространственную координаты (ср.: *Mutter – die Mutter; in dieser Gesellschaft – in der Gesellschaft*).

Существенную роль при эгоцентрической категоризации пространства в немецком языке при словесном (само)моделировании говорящего играют индивидуальные имена – антропонимы, основное отличие которых от других имен собственных, как известно, состоит в характере индивидуализации объекта. Имя собственное концептуализирует человека как нечто уникальное: «Без слова и имени человек – вечный узник самого себя, по существу и принципиально анти-социален, ... не индивидуален» [Лосев 1993: 642] (см. также: «В слове, и в особенности в имени, – все наше культурное богатство, накапливаемое в течение веков; и не может быть никакой психологии мысли, равно как и логики, феноменологии и онтологии, вне анализа слова и имени» [Лосев 1999: 44]).

Особая коммуникативная и этнокультурная значимость антропонимов состоит в том, что данные единицы не только идентифицируют участников коммуникации, но и отражают характер их взаимоотношений (межличностных, возрастных, социальных, позиционных и т. д.). Фактический материал показывает, что имя собственное, употребленное в определенной форме (имя (*Friedhelm, Angelika*), фамилия (*Schmidt, Wenzel*), имя + фамилия (*Bernward Thole, Andrea Winter*), краткая форма имени / (*Jan* (от *Johann*), *Ann-So* (от *Ann-Sophie*)), уменьшительно-ласкательная форма имени (*Toni* (от *Antonie*), *Siggi* (от *Siegfried*), *Fredi* (от *Friedhelm*)), форма обращения *Frau / Herr* + фамилия, *Frau / Herr* + ученая степень + фамилия (*Frau Doktor Unsicker, Herr Professor Eisenberg*), форма обращения *Frau / Herr* + должность + фамилия (*Herr Botschafter Brandenburg, Frau Ministerin Sommerling*) выступает, в том числе, в качестве маркера принадлежности адресата или третьего лица той или иной модели пространства, конструируемого на основе принципа эгоцентризма.

При помощи выбора определенной формы антропонима в функции самоименования, обращения или именовании третьих лиц говорящий получает возможность провести межличностную границу («граница личности есть граница семиотическая» [Лотман 1996: 186]) – границу между *собой* и *другим*, поскольку личные имена «несут важные прагматические значения, в которых отражен характер человеческих взаимоотношений».

На наш взгляд, антропонимы, выступающие в функции самоименования, обращения и именовании третьих лиц, представляют собой субъектно-ориентированные компоненты речи, то есть являются такими компонентами высказывания, которые самым непосредственным образом соотносятся с породившим их субъектом. К субъектно-ориентированным, или субъектным компонентам речи Н.К. Рябцева относит дейксис, модус, оценку, метатекст / метаречь, интонацию и стиль (см. подробнее: [Рябцева 2005: 377]). Кроме того, с точки зрения семантики, данные единицы требуют обязательного присутствия адресанта и адресата. Следовательно, с семантической и функциональной точек зрения любое самоименование, обращение и именование третьих лиц могут быть рассмотрены как дейктические единицы.

Главное свойство, объединяющее подобные единицы, по мнению Н.К. Рябцевой, проявляется в их способности объективировать стоящие за ними мыслительные операции, производимые субъектом речи в текущей коммуникативной ситуации. Кроме того, значимым *ментальным* свойством субъектных компонентов речи автор считает их связь с рефлексией как самой важной, главной, исходящей и при этом «интегральной» ментальной операцией обработки поступающей, текущей информации [Рябцева 2005: 380]. Представляется необходимым особенно подчеркнуть именно ментальную операцию обработки информации, осуществляемую говорящим при отборе тех или иных форм автономинации, обращения и именовании третьих лиц, так как, производя подобный отбор, отправитель речи оценивает себя, своего партнера и пас-

сивного участника коммуникативного акта (присутствующего или отсутствующего при общении) как личность. Для настоящего исследования необходимо подчеркнуть, что, выбирая ту или иную форму автономинции, обращения или именования третьих лиц, говорящий интерпретирует характер своих отношений с адресатом, третьими лицами, ситуацию общения, свои интенции, на основании чего «помещает» их в ту или иную сферу эгоцентрически категоризуемого пространства.

Мы присоединяемся к мнению ученых, причисляющих имена собственные к классу эгоцентрических слов. Так, Ю.С. Степанов интерпретирует имя собственное как функцию и как косвенное обозначение самого именуемого [Степанов 2010: 234-236]). По мнению других авторов, имя собственное, как и местоимение, не обладает значением (в семиотическом смысле этого слова, когда связь слова и денотата не опосредована значением) [Успенский 2012: 18; Якобсон 1972: 96]. Следовательно, личные имена правомерно рассматривать как эгоцентрические дейктические единицы, выступающие в качестве языковых единиц эгоцентрической категоризации пространства в языке.

Таким образом, в качестве основных языковых механизмов эгоцентрической категоризации пространства в немецком языке в настоящем исследовании рассматриваются дейксис, номинация, использование синонимии, антонимии, синтаксических конструкций, языковая метонимия и метафора, словообразование. Подробный анализ роли языковых единиц различных уровней в системной и функциональной категоризации пространства, основанной на принципе эгоцентризма, представлен в Главе II.

6.2. Граница между *своим* и *чужим* как фактор эгоцентрической категоризации пространства в немецком языке

Одним из когнитивных оснований эгоцентрической категоризации пространства в языке является осознание принципа бинарного разграничения мира на *свое* и *чужое*. Данное разграничение находит свое отражение в языке

при личностной, культурной, социальной и других (само)идентификациях. Представление о *своем* и *чужом*, онтологически заложенное в сознании человека и проявляющееся во всех сферах его жизнедеятельности, определяет содержание его внутренней жизни. Следовательно, предпосылкой исследования принципов, лежащих в основе эгоцентрической категоризации пространства, является изучение особенностей проведения границы между *Эго* и другими людьми и шире – между *Эго* и окружающим его миром, проявляющихся самыми разными способами.

В рамках философии возникновение бинарной картины мира рассматривается как процесс поэтапный и связанный с отчуждением человека от собственной сущности и его социализацией. Так, в рамках экзистенциализма уникальный феномен человеческого *Я* рассматривается в тесном взаимодействии с *Ты* или *Другим* [Хайдеггер 1993; Сартр 2011 и др.]. С точки зрения психологии, формирование оппозиции *свой* – *чужой* начинается с осознания человеком себя и социума в контексте природы как *мы* с дальнейшим вычленением *я*, трактуемого как «выделение, противопоставление себя чему-то или кому-то другому» [Кон 1984: 14].

Лингвистические исследования показывают, что данная социокультурная бинарная оппозиция, затрагивающая все сферы жизнедеятельности человека, проявляется в семантическом пространстве языка. Маркированность *своего* и *чужого* в различных типах дискурса в значительной степени детерминирована как совокупностью социальных, культурных, языковых и когнитивных факторов, так и интенцией адресата. Проблематика *своего* и *чужого* находит свое отражение в исследованиях отечественных и зарубежных лингвистов в рамках различных методологических установок и на материале различных языков. (см. подробнее работы Э. Бенвениста, Л.И. Гришаевой, В.И. Карасика, Л.В. Куликовой, Н.В. Ушковой, Л.В. Цуриковой и др.).

Э. Бенвенист, анализируя этимологию лексических единиц *свой* и *чужой*, выявляет смыслы, заложенные в них, и отмечает, что понятие *свой* изначально

включало в себя осознание кровного родства определенной группы людей, в пределах которой человек осознавал себя «свободным от рождения, свободным по рождению», противопоставляя себя *другим* («чужим, врагам, рабам») [Бенвенист 1995: 75].

В настоящем исследовании мы исходим из предположения о том, что вычленение *своего* и *чужого* пространства имеет множественную интерпретацию и реализуется в виде таких оппозиций, как *мы – ты / вы, мы – они, этот – тот, близкое – далекое* и др. Вероятно, для осознания своего места, места других индивидуумов, предметов, событий в пространстве и для упорядочения принципов категоризации окружающего пространства человеку необходимы две минимальные психологические и когнитивные опоры: осознание места собственного *Я*, представляющего собой точку отсчета при эгоцентрической категоризации пространства, и осознание наличия границы / границ между отдельными видами, типами пространства и принципов их проведения. Именно наличие таких границ, фиксируемое в языке, позволяет представить эгоцентрическую типологию пространства на основе выделения эгоцентрических моделей категоризации пространства в немецком языке.

Следовательно, важнейшим критерием, лежащим в основе эгоцентрического членения пространства в языке, является единство или противопоставление сущностей (как индивидуальных, так и коллективных) по принципу *свое – чужое*: государство / государство, конфессия / конфессия, статус / статус (возрастной, гендерный, позиционный, идеологический, социальный и т.д.), личность / личность. П.Н. Донец, определяющий *чужое* как информативное, прагматически значимое *другое* [Донец 2001: 110], подчеркивает важность исследования такой категории, как *чужое* в рамках изучения проблемы границы, т.к. переход в область *чужого* (так же, как и возвращение из области *чужого* в область *своего*) влечет за собой соответствующие когнитивные, прагматические и коннотативные последствия для «эмигранта» [Донец 2009: 251-252].

Граница между различными моделями пространства представляет собой некую воображаемую линию, рубеж, разделяющий одну сферу от другой: «Отличаться от иного и не сливаться с другим можно только тогда, когда есть *определенная граница*, очертание, форма» [Лосев 1999: 60]). В семантике единиц, используемых для обозначения пределов при описании различных видов и типов пространства, заложено:

- значение «наличие некой границы» (*Grenze, Schranke*), отделяющей или замыкающей пространство вокруг определенных лиц, предметов, событий, территорий (на основе интерпретации характеристики принадлежности) (грамматические средства: предлоги (*in + Dativ, innerhalb + G., während + G., einschließlich + G. etc.*), префиксы (*mit, zusammen, an etc.*); притяжательные местоимения; лексические средства: имена существительные (*Bereich, (Familien)kreis, Gemeinde, Gemeinschaft, Innere (im Inneren), Staat etc.*), имена прилагательные (*einheimisch, gehörig, inner (innerdeutsch, innerdienstlich, innerkirchlich), innerlich, persönlich, vertraulich, verwandt etc.*); наречия (*da, hier, hieran, hierauf, innen* (в том числе, как составная часть в сложных существительных (*Innenleben, Innenwelt*) *etc.*); глаголы (*besitzen, gehören, haben etc.*) и др.);

- значение «быть за пределами определенного типа или вида пространства», включающего в себя определенные лица, предметы, события, территории (на основе интерпретации характеристики непринадлежности) (грамматические средства: отрицания (*kein, nicht*); предлоги (*außer + Dativ, außerhalb + G.*); префиксы (*außen-, außer-*, например, в именах существительных (*Außenseiter, Außenwelt*), именах прилагательных (*außeramtlich, außerhäuslich, außerkirchlich, außerberuflich, außeruniversitär*); суффикс *fern*, например, в именах прилагательных (*bürgerfern, staatsfern*); лексические средства: имена существительные (*Abstand, Absonderlichkeit, Entfernung, Entfremdung etc.*); имена прилагательные (*äußer, äußerlich, exklusiv, dortig, entfernt, fern, weit etc.*); наречия (*außen, außerhalb, damals, dort etc.*); глаголы (*sich absondern, fernhalten etc.*) и др.);

- значение «преодоление границы»:

(1) выход / исключение из определенного пространства (грамматические средства: предлоги (*aus + D., von + D. etc.*); префиксы (*ab-, aus-, ent-, los-, weg-, ver- etc.* в глаголах (*absondern, abgrenzen, abteilen, sich abtrennen, ausweisen, (sich) entfremden, (sich) entfernen, sich loslösen, wegdrängen, vertreiben, verbannen, verweisen etc.*)), именах существительных (*Ausweisen, Vertreibung etc.*); лексические средства: имена существительные (*Scheidung, Trennung etc.*); наречия (*weg*); глаголы (*isolieren, sich scheiden (lassen), separieren, (sich) trennen etc.*);

(2) вхождение, вмешательство / включение в определенное пространство (грамматические средства: предлоги (*in + Akk.*); префиксы *an-, auf-, ein-, hin-, hinein-, her-, herein-, teil-, über-, zu- etc.* в глаголах (*anschließen, aufnehmen, sich einmischen, einheiraten, einbeziehen, sich einleben, einschließen, einstellen, übertreten, zulassen etc.*)), именах существительных (*Einschließung*); лексические средства: имена существительные (*Bekanntschaft, Heirat, Ergreifung etc.*); наречия (*hinein, herein*); глаголы (*heiraten, kommen lassen, immatrikulieren etc.*).

Кроме того, различные сферы, типы и виды пространства могут быть охарактеризованы своими способами межличностного и социального разграничения, что находит самое непосредственное отражение в языке. Межличностная и социальная близость / дистанция выражаются в немецком языке, например, при помощи номинативных единиц (например, номинации, используемые для обозначения межличностных отношений *Freund, Bruder, Eltern, Mutter, Bekannte*; «социальные» номинации *Doktor, Lehrer, Chef, Kollege, Minister*; местоименные формы обозначения адресата (*du (ihr) / Sie; Sie und ich* вместо *wir* (в немецком языке недопустимо использовать инклюзивную форму *wir* в разговоре с адресатом, более старшим по возрастному, социальному или позиционному статусу)).

Таким образом, оппозиция *свой – чужой* служит дифференциации, осуществляемой на основании интерпретации характеристик *включенности / невключенности, принадлежности / непринадлежности* (к определенному кругу лиц, объектов, отношений, событий, действий умозрительно очерченному говорящим субъектом вокруг себя). Понимание принципов, когнитивных оснований, лежащих в основе категоризации пространства, осуществляемой с опорой на принцип эгоцентризма, является предпосылкой исследования особенностей проведения границы между *Эго* и другими людьми и шире – между *Эго* и окружающим его миром, проявляющихся самыми разнообразными способами. Индивидуум осознает наличие этих границ и маркирует их при помощи языковых средств различных уровней, интерпретируя различные типы и виды пространства и входящие в них разноплановые сущности на основе коллективных и индивидуальных знаний, с учетом общего контекста ситуации.

6.3. Экстралингвистические факторы, определяющие особенности эгоцентрической категоризации пространства в немецком языке

Эгоцентрическая категоризация пространства в немецком языке обусловлена не только языковыми особенностями, но и рядом экстралингвистических факторов. Характеризуя специфику современной когнитологии, О.К. Ирисханова отмечает, что усиление социальной составляющей в контексте современных лингвистических исследований «означает более последовательное вовлечение в анализ языковых фактов социальных и этнокультурных параметров познания и общения, ..., а также более частое обращение к живой речи в социальных контекстах» [Ирисханова 2014: 5-6]. Анализ особенностей интерпретации индивидуумом типов и видов пространства, входящих в него сущностей, событий, действий, характера межличностных и социальных отношений, показывает важную роль таких экстралингвистических факторов, как *социальная идентичность, стереотипы, социальные и позиционные статусы и роли,*

их симметричность или асимметричность, соотносящиеся с социальными, национальными и психологическими характеристиками языковой личности, как антропоцентрической константы.

В результате социализации, основным звеном которой правомерно рассматривается процесс коммуникации, индивидуум познает мир, себя и других, приспособляясь к окружающей его среде, и осознает свою идентичность. Понятие идентичности, согласно теории М. Вебера, раскрывается во взаимодействии индивидуального, социального начал и мира вещей, что можно представить в виде семиотического треугольника «Ich» – «Wir» – «Es» [Weber 1964]. Именно в процессе коммуникации человек узнает определенный набор «инструкций», согласно которым он строит свои отношения с окружающими его людьми, с миром вещей, натурфактов и событий. В данном случае правомерно говорить о наличии неких векторов, направляющих мышление каждого члена определенного национально-культурного сообщества в соответствии с набором стереотипных установок – правил поведения индивидуума в социуме, позволяющих ему выстраивать собственную поведенческую модель.

Для настоящего исследования важно, что в процессе социализации и формирования идентичности индивидуума центральное место занимает формирование его лингвистической идентичности, в результате которой человек воспринимает и усваивает определенные правила, в том числе, языкового поведения, а также проецирует воспринимаемое на существующие образцы, или схемы.

В рамках социологии под социальной идентичностью понимается «характеристика индивида с точки зрения его принадлежности к какой-либо социальной общности, группе (возрастной, гендерной, экономической, этнической, профессиональной и так далее)» [http://mirslovarei.com/content_soc/identichnost-socialnaja-6435.html] (речь в данном случае идет о социальной идентичности как результате). С точки зре-

ния психологии, под социальной идентичностью понимается «один из процессов социальной идентификации, который состоит в том, что по мере того как внутри группы отношения все более стабилизируются, идентификация ее членов становится более деперсонализированной, индивидуальные свойства становятся психологически менее важными, чем общие групповые свойства. Социальная идентичность организует социальный мир в группы и определяет самого человека как члена одних групп, но не других» [http://mirslovarei.com/content_psy/socialnaja-identichnost-2370.html]. Процессы социализации приводят, таким образом, к тому, что индивидуум начинает осознавать себя в качестве личности, способной действовать в обществе, отвечать требованиям общества.

Исследования, осуществляемые в рамках социологии, когнитивной и социальной психологии, показывают, что для формирования идентичности решающими факторами являются осознание собственной принадлежности к определенному социальному образованию (слою, группе), к определенной религии, этносу, а также семейное, материальное положение, пол, возраст, воспитание, профессия, религия, национальность, политическая ориентация и т.д. Следовательно, социальная идентичность предполагает идентификацию с людьми определенного социального слоя или группы, определенной профессии или определенного социального / социоэкономического статуса (возраст, пол, материальное положение), определенной религии (ср. также: культурная, национальная, этническая идентичность).

В результате социализации индивидуум овладевает знаниями, в том числе знаниями об особенностях членения пространства на *свое* и *чужое*, принятых в конкретном лингвокультурном сообществе. Этот процесс сопоставим с процессом знакомства ребенка со своим окружением, постижением правил и норм поведения с различными людьми, с той лишь разницей, что ребенка исправляют взрослые, а на взрослого воздействует окружающий мир, то есть речь идет об определенном постоянном социальном и межличностном контроле.

Социальные отношения, как переплетение интерактивного и социального взаимодействия индивидуумов и групп, возможно в определенной степени рассматривать и как языковые отношения, так как ощущение общности, сопричастности («das Wir-Gefühl» в терминологии Б. Бернштейна [Bernstein 1975]), т.е. чувство принадлежности к определенной группе, выражается, прежде всего, при помощи языковых единиц различных уровней.

Г. Мид подчеркивает, что становление идентичности осуществляется в рамках символического интеракционализма, согласно которому человек живет не только в его природном (естественном) мире, но и в символическом мире (*in einer symbolisch vermittelten Umwelt*) [Mead 1973 [1934]: 216]. К символам, которые усваиваются, относится, по мнению автора, язык как самая рафинированная символическая организация человека, как «корни и основа идентичности и мышления общественного субъекта» [там же: 420]. Исследования в области когнитивной психологии показывают, что провести четкую разделяющую линию между нашей собственной идентичностью и идентичностью других людей невозможно, т.к. идентичность отдельного субъекта существует и присутствует в его опыте только при условии существования идентичности других людей, которая в определенном степени также присутствует в опыте данного субъекта.

Таким образом, отдельный человек обладает идентичностью только при условии осознания им идентичностей других членов той или иной общественной группы. Размышляя о структуре идентичности отдельного индивидуума, Г. Мид отмечает, что она выражает (отражает) общепринятый образец поведения его общественной группы, равно как и структуру идентичности каждого другого члена этой общественной группы и выделяет общественную сторону индивидуума и сторону индивидуальной спонтанности [там же: 206]. Это означает, что выражаемая в языке идентичность некоего индивидуума постоянно проявляется и в языке других представителей определенного лингво-

культурного сообщества, других членов общественной группы, т.е. тех индивидуальностей, которые в процессе коммуникации взаимодействуют с его опытом осознания собственной идентичности.

Очевидно, что индивидуум осознает себя как социально способную к действию, интерактивно компетентную личность только в рамках коммуникации. При этом отдельный человек учится с помощью перенимаемых символических систем принимать на себя роли других. Он не только осознает свою идентичность, конструирует окружающее его пространство, но и учится видеть себя со стороны, с позиций других интерактантов и, тем самым, учится соответствовать ожидаемому от него со стороны социального окружения выполнению ролей. Следовательно, становление социальной идентичности – это процесс, в котором сбалансированы как импульсы индивидуальной спонтанности, так и импульсы, ожидаемого общественного поведения: индивидуум воспринимает некие образцы и действует в соответствии с этими образцами.

Более того, селективное восприятие информации из внешнего мира приводит к образованию определенного набора стереотипов и клише. Х. Буссманн рассматривает стереотип как когнитивную категорию «для обозначения специфических для той или иной группы усиленных эмоционально, в основном неосознанно, укоренившихся предубеждений и представлений» [Bußmann 2002: 65]; В. Лилли, определяет стереотипы как «картинки в нашей голове, систему ориентации, приспособления (*Anpassung*) и оправдания (*Aufrechterhaltung*) самого себя» [Lilli 1982: 7]. В рамках настоящего исследования стереотипы рассматриваются как генерализованные ментальные категории. При этом мы осознаем, что при генерализации («идеальный говорящий – слушающий» Н. Хомского; «идеальная женщина», «идеальный мужчина») из поля зрения выпадают определенные релевантные качества, признаки.

Социальное пространство отдельного индивидуума, являющееся частью более крупной системы – социального мира, или социальной сети, – состоит, как отмечает У. Шмидт-Дентер, из «людей, функций и событий» [Schmidt-

Denter 1996: 20]. Большинство типов пространства, категоризируемого в языке, структурировано дробно, а особенности его категоризации обусловлены такими релевантными экстралингвистическими параметрами, как позиционные, социальные, возрастные, гендерные, экономические и другие статусы и социальные роли.

Социальными ролями называют различные формы общественного поведения человека. Под ролью в социологии и психологии понимается нормативно одобренный обществом образ поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную социальную позицию [Кон 1967: 23]. Индивидуум в процессе социализации усваивает систему социальных связей и взаимоотношений, принятых в том или ином сообществе, и проигрывает большое количество ролей, сохраняя при этом свою идентичность. Примечательно, что практически каждая роль получила свое специальное название в языке.

Исследования показывают, что в различных языковых сообществах существует свое деление на роли и своя оценка этих ролей. Примечательно, что роли могут быть обусловлены как постоянными социальными характеристиками индивидуума (гендером, социальным положением, профессией), так и переменными, которые зависят от определенной ситуации (роль покупателя, пассажира, пациента, попутчика и так далее) [Горелов, Седов 1997; Langner 1974; Sager 1985 и др.].

Национально-культурная специфика языка проявляется в использовании различных языковых единиц, маркирующих соотношение постоянных и переменных (временных) ролей, выполняемых коммуникантами. Естественным образом это проявляется и при эгоцентричной категоризации пространства в немецком языке, так как данный процесс отражает социальную структуру общества и, следовательно, социальную дифференциацию языка.

Языковой аспект проигрывания социальных ролей стал предметом исследования лингвистики со второй половины 20 века, а отношения между комму-

никантами, обладающими определенными социальными ролями в момент осуществления коммуникации, традиционно выделяются в качестве одного из компонентов коммуникативной ситуации. А.А. Леонтьев отмечает в этой связи, что речевое общение происходит на фоне социального взаимодействия личностей, а коммуниканты предстают друг перед другом в своих социальных ипостасях как носители своих социальных ролей [Леонтьев 1974: 271].

Занимаясь исследованием психологической стороны процесса общения, Э. Берн отмечает, что у каждого человека некий набор поведенческих схем соотносится с определенным состоянием его сознания; с другим психическим состоянием, часто несовместимым с первым, бывает связан уже совершенно другой набор схем. Эти различия и изменения привели Э. Берна к мысли о существовании различных состояний *Я (Эго)* [Берн 1999: 16-18].

Проецируя теорию Э. Берна из области психологии в область теории речевых актов, Ю.Н. Караулов предпринял попытку объяснить разновидности речевого поведения личности распределением их среди ее трех фундаментальных ролей, выполняемых человеком в разных ситуациях общения, – *дитя, родитель, взрослый* [Караулов 2010: 212]. Представляется очевидным, что если один из коммуникантов играет роль *родителя* или *ребенка*, то отношения между ними в момент речи являются асимметричными, и ситуация общения становится асимметричной; если оба участника общения проигрывают роль *взрослого*, то уместно говорить о симметричных отношениях, а, следовательно, и о симметричной ситуации общения. Подобная симметричность / асимметричность ситуаций общения и социальных ролей коммуникантов находит свое отражение при эгоцентричной категоризации индивидуального пространства в языке.

К симметричным ситуациям общения относятся такие ситуации, участники которых обладают одинаковыми социальными, позиционными и возрастными статусами. При различии хотя бы по одному признаку появляется

асимметричность в отношениях, и ситуация общения становится асимметричной, что находит свое отражение в языке:

Personen mit hohem gesellschaftlichem und / oder beruflichem Status verfügen über Macht, Einfluss und umfangreiche finanzielle Mittel (bzw. es werden ihnen diese Eigenheiten zugeschrieben) (Lutzer 2010: 8);

Im Gespräch mit vermeintlich oder tatsächlich "Niederrangigen" stellt er oder sie keinerlei Fragen und scheint ausschließlich um sich selbst zu kreisen (Lutzer 2010: 9).

Для настоящего исследования принципиально важными представляются следующие положения:

- перечисленные выше экстралингвистические факторы оказывают существенное влияние на особенности эгоцентрической категоризации пространства в немецком языке;

- влияние экстралингвистических факторов, как факторов национально и культурно обусловленных, во многом предопределяет национально-культурную специфику эгоцентрической категоризации в немецком языке;

- в зависимости от социального или позиционного статуса, собственных интенций, ситуации общения и ряда других факторов говорящий при помощи выбора языковых единиц различных уровней может подчеркнуть или нивелировать симметричность / асимметричность статусов участников общения (как активных, так и пассивных).

7. Эгоцентрическая категоризация пространства в языке как способ интерпретации окружающего мира

Универсальному феномену пространства вообще и пространству, отражающему характер взаимоотношений человека и окружающих его людей, событий, артефактов, натурфактов, присущи такие характеристики, как протяженность, длительность, связность, непрерывность, структурированность и многомерность. Как отмечалось выше, в работе нас интересует не пространство

как онтологический, универсальный феномен, а то, как окружающее пространство воспринимается индивидуумом: все системы отношений в пространстве, его характеристики фиксируются и воспринимаются человеком, а полученный перцептивный опыт осмысливается, структурируется и интерпретируется и, как следствие, находит свое отражение в культуре и в языке.

В рамках различных парадигм научного знания проводятся исследования не только систем отношений, на которых базируется понимание пространства, осваиваемого человеком, но и место человека в пространстве. Философия постмодерна предлагает свой подход к исследованию особенностей осмысления мира человеком. Предлагая в качестве основы для подобного анализа триаду *индивидуальность – мир – интер-индивидуальность*, Ж. Делез исследует «индивидуализированный мир» и «индивидуализированные Я», населяющие каждый из этих миров, и приходит к выводу о том, что и *индивидуальное*, и *коллективное* носит внешний и внутренний характер, а *мир* может мыслиться и сформироваться только *вокруг населяющих его индивидуальностей* (курсив наш: И.Б.) [Делез 1998: 153-154 и далее]. К. Леви-Стросс, анализируя в рамках социальной антропологии соотношение биологического и социального в поведении человека, признает первостепенным влияние социальных институтов, традиций (в том числе родственных, брачных, мифологических) на взаимоотношения между людьми и поведение человека [Леви-Стросс 2011: 40-189].

Данный факт достаточно активно изучается в рамках смежных наук. Так, американский антрополог и культуролог Э. Холл, являющийся основателем проксемики, вычленяет четыре дистанционные зоны: интимная дистанция (эмоционально заряженная зона общения между самыми близкими людьми), персональная дистанция (зона личного, неформального общения), социальная дистанция (зона общения между знакомыми и незнакомыми людьми, типичная для деловых встреч и др.), зона публичного общения [Hall 1969: 116-125].

С тезисами проксемики перекликаются данные психологических исследований пространственных пределов, организованных вокруг так называемой

жизненной сферы индивида – личного, или *персонального* пространства индивида («*personal space*») [Slane 1981]. Внутри этого пространства, психологического по своей сути, психологи традиционно выделяют домашнюю, интеракционную и общественную территории.

Аналогичную идею высказывает К. Оле, предлагая выделять *мир*, который окружает человека и находится в непосредственной близости с ним – некий «*вокруг-мир*» (*Umwelt*); мир, сосуществующий с человеком – «*со-мир*» (*Mitwelt*); «*чужой*» *мир* (*Fremdwelt*) и *мир вообще* (*Welt*) [Ohle 1978: 17]. Следовательно, в процессе интеракции между коммуникантами существуют минимальные и максимальные расстояния, физически разделяющие их при различных видах контактных и неконтактных дистанций. Термин «контактные дистанции» связан, в свою очередь, с понятием «социальная территория», которая членится на фиксированные территории (например, *дом*), ситуативные территории (например, *стол в кафе*) и эгоцентрические территории (например, *карман пиджака*) (см. подробнее: [Goffman 1972: 52 и далее]).

Б. Тверски, анализируя особенности семантики визуально-пространственных представлений на основе осознания антропоцентрической сущности феномена пространства, выделяет такие *ментальные пространства*, как *пространство тела*, *пространство вокруг тела*, *пространство навигации* (данный тип пространства складывается за счет физического и когнитивного опыта: это и то пространство, которое действительно освоено человеком, и то, которое может быть освоено им в принципе) и *пространство внешних репрезентаций* (то, что перенесено на бумагу, в том числе, изобретения, интеллектуальный опыт всех предыдущих поколений человечества) [Twersky 2005].

Среди ментальных пространств возможно, в свою очередь, вычленить *социальные* (например, родственные, профессиональные, статусные / позиционные, гендерные, национальные и др.), *этические* (например, религиозные),

психологические пространства. Под психологическими пространствами мы понимаем те пространства, которые человек воспринимает при помощи органов чувств (*видимое, осязаемое и слышимое пространства*).

Многогранность феномена пространства предполагает разнообразие его форм и размеров. Воспринимаемое, осмысливаемое и структурируемое человеком пространство обладает следующим набором признаков и характеристик:

- пространство, окружающее человека, антропоцентрично по своей сути;
- трехмерное пространство и сущности, локализуемые в пространстве, воспринимаются человеком топологически (субъективно, относительно, на основе чувственно-наглядного восприятия) и метрически (в терминах объективированного пространства, вне зависимости от воспринимающего субъекта);
- пространство, структурируемое человеком, делится на физическое и не физическое, или ментальное;
- онтологически пространство может быть конечным и бесконечным, открытым и закрытым, разделяемым с кем-либо или неразделяемым.

Перечисленные выше пространственные признаки и характеристики определенным образом интерпретируются человеком при конструировании окружающего пространства, необходимом индивидууму для выстраивания адекватных отношений с окружающим миром. При подобной интерпретации проявляются национально-культурные особенности того, каким образом немецкая языковая личность соотносит себя с тем или иным типом или видом окружающего пространства, опираясь на коллективные схемы знаний. Такая интерпретация представляет собой процесс вторичного познания, поскольку интерпретируется не мир, а знание о мире. В данном случае интерпретируется репрезентированное в коллективном сознании знание о существовании различных типов и видов пространства, его характеристиках, наполняющих его

сущностях, отношениях, событиях. Процесс интерпретации отличается субъективностью, поскольку зависит от концептуальной системы конкретного индивидуума, его целеустановок и вкладываемых им личностных смыслов.

Эгоцентрическая категоризация пространства – это вычленение в сознании человека определенных типов и видов пространств, с которыми он ассоциирует свое бытие. В основе данных процессов вычленения, соотнесения и «присвоения» или дистанцирования лежат различные когнитивные механизмы. Как показывает анализ корпуса примеров, наиболее значимыми являются когнитивные механизмы профилирования, выбора точки отсчета (точки референции, в терминологии Э. Рош).

Действие когнитивного механизма профилирования заключается в выделении, высвечивании того или иного свойства, характеристики пространства, на основе которых выделяются различные его сферы, типы и виды (о профилировании как когнитивном механизме см. подробнее: [Langacker 1991]). Выбор точки отсчета, или точки референции предполагает выбор объекта, его узнавание и классификация, в том числе на основе сравнения с уже имеющимися знаниями.

Для дальнейших рассуждений об особенностях эгоцентрической категоризации пространства в языке мы предлагаем использовать следующие теоретически важные для настоящего исследования положения:

1. Когнитивную основу эгоцентрической категоризации пространства в языке составляет объективное наличие **различных типов отношений** человека и окружающих его сущностей разнообразной природы. Категоризация пространства в языке осуществляется на основе **интерпретации** индивидуумом этих отношений. Под **интерпретацией**, вслед за Н.Н. Болдыревым, понимается языковая познавательная активность отдельного индивида, раскрывающая в своих результатах его субъективное понимание объекта интерпретации [Болдырев 2010: 51] (об интерпретации мира и знаний о мире в языке

см подробнее: [Болдырев 2011в, 2013а, 2013б, 2014б, 2015а и др.]; (об интерпретации как когнитивном процессе и результате: [Демьянков 1994; КСКТ: 31-33 и др.]). Отмечая как универсальность, так и индивидуальность данной субъективной репрезентации мира человеком, Н.Н. Болдырев подчеркивает, что, с одной стороны, интерпретация основана «на существующих общечеловеческих представлениях о мире и, с другой стороны, на его личном опыте взаимодействия с ним [с миром]. Это – проекция мира, или знания о мире, «погруженные» в индивидуальное сознание человека» [Болдырев 2013: 14].

2. При эгоцентрической категоризации окружающего его пространства индивидуум опирается на **общий фонд знаний** о членении пространства, универсальный для членов определенного лингвокультурного сообщества. Эти общие знания являются основой для создания общих значений языковых знаков различной уровневой принадлежности, выступающих в роли языковых маркеров типов и видов эгоцентрически категоризируемого в языке пространства.

3. Вместе с тем, говорящий опирается на **индивидуальный опыт межличностного и социального взаимодействия**, в соответствии с которым он **каждый раз заново конструирует** пространство вокруг себя на основе собственного **субъективного восприятия действительности**. Эгоцентрическое моделирование пространства осуществляется индивидуумом, структурирующим окружающий его мир, не только с опорой на актуальное личностно ориентированное восприятие действительности, окружающих его сущностей и отношений между ними (человек «опирается на особенности своего перцептивного аппарата, привнося индивидуальный компонент в структуру картины мира и ее конфигурацию» [Левицкий 2013: 218]), но и с учетом **предшествующего субъективного опыта**.

4. Эгоцентрическая категоризация пространства представляет собой **существенную часть конструирования ситуации** (о взаимосвязи *конструирования ситуации (construal)* и формирования языковых значений, о динамике

значений различных языковых единиц и конструкций: [Lee 2002]; о различных способах *кодирования* и *портретирования* ситуации: [Кубрякова 2004]). В данном случае речь идет о **функциональном значении** языковых единиц различных уровней, маркирующих типы и виды категоризируемого в немецком языке пространства, основанном на соотнесении индивидуального опыта говорящего, индивидуального опыта других людей и национально-культурных знаний. Человек не просто передает смыслы, данные в готовом виде, а **формирует** их в процессе коммуникации.

Реконструкция эгоцентрических концептуальных моделей пространства предполагает, в том числе, и экспликацию содержания основных пространственных концептов на основе пространственных репрезентаций, а построение данной концептуальной модели осуществляется на основе системы оппозиций, реализующейся на разных уровнях языка. Языковые данные свидетельствуют о том, что основные концепты, лежащие в основе категоризации физических и ментальных пространств в немецком языке, отражают такие характеристики пространства, как трехмерность, форма, размер, протяженность.

Занимаясь разработкой данной проблематики, мы отдаем себе отчет в том, насколько **собственно пространственная когниция**, единицами которой являются физические объекты в физическом пространстве, отличается от **когнициии социальной**. В данном случае мы присоединяемся к мнению Р. Джекендоффа, считающего, что ментальность разложима на различные способности, или модули, специализирующиеся на обработке определенной информации. Автор выделяет, например, группу **модулей**, специализирующихся на **социальной когнициии**, основная задача которых состоит в представлении **образа человека как индивида, как социальной сущности в обществе**. В отличие от пространственной когнициии, единицами когнициии социальной являются личности в социальном взаимодействии [Jackendoff 1994].

Кроме того, при эгоцентрической категоризации пространства в языке, в отличие от категоризации собственно пространственных отношений, существенно меняется, на наш взгляд, сам принцип структурирования данного пространства. Так, в работах Р. Джекендоффа и В. Ландау делается предположение, находящее подтверждение в практических исследованиях нейрофизиологов о существовании двух систем концептуализации реального мира – *What-System* и *Where-System*. При помощи *Where-System*, или «Где-системы» структурируются как пространственные отношения (например, положение объекта в пространстве), так и перемещение одного объекта относительно других (другого). *What-System*, или «Что-система» позволяет говорящему категоризовать имеющиеся знания о сущности объектов [Jackendoff 1984; 1994; Landau 1994]. При этом каждая из названных систем может функционировать изолированно, абстрагируясь от информации, важной для другой системы.

При эгоцентрической категоризации пространства данные системы не могут работать изолированно, поскольку, категоризация того или иного лица, предмета или явления, входящего в определенный тип или вид эгоцентрически категоризируемого пространства (рамки *What-System*), предполагает обязательную интерпретацию характера отношений индивида и его окружения (лица / группы лиц, предмета, явления) (рамки *Where-System*). Данное положение, основанное на анализе языковых данных, находит свое дальнейшее развитие в настоящем исследовании.

Выстраивая адекватные отношения с окружающим его миром, человек структурирует и конструирует окружающее его пространство, в результате чего в его сознании формируется концептуальная модель пространства, выстраиваемая на основе принципа эгоцентризма. Под **эгоцентрически категоризируемым пространством** в настоящем исследовании понимается совокупность систем отношений между индивидуумом и окружающим миром (миром людей, натурфактов, артефактов, событий, отношений) и определенное концептуальное расстояние, разделяющее человека и окружающий мир (мир

натурфактов, артефактов, людей, отношений, событий и т.д.), который человек в той или иной степени ассоциирует с собой.

Для настоящего исследования продуктивной является идея о членении пространства на *физическое* и *нефизическое*, или *ментальное* (воспринимаемое, психологическое, культурное, социальное и т.д.), разрабатываемая в рамках философии, философии языка, социологии и психологии (воспринимаемое пространство традиционно разграничивается, в свою очередь, на визуальное, осязаемое, воспринимаемое на слух пространства). Так, в исследованиях Дж. Серля по философии языка, выполненных в рамках социального конструктивизма и посвященных, в частности, **конструирующему сознанию**, *мир физический* и *мир социально-культурный* различаются между собой как *мир реальный*, не зависящий от интенциональности – от наблюдателя, и *мир наблюдателя*, зависящий от его интенций (интенциональности) [Searle 1995; Searle 1999: 92-94, 116 и след.].

Развивая данную идею в рамках когнитивной лингвистики, С.Н. Плотникова выделяет «два типа мира по отношению к «живому» говорящему или пишущему – «мир-без-меня» и «мир-со-мной» – и соответствующие им два вида когнитивно-дискурсивной деятельности: наблюдение и конструирование» [Плотникова 2006: 68-69]. В первом случае речь идет о наблюдении, представляющем собой «усвоение знания, уже содержащегося в «мире-без-меня»», а во втором – о конструировании как о создании нового знания в «мире-со-мной» [там же: 80].

В исследованиях П. Бергера и Т. Лукмана об особенностях социального конструирования реальности, осуществляемых в рамках социологической теории социального конструкционизма [Бергер, Лукман 1995], показано, что социальная реальность воспринимается людьми в процессе ее *интерпретации и формирования знаний о ней*. Данные теоретические положения находят свое логическое развитие при исследовании особенностей эгоцентрической категоризации пространства в языке: индивидуум конструирует действительность с

учетом социальных факторов. Более того, самой когнитивной системой, обеспечивающей отбор, сохранение, структурирование знаний о мире, детерминирован процесс социально порождаемого смысла и значения.

В настоящем исследовании мы исходим из того, что человек структурирует и конструирует окружающее его пространство, «отчуждая» или «присваивая» его себе с разной степенью дистанцированности. Следовательно, сам человек, как структурирующая и конструирующая сущность, является центром этого экзистенциального пространства, состоящего как из реально существующих физических и социально-культурных миров, так и из любого потенциально возможного и потенциально воображаемого мира. Точкой отсчета при языковой эгоцентрической категоризации пространства является сам индивидуум, осознающий и конструирующий свою идентичность в определенной модели / сфере пространства, в определенное время, с опорой на общие коллективные знания о мире (когнитивный уровень), распределенные в данном лингвокультурном сообществе, на языковые знания (вербально-семантические знания) с учетом своего личного опыта и экстралингвистических факторов, релевантных для конкретной ситуации (прагматический уровень).

Конструирование иерархичной структуры пространства предполагает наличие оппозиций, на базе которых строится данная система. Одним из основополагающих принципов категоризации пространства человека является принцип бинарности – разграничения мира на *свое* и *чужое* – базовый онтологический принцип членения мира человеком, который находит свое отражение в языке при культурной, межличностной, социальной и других идентификациях / самоидентификациях. Следовательно, предпосылкой исследования принципов, лежащих в основе эгоцентричной категоризации пространства в языке, является изучение особенностей проведения границы между *Эго* и другими людьми и шире – между *Эго* и окружающим его миром, проявляющихся самыми разными способами. Особенности эгоцентрической категоризации

пространства в немецком языке обусловлены рядом исторических, социально-культурных и субъективных факторов, речь о которых пойдет в Главе II.

Таким образом, возникновение и формирование концептуальных структур детерминировано процессами, связанными с адаптацией человека к окружающему его физическому и ментальному миру. Между реально существующим миром и образом мира, обработанным сознанием индивидуума, нет прямого соответствия. Структурирование окружающего пространства основано на эгоцентрической интерпретации различных признаков и характеристик физических и ментальных пространств и входящих в них сущностей различного свойства: человек конструирует действительность с учетом социальных, национально-культурных и личностных факторов, в результате чего им создается ментальный объект – пространство, категоризируемое на основе принципа эгоцентризма и шире – антропоцентризма.

Выводы по Главе I

Процесс познания понимается в рамках когнитивной лингвистики и как процесс взаимодействия человека с окружающей средой, и как интерсубъективный процесс. При этом необходимо различать (1) когнитивные процессы первичного уровня, индивидуальные по своей сути, когда индивидуум соотносит свои поступки, реакции с окружающим его миром, с окружающими его людьми и с теми образами, которые сконструированы в его сознании, и (2) когнитивные процессы вторичного уровня, когда субъект осуществляет категоризацию полученных знаний в процессе коммуникации с опорой на общий фонд знаний. В настоящем исследовании анализируются особенности эгоцентрической категоризации пространства в немецком языке как на основе системных значений языковых единиц различных уровней, так и в результате их «языковой социализации», в процессе которой субъекты речи порождают дополнительные смыслы, расширяя или сужая окружающее их пространство при помощи разноуровневых единиц языка.

Антропоцентричность языка определяется не только его ориентированностью на человека, но и тем, что языковая категоризация объектов, явлений внешнего мира и абстрактных сущностей также ориентирована на человека как пользователя языка с его способностью к интерпретации. Настоящее исследование, осуществляемое в рамках когнитивно-дискурсивного направления, предполагает как учет языкового антропоцентризма, так и опору на тезис об антропоцентрической сущности познавательной деятельности человека. Антропоцентричность, таким образом, рассматривается в работе в качестве когнитивной основы эгоцентрической категоризации пространства в языке.

Теоретическим основанием для изучения заявленной проблематики в работе также рассматривается интегративная *теория языковой личности*. Данная антропоцентрическая константа характеризуется как иерархически структурированная в силу того, что в ней объединены коллективное, национально-обусловленное и индивидуальное начала, отражающиеся в языке. Следовательно, изучение особенностей эгоцентрической категоризации пространства в немецком языке позволяет выявить национально-специфические характеристики немецкой языковой личности, проявляющиеся в данной сфере языка, и идиоэтнические особенности членения пространства на эгоцентрические модели.

Под *эгоцентрически категоризируемым пространством* в настоящем исследовании понимается совокупность систем отношений между индивидуумом и окружающим его миром (миром людей, натурфактов, артефактов, событий, отношений, действий) и определенное концептуальное расстояние, разделяющее индивидуума и окружающий мир, который человек с разной степенью дистанцированности ассоциирует с собой.

При языковой категоризации пространства человек учитывает, прежде всего, **общекультурный фонд знаний** об окружающем мире, универсальный для членов определенного лингвокультурного сообщества. Структурируя

окружающий мир при помощи языка, индивидуум использует также **индивидуальный опыт** межличностного и социального взаимодействия, в соответствии с которым он **каждый раз заново конструирует** окружающее его пространство с учетом собственного субъективного восприятия действительности и ее интерпретации.

Эгоцентрическое структурирование пространства как процесс и результат интерпретационного взаимодействия человека с окружающим миром, основано на языковом опыте человека и усвоении им знаний о мире (складываются на основе коллективных и индивидуальных знаний, в том числе, языковых). Следовательно, данная концептуальная структура, формируемая в концептуальной системе отдельного индивидуума, отличается не только идиоэтническим, но и индивидуальным своеобразием.

Отправной точкой категоризации пространства в языке, основанной на принципе эгоцентризма, является говорящий. Релевантной является и такая координата процесса коммуникации, как адресат, поскольку только в процессе интеракции реализуется вся сложная система взаимоотношений коммуникантов. Языковые единицы различных уровней, маркирующие пространство, при их актуализации в национально-культурном, межличностном и социальном контекстах, несут в себе информацию, релевантную в двух измерениях: с одной стороны, в них отражаются лингвокультурные традиции, стереотипы, структура и степень социальной градации языкового сообщества; с другой стороны, данные языковые единицы отражают универсальные принципы эгоцентрической категоризации пространства в языке.

Концепция настоящего исследования заключается в следующем:

Наличие различных средств в системе языка и на функциональном уровне для обозначения системы отношений человека с окружающим миром позволяет говорить о разных способах концептуализации и категоризации этих отношений в виде определенных моделей пространства. Конструирование пространства, необходимое человеку для выстраивания адекватных отношений с

миром (миром людей, объектов, отношений, событий, действий), осуществляется на основе эгоцентрической интерпретации характеристик, отношений и признаков пространства, входящих в него сущностей различной природы и языковых и неязыковых знаний о них.

Единой когнитивной основой эгоцентрической категоризации пространства в немецком языке является *социокультурно-топологическая матрица* с различными областями определения. Данная ментальная схема позволяет структурировать взаимоотношения индивидуума и других людей, объектов, территорий, событий. С учетом данных факторов в работе предлагается *эгоцентрическая типология пространства*, включающая три основные модели: *Эго-пространство* (неразделяемое пространство), *приватное пространство* (разделяемое пространство) и *социальное пространство* (коллективное разделяемое пространство). Эгоцентрическая категоризация пространства может быть основана как на недифференцированном противопоставлении по принципу *свой – чужой – другой (я-мир – не-я-мир)*, так и на дифференцированном членении на основе системы эгоцентрических координат: *личная – пространственная – временная*.

Конструирование и категоризация данных видов пространства осуществляется на основе определенных когнитивных и языковых механизмов. Действие когнитивных механизмов формирования пространственных смыслов (профилирование, перспективизация, выбор точки референции, представление пространства как контейнера, концептуальная метонимия), обусловленное когнитивными схемами (включение, исключение, приближение, удаление, иерархия), соотносится со следующими языковыми механизмами эгоцентрической категоризации пространства: дейксис, номинация, языковая метонимия, словообразование, семантическая сочетаемость, синтаксическое конструирование, использование таких языковых явлений, как синонимия, антонимия.

ГЛАВА II

ЭГОЦЕНТРИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КАТЕГОРИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

1. Содержательная и структурная характеристики эгоцентрических моделей пространства

Структурируя пространство по принципу эгоцентризма, человек создает систему координат, необходимую ему для выстраивания адекватных отношений с окружающим миром и входящими в него сущностями различной природы. Как отмечалось выше, индивидуум не просто отражает, а каждый раз заново осознанно и/или неосознанно конструирует мир в своем сознании. Построение эгоцентрических моделей пространства, как важной составляющей языковой картины мира, базируется на соотнесении когнитивного и языкового опыта взаимодействия человека с миром, а конструирование этих моделей основано, прежде всего, на интерпретации индивидуумом его знаний о мире в рамках определенной концептуальной системы и коммуникативной ситуации (интерпретация собственного места в пространстве, места объектов, субъектов, их характеристик, характера отношений между человеком-интерпретатором и различными сущностями, входящими в ту или иную модель пространства).

Ю.Д. Апресян ввел в лингвистический оборот понятие *личной сферы* (данное понятие активно используется в семиотике и проксемике – дисциплине, занимающейся исследованием влияния пространства на коммуникативное поведение человека), основывающейся, прежде всего, на интересах конкретного человека. В эту сферу, по мнению автора, «входит говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально: некоторые люди; плоды труда человека, его неотъемлемые атрибуты и постоянно окружающие его предметы; природа, поскольку он образует с ней одно целое; дети и животные, поскольку они требуют его заботы и защиты; боги, поскольку он пользуется их покровительством, а также все, что находится в

момент высказывания в его сознании» [Апресян 1995б: 630]. Развивая идеи Ю.Д. Апресяна, Е.И. Ким проанализировал особенности и средства выражения личной сферы в современном русском языке [Ким 2009]).

В настоящем исследовании мы исходим из того, что компоненты, выделяемые Ю.Д. Апресяном, образуют не единый континуум, а иерархически структурируемое единство, которое мы определяем как *эгоцентрически структурируемое пространство*. Центральной точкой в этом структурируемом человеком пространстве, категоризируемом на основе интерпретации различных типов отношений и характеристик, выступает сам человек, а различные события, объекты и отношения концептуализируются им с точки зрения их отнесения к определенной модели его пространства.

Одной из методологических установок когнитивной лингвистики, активно используемой в рамках данного исследования, является, как подчеркивалось выше, междисциплинарный подход к исследованию языковых явлений. Как следствие, при выявлении основных принципов антропоцентрической типологии пространства и при анализе способов его языковой категоризации наряду с результатами собственно лингвистических исследований об особенностях языковой репрезентации членения пространства, активно используются:

- данные о феномене пространства и особенностях его восприятия человеком, полученные в различных областях научного знания;
- наработки в области проксемики [Hall 1969];
- положения теории «пластовой модели отношений» С. Загера [Sager 1985];
- положения теории немецкого социолога К. Оле об особенностях членения человеком окружающего его пространства [Ohle 1978].

Принципы категоризации пространства человека в языке обусловлены не только языковыми особенностями, но и рядом таких экстралингвистических

факторов, как (*социальная*) *идентичность, стереотипы, нормы, статус, социальная роль, ситуация общения*, которые соотносятся с психологическими и социальными характеристиками антропоцентрической константы *языковая личность* (подробнее об экстралингвистических факторах, определяющих особенности категоризации пространства в немецком языке см. Раздел 5.4. Главы I настоящей работы).

Теоретические наработки в области теории познания, теорий языковой концептуализации и категоризации позволяют выделить принципиально значимые для настоящего исследования положения.

Первое положение связано с осознанием того, что с одной стороны, биологические факторы, к основным из которых относятся физиологические, психологические и перцептивные особенности человека, влияют на специфику процессов человеческого восприятия, познания, структурирования и конструирования пространства в языке. С другой стороны, исследования психологов, психофизиологов, социологов, антропологов и представителей других областей научного знания свидетельствуют о том, что социальная среда накладывает свои ограничения на способы и особенности восприятия и структурирования человеком окружающего мира. Экстраполируя этот факт на объект настоящего исследования, отметим основополагающее влияние социальных и личностных факторов и характеристик на особенности эгоцентрической категоризации пространства, что находит свое отражение в немецком языке.

Второе положение о национально-специфических особенностях эгоцентрической категоризации пространства в языке (при безусловном наличии универсальных общечеловеческих черт) основывается на том факте, что внешний и внутренний мир человека предстают только через призму культуры, неотъемлемой частью которой является язык. Именно национально-культурное своеобразие конкретного языкового сообщества определяет особенности формирования концептуальной системы того или иного языка [Апресян 1995;

Вежбицкая 1997, 1999; Гумбольдт 1984; Колшанский 1990; Кубрякова 2006; Почепцов 1990; Jackendoff 2007].

Выступая как средство усвоения, хранения и передачи культурно-значимой информации, о чем писал еще В. фон Гумбольдт в своих тезисах об отражении в языке различных моделей «видения мира» и о языке как особом «мировидении», язык является основополагающим фактором формирования картины мира того или иного языкового сообщества. Исследование принципов эгоцентрической категоризации пространства человека в немецком языке позволяет выявить национально-культурные особенности интерпретации объектов внешнего и внутреннего мира, физических и психических явлений, состояний, отношений, составляющих данную когнитивно значимую сферу.

В-третьих, конструируя пространство вокруг себя, человек может относить одни и те же явления, события, натурфакты, артефакты, одних и тех же индивидуумов к различным моделям своего пространства в зависимости от собственных интенций, условий коммуникации.

При исследовании особенностей эгоцентрической категоризации пространства в языке как способа структурирования мира, мы солидаризируемся с Г.Х. Вригтом, отстаивающим версию о «**психо-физической идентичности**» человека: «Мы узнаем о происходящем в нашем мозге на основе смысла поведенческих реалий» [Вригт 2000б: 18; Wright 1994: 110]. Для лингвистической работы первостепенную роль играет тот факт, что смысл поведенческих реалий и реакций репрезентируется, в том числе, благодаря их языковому воплощению. Следовательно, если социальная идентичность является одним из экстралингвистических факторов, определяющих особенности эгоцентрической категоризации пространства в языке, то психо-физическая идентичность представляет собой определенное ментальное состояние индивидуума, «локализуемое» в его сознании и воплощающееся в языке. Осознание человеком

своей **психо-физической идентичности** является, на наш взгляд, одним из когнитивных оснований эгоцентрической категоризации пространства в немецком языке.

Как отмечалось выше, характерной особенностью человеческого сознания является способность и потребность осознанно и / или интуитивно группировать сходные между собой сущности в некие классы – категории, присваивая им конкретные названия. Выявление особенностей концептуальной организации пространства в немецком языке основывается в настоящем исследовании на анализе (1) семантики его языковых обозначений (системный аспект) и (2) особенностей употребления тех или иных языковых единиц в зависимости от интенции говорящего и ряда экстралингвистических факторов (функциональный аспект).

Анализ теоретического материала и систематизация языковых данных позволяют выделить следующие эгоцентрические модели пространства, категоризируемые в немецком языке как совокупности систем отношений между индивидуумом и окружающим его миром:

- *Эго-пространство*;
- *приватное пространство*;
- *социальное пространство*.

Эго-пространство отграничивает сферу личности человека. В *приватный тип пространства* включены близкие родственники и друзья, а также события и артефакты, связанные с такими приватными сферами жизнедеятельности индивидуума, как *семья, дом, дружба*. *Социальный тип пространства* включает в себя всех тех, с кем человек связан (или потенциально может быть связан) официально-деловыми отношениями, а также события и артефакты, относящиеся к сферам его профессиональных, образовательных, религиозных, политических, национальных интересов.

Каждая модель характеризуется внутренней структурированностью. В результате субкатегоризации, внутри *Эго-пространства* выделяются такие

сферы, как (1) *физическое тело индивидуума*, (2) *психологический мир индивидуума*, (3) *личные вещи человека*, (4) *физические действия, чувства, ощущения индивидуума*. Внутри *приватного пространства* выделяются сферы (1) *пространство внутри и вокруг дома, участок земли как частная территория, пространство внутри машины*, (2) *родственные отношения*, (3) *дружеские отношения*. Социальное пространство делится на сферы (1) *профессиональная деятельность / учеба*, (2) *общественная / политическая / религиозная жизнь*, (3) *национальные интересы*, (4) *общеевропейские интересы*, (5) *общечеловеческие интересы*.

Четких границ между отдельными сферами пространства не существует, что способствует образованию переходных зон. Данный факт апеллирует, в определенной степени, к теории Л. Витгенштейна о строении языковых категорий по принципу *семейного сходства*, о размытости, нечеткости границ между категориями. Определенным исключением в немецком языке являются *Эго-пространство* и *приватное пространство*, представляющие собой закрытые типы пространства человека с довольно четкими границами.

Эгоцентрические модели пространства создаются в сознании индивидуума в виде пространственных отношений и конструируются на основе противопоставления таких характеристик пространства, как *неразделяемое, разделяемое* и *коллективное*:

- ***неразделяемое пространство индивидуума (Эго-пространство)***;
- ***разделяемое пространство индивидуума (приватное пространство)***;
- ***коллективное разделяемое пространство индивидуума (социальное пространство)***.

Внутри каждой модели на основе языковых данных мы *условно* выделяем такие *виды* эгоцентрически конструируемого пространства, как:

- ***физические пространства*** как совокупности объектов, реально существующих, материальных, ощутимых и нашедших свое отражение в виде неких конструкторов в человеческом сознании;

- *нефизические, или ментальные пространства* (социальные, психологические и т.д.) как пространства и сущности, реально не существующие, создаваемые и существующие только в представлении индивидуума.

С лингвистической точки зрения данные типы пространства как пространства реляционного – *физическое* и *нефизическое* – не являются взаимоисключающими, так как они предполагают субъективное конструирование в сознании индивидуума неких схем в результате его когнитивной деятельности. В определенной степени это обусловлено тем фактом, что человек является одновременно и биологическим индивидом, и существом социальным.

Будучи биологическим индивидом, человек перемещается в пространстве, занимает в нем определенное место. В данном случае речь идет о конкретной локализации человека, о реально существующем физическом мире (*meine Tasche, unser Haus, sein Garten, meine Stadt, dieses Land, unsere Erde etc.*). Особенностью физического пространства является то, что оно имеет определенные физически существующие границы и может быть охарактеризовано как некая поверхность, как пространство трехмерное, имеющее объем, площадь, форму и т.д. (*hier in der Stadt; da vorne; in seiner Nähe; weit entfernt von hier aus / von unserem Haus; oben auf unserem Dach etc.*).

Как социальное существо, человек живет в обществе и конструирует нефизическое пространство, интерпретируя его характеристики и межличностные, социальные отношения (*in meiner Familie; sein entfernter Verwandte; in meinem Freundeskreis; seine politische Umgebung; in ihrer imaginären Welt; mein nächster Umfeld, deine innere Welt etc.*).

Собственно пространственные отношения в немецком языке категоризируются на основе следующих онтологически взаимосвязанных пространственных концептов: INNEN – AUßEN, NAH – WEIT, SENKRECHT – WAAGRECHT, OBEN – UNTEN, HIER – DORT; RECHTS – LINKS, VORNE – HINTEN, отражающих антропоцентричность восприятия человеком окружающего

мира. Если речь идет, например, о социальном пространстве как о разновидности ментального пространства индивидуума, то оно конструируется, прежде всего, с учетом осознания человеком собственной идентичности, межличностных отношений, различий / иерархичности позиций, статусов, отсутствия или наличия различных дистанций. Примечательно, что в данном случае как дейктические, так и номинативные языковые единицы с пространственной семантикой выступают во вторичной оценочной функции, и номинируют не собственно пространственные отношения, а отношения межличностные и социальные (близость, дистанция, асимметричность, симметричность отношений и т.д.). Это происходит на базе переструктуризации знаний, или их вторичной категоризации, когда на базе собственно пространственных концептов в результате переосмысления формируются производные концепты, репрезентирующие, например, межличностный и социальный дейксис:

- имена существительные с пространственной семантикой (*Nähe, Distanz, Abstand, Entfernung etc.*):

Er sucht ihre Nähe = Er sucht vertrauliche Beziehungen mit ihr;

Distanz wahren = Vertraulichkeit vermeiden;

der soziale Abstand = die gesellschaftlichen Rangunterschiede;

die gesellschaftliche Entfernung zwischen oben und unten = die gesellschaftlichen Rangunterschiede;

- имена прилагательные с пространственной семантикой, в том числе, в сравнительной и превосходной степени (*breit, eng, groß, klein, weit, hoch, ober, niedrig, nahe etc.*):

Sie steht mit ihm in engem Kontakt = Sie ist mit ihm vertraut, innig;

eine Persönlichkeit von hohem Rang, von hohem Ansehen = eine bedeutende, wichtige Persönlichkeit;

an höchster Stelle = bei der verantwortungsvollen Behörde;

bei der obersten = Behörde bei der verantwortungsvollen Behörde;

Er war ein Mensch von niedriger Herkunft = Er war ein Mensch von geringem gesellschaftlichem, entwicklungsmäßigem Rang;

Er ist mein naher Verwandter = Er ist mein Verwandter ersten Grades;

- отглагольные прилагательные, образованные от причастий первых и вторых (*hochstehend, hochgestellt, distanziert etc.*):

eine hochstehende Person = eine hohe gesellschaftliche oder berufliche Stellung besitzende Person, eine bedeutende, wichtige Person;

Er ist eine hochgestellte Persönlichkeit = eine bedeutende, wichtige Persönlichkeit;

Lisa hat ein distanzierendes Verhältnis zu ihm = Lisa ist mit ihm nicht vertraut;

- наречия пространственной семантики (*nah, oben, unten, weit, eng, entfernt etc.*):

Er ist SPD-nah = Er ist mit Grundideen der SPD einverstanden;

Die da oben haben doch keine Ahnung = Leute, die an einer höheren Stelle in einer Hierarchie stehen, haben doch keine Ahnung;

Die Anordnung kommt von oben = Die Anordnung kommt von übergeordneter Stelle;

Wir sind nah verwandt = Wir sind Verwandte ersten Grades;

- акциональные глаголы, в семантике которых заложено значение «перемещение в пространстве» (*sich entfernen, sich nähern, hinausgehen, überschreiten, etc.*):

Er näherte sich dieser Frau = er trat zu dieser Frau in Beziehung;

Du hast dich von uns entfernt = Du bist fremd geworden;

Du bist über das Erlaubte hinausgegangen = Du hast das gemacht, was man eigentlich nicht macht, was nicht erlaubt ist;

- предлоги, репрезентирующие пространственные отношения (*unter, zwischen, über etc.*):

Das bleibt unter / zwischen uns = Niemand anderer darf es wissen;

Herr Schulze steht aber über ihn! = Herr Schulze steht in einer höheren beruflichen Stellung.

Таким образом, при метафорическом переносе, переосмыслении пространственных отношений, обозначаемых данными языковыми единицами, они, репрезентируя базовые пространственные концепты, сохраняют за собой способность описывать пространственные отношения и измерения, закрепленные за ними в системе языка. Речь, очевидно, идет о тех базовых концептах, которые, «постоянно развиваясь и дробясь, оказываются в состоянии лечь в основу массы новых лексических значений и в то же время сформировать их особые группировки» [Кубрякова 1997: 267].

Когнитивным основанием эгоцентрического конструирования окружающего пространства (физического и ментального) является выделение границ, что находит свое отражение при языковой категоризации пространства:

*Die Grenze unseres Grundstücks verläuft unterhalb des Waldstücks (граница земельного участка как граница, членищая *физическое пространство*);*

Erst am Nachmittag zäunten wir unseren Lager ab (отгородить территорию лагеря – соорудить физически существующее ограждение физического пространства);

*Er kennt seine Grenzen = Er weiß, wie weit er gehen kann / was er sich leisten kann (граница собственных возможностей / граница дозволенного как *граница ментальная*));*

Er sonderte sich meist von seinen Mitschülern ab = Er hielt sich von seinen Mitschülern fern (ментальная граница – граница между людьми).

Как отмечает французский социолог П. Бурдьё, «социальные агенты, а также предметы, присвоенные агентами и, следовательно, конституированные как собственность, помещены в некое место социального пространства, которое может быть охарактеризовано через его относительное положение по сравнению с другими местами ... и через дистанцию, отделяющую это место от

других» [Бурдьё 2007: 50]. В общем виде суть его постмарксистской социологической теории, в которой представлено видение проблематики соотношения пространства и индивидов, сводится к тому, что *территориальные идентичности* могут восприниматься в виде *ментальных схем людей и сообществ*, которые *присваивают* те или иные *символические и культурные пространства* (курсив наш – И.Б.).

Автор подчеркивает, что в иерархически организованном обществе *любое пространство* выражает иерархию и социальные дистанции «в более или менее деформированном, а главное, в замаскированном виде» [там-же] и отстаивает тезис о том, что «социальное пространство ... вписано одновременно в *объективные пространственные структуры* и в *субъективные структуры*, которые являются отчасти *продуктом инкорпорации объективированных структур*» [Бурдьё 2007: 52] (курсив наш – И.Б.).

В первом случае данные ментальные конструкторы закреплены за реально существующими внешними структурами, и мы имеем дело с **физическим пространством**, как доступном для индивида, так и находящемся вне поля его зрения, а во втором случае речь идет о реконструкции пространства, не существующего физически, то есть о **пространстве идеальном, абстрактном, нефизическом**. Оба типа пространства структурируются человеком субъективно как пространства трехмерные, протяженные и обладающие набором причинно-следственных связей. Более того, нефизические пространства категоризируются по аналогии с пространствами физическими (ср.: «Если ментальные состояния и происшествия в той или иной степени «идентичны» состояниям и событиям физического мира, то первые, кажется, также локализуемы в пространстве» и «обитают» в мозге [Вригт 2000б: 18]). Как отмечалось выше, категоризация ментальных пространств человека осуществляется в языке на основе пространственных схем. Кроме того, при описании ментальных пространств используется большое количество метафор, заимствованных из области физического пространства.

Принципы, по которым человек, структурируя окружающий мир, конструирует и отграничивает эгоцентрические модели пространства, выделяет внутри них различные сферы (говоря о проведении границ, мы безусловно имеем в виду языковые средства различных уровней, выступающие маркерами подобных разграничений), основаны на интерпретации характеристик *отделимости* и *неотделимости*, или *отчуждаемости* и *неотчуждаемости* субъектов, объектов, явлений, событий физического и нефизического мира от индивидуума, выступающего в качестве «категоризатора» пространства.

Языковые факты свидетельствуют о том, что конструируемые на основе эгоцентрической интерпретации указанных выше характеристик пространства, отличаются друг от друга как:

(1) **пространства** и наполняемые их сущности, события, явления, действия «**приписываемые**» себе индивидуумом / «**приписываемые**» индивидууму, равно как и реально ему принадлежащие (*meine Gedanken, dein Herz, mein Auto, sein Buch, Martin's Worte, mein Sohn, deine Kollegen etc.*);

(2) **пространства**, по отношению к которым индивидуум осознает себя как их часть / индивидуум осознается как их часть (*seine Familie, wir als Team, unsere Gemeinde, wir in Deutschland, unsere Gesellschaft, seine Uni, unsere Diskussion etc.*).

Следовательно, вектор направления соотнесения человека с определенным пространством, осознанно выбираемый индивидуумом при его категоризации, может быть различным:

1) индивидууму «**присваивается**» определенное **пространство**, равно как и входящие в него сущности (*пространство принадлежит человеку*):

Im selben Jahr wurde sie für ihren zweiten Roman „Mein sanfter Zwilling“ mit dem Preis der Hotlist der unabhängigen Verlage ausgezeichnet (из выступления на презентации книги Нино Шаратишвили „Das echte Leben (für Brillka)“);

Es ist gegen 2.40 Uhr, als mich mein Mobiltelefon aus dem Schlaf reißt (FA (SZ) – 03.05.2015: 50);

Das werde ich in meiner Schule nicht dulden (автор высказывания – директор школы));

2) индивидуум интерпретируется как часть пространства (человек принадлежит пространству):

..., so bringe ihn einem Lehrer, nicht der Lehre wegen, aber dass er zu anderen Knaben komme, und zu Mädchen, und in die Welt, welch die seine ist (H. Hesse: НКРЯ / ПК (немецкий));

Ich kann die Patientin beruhigen und mache mit ihr einen Termin bei uns in der Praxis aus, zur Kontrolle (FA (SZ) – 03.05.2015: 50);

In meiner / unserer Schule gibt 's so was nicht (автор высказывания – ученица школы)).

Пространство и индивидуум могут быть структурированы в языке как **независимые друг от друга сущности** (нулевая принадлежность) (*Es kann in jeder Schule passieren*). Подобные случаи, в соответствии с целью настоящего исследования, в работе не анализировались.

В первом и втором случаях интерпретация направления вектора соотношения человека с определенной моделью, сферой, видом пространства (*пространство принадлежит человеку* или *человек принадлежит пространству*) самым непосредственным образом зависит от области определения и от особенностей воспринимающей концептуальной системы конкретного индивидуума (его социального, позиционного, возрастного статуса) (ср.: *meine Lehrerin, sein Arzt, meine Klasse* (направление вектора принадлежности, зависит от социального статуса говорящего – ученик или учитель), *deine Zuschauer, unser Land*, но: **meine Flugbegleiterin, *dein Schauspieler*).

Следовательно, только опора на общий контекст позволяет говорящему сконструировать, а адресату адекватно декодировать особенности эгоцентри-

чески структурируемого пространства и место в нем индивидуума: *индивидуум* концептуализируется как *часть пространства* или *пространство* концептуализируется как *принадлежащее человеку*. Данная **многовекторность** основана на **интерпретации различных типов отношений**, среди которых в рамках настоящего исследования выделяются следующие:

- отношения *принадлежности и непринадлежности, принадлежности и включенности, отчуждаемости и неотчуждаемости, индивидуальности и коллективности, иерархичности и равноправия (симметричности), доминирования и независимости, соответствия и несоответствия* (в данном случае речь идет об отношениях, конструируемых по принципу бинарности);

- отношения *сопоставления, сравнения, территориальные отношения, отношения родства, дружбы*.

1.1. Модель Эго-пространства

Модель *Эго-пространства* представляет собой первый, наиболее приближенный к индивидууму тип эгоцентрического пространства, конструируемого в языке. Вычленение данной модели основывается на осознаваемом со времен античности противопоставлении *Я-пространства*, или *микрокосмоса* (*микрокосма*) (греч. *mikros* – *малый*, *kosmos* – *Вселенная*) и внешнего окружающего человека мира, или *макркосмоса* (понятие *микрокосмоса* было введено в философский контекст античными философами для номинации составных частей мира). Так, Демокрит и Боэций понимали под микрокосмосом *человека* «как отражение, зеркало, символ, центр силы и разума мира, творения (космоса), называемого макрокосмосом (большим миром)» [ФЭС 2009: 267].

Как отмечалось выше, отправной точкой эгоцентрической категоризации пространства в языке является осознание человеком своей индивидуальности, своего *Я*, или своего *Эго*. Впервые в научный обиход понятие *ego* было введено К. Коффкой при разработке основных принципов гештальтпсихологии и

нашло успешное применение в рамках психоанализа. Согласно теории психоанализа, *Я* (*Эго*) представляет собой ту часть личности человека, которая осознается им в качестве *Я* и находится в контакте с окружающим миром посредством восприятия. Именно *Эго* воспринимает, познает, структурирует, переживает, интерпретирует, переживает, оценивает, окружающий его физический и не физический миры и его составные части (см., например, теорию о трех психологических субстанциях – *Я* (*Эго*), *Оно* (средоточие примитивных инстинктов) и *сверх-Я* (*супер-Эго*) – З. Фрейда, описывающую динамику психики человека [Фрейд 2011]). В настоящем исследовании понятия *Я* и *Эго* рассматриваются как синонимичные (в переводе с латинского «*Эго*» – «*Я, самость*»).

Отдельные философы видят в *Я* прежде всего, средоточие творческого единства, приписывая ему глобальный и всеобъемлющий характер. Наиболее полное развитие данная идея получила в работах И.Г. Фихте, согласно теории которого, субъект является единственной основой мира, а абсолютное *Я* «обнимает» собой всю реальность и достигает бесконечности [Fichte 1997]. Для других исследователей *Я* – это, прежде всего, личностная доминанта, множество личных, или личностных («*personanten*») сил, из которых то одна, то другая выступает на передний план (см., например: [Ницше 1989]).

Х. Ортега-и-Гассет, рассматривая *Я* человека, его тело и сознание как разные составляющие человека, понимает под человеческим *Я*, формируемым в долгом продвижении от внешнего к внутреннему, внутреннюю, отвлеченную от тела личность [Ортега-и-Гассет 2003: 474]; «*Я* – определенное и сугубо индивидуальное, мое давление на мир, мир – столь же определенное и индивидуальное сопротивление мне» [там же: 426]. Человеческое *Я*, по мнению автора, не заключается ни в его теле, ни в его сознании, а обретает их только во взаимодействии с окружающим миром и представляет собой определенную внутреннюю энергию человека. Очевидно, что данная трактовка феномена *Я* человека коррелирует с постулатами теории З. Фрейда о самоидентификации личности и формировании *ego*, согласно которой *Я* (*Эго*) не совпадает ни с

психикой, ни с телом человека (хотя телесные ощущения формируют ядро раннего опыта индивида). Данная субстанция способна меняться и развиваться в течение жизни человека, дифференцируясь в сверх-Я («социальную совесть»), отвечающее за контроль инстинктивных импульсов через принятие родительских и социальных стандартов [Фрейд 2011]. З. Фрейд, таким образом, изучал особенности развития личностного *ego* в его тесной взаимосвязи и взаимозависимости с окружающим миром.

В современной психологии под *Эго* понимается определенная часть личности человека, которая осознается как *Я* и контактирует с окружающим миром. Следовательно, *Эго* выступает в качестве центрального ядра, вокруг которого «вращаются» все психические действия индивида [БТПС 2001: 491]. С точки зрения психологии *Эго*, или *Я* рассматриваются, таким образом в качестве *источника поведения и связующего центра личности в ее человеческом окружении*.

Представляется, что процесс *осознания и интерпретация* собственного *Эго* возможен благодаря развитию индивидуума, его перманентному познанию собственных телесно-духовно-душевных изменений и осуществляется благодаря такому качеству человеческого сознания, как способность познавать внешний мир и собственное *Эго* в единстве. Данное положение коррелирует с идеей А.Ф. Лосева о необходимости рассмотрения антитезы *внутреннего* и *внешнего* для вычленения понятия *личности*: «поскольку личность есть самосознание, она есть всегда противопоставление себя всему внешнему, что не есть она сама» [Лосев 1999б 271]. Кроме того, *Я*, или *Эго* представляет собой личность с присущими ей характеристиками и социально одобренными формами поведения. В рамках настоящего исследования в качестве когнитивного основания вычленения *Эго-пространства* в структуре эгоцентрического пространства рассматривается способность индивидуума к *самосознанию, авторефлексии*, к осознанию собственного *психо-физического единства*. Сле-

довательно, в данную модель пространства оказываются включенными индивидуум и та небольшая часть мира, которая принадлежит **лично ему**. Речь идет, соответственно, об индивидуальном неразделяемом пространстве человека.

Исследование особенностей эгоцентрической категоризации *Эго-пространства* основано на анализе собственно языковых данных. Признавая важность психологических, философских, социологических и других направлений исследования особенностей конструирования индивидуумом пространства, включающего только его и принадлежащего исключительно ему, отметим, вслед за Э. Бенвенистом, что именно благодаря языку «человек конструируется как *субъект*, ибо только язык придает реальность, *свою* реальность, которая есть свойство *быть*, – понятию «Его» – «мое имя» [Бенвенист 1974: 293].

В работе предлагается структуризация *Эго-пространства*, опирающаяся на анализ языковых данных и на трактовки *Я (Эго)*, предложенные З. Фрейдом и Э. Гуссерлем, согласно теориям которых, человеку присуща «скрепленность сознания и плотского тела в одно естественное, эмпирически зримое единство» [Гуссерль 1999: 120], а человеческое *Я* рассматривается как невидимая часть этого единства, действующая внутри физически наблюдаемого человеческого тела [Гуссерль 1999; Фрейд 2007; 2011].

Когнитивными механизмами, представляющими собой определенный способ обработки информации, пополнения и модификации структур знания, значимого при когнитивном освоении *Эго-пространства*, являются *выбор точки отсчета, профилирование* (профилирование внешних и внутренних границ), *перспективизация, фокусирование, концептуальная метафора* (рассмотрение *Эго-пространства как контейнера*), концептуальная метонимия, что предполагает оперирование знаниями на основе следующих когнитивных схем: *исключение – включение, внутри – снаружи* (подробнее действие данных

КОГНИТИВНЫХ МЕХАНИЗМОВ И КОГНИТИВНЫХ СХЕМ БУДЕТ ПОКАЗАНО ПРИ АНАЛИЗЕ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА).

В основе категоризации *Эго-пространства* лежит противопоставление концептов INDIVIDUELL и GEMEINSAM, ключевыми характеристиками которых являются соответственно «*индивидуальный, принадлежащий отдельному живому существу, лично человеку, отдельной личности*» и «*совместный, включающий другие лица*» (ср.:

- individuell – *dem einzelnen zugehörig, die persönliche Eigenart betonend* (MGTL 1995 (Bd. 10): 169);

- Individuum – (lat. „das Unteilbare“) – *ursprünglich Atom, später zunächst auf den einzelnen Menschen im Ggs. zur Gesellschaft eingeschränkte Bez., dann wieder auf einzelnes Lebewesen erweitert* (MGTL 1995 (Bd. 10): 169),

- *der Mensch als Einzelwesen (in seiner jeweiligen Besonderheit)* (Duden 1996: 759),

- *ein Wesen für sich allein, Einzelwesen* (Wahrig 2008: 541);

- Individualität – *Eigenartigkeit, Einzigartigkeit; die einzelne Persönlichkeit* (MGTL 1995 (Bd. 10): 169);

- gemeinsam – *mehreren Personen oder Dingen in gleicher Weise gehörend, eigen; in Gemeinschaft, zusammen, miteinander* (Duden 1996: 585) (см. также: Gemeinsamkeit – *Zustand gegenseitigen Verbundenheit* (Duden 1996: 585)); *gemeinschaftlich, mehreren gehörend, mehreren zu eigen; zusammen, miteinander* (Wahrig 2008: 416);

- Gemeinschaft – *das Zusammensein, Zusammenleben in gegenseitiger Verbundenheit; Gruppe von Personen, die durch gemeinsame Anschauungen oder Ähnliches untereinander verbunden sind* (Duden 1996: 759); *durch etwas Gemeinsames (Denken, Ziele, Beruf usw.) verbundene Menschengruppe; Verbindung, Zusammensein* (Wahrig 2008: 416));

- Gemeinsinn – das Zusammengehörigkeitsgefühl innerhalb einer Gruppe (z.B. Gemeinde, Staat) mit der Bereitschaft, über den persönlichen Bereich hinaus Verantwortung im sozialen Leben zu übernehmen (MGTL 1995 (Bd. 8): 72).

Такие релевантные характеристики концепта INDIVIDUELL, как «*индивидуальный, принадлежащий лично человеку*» лежат, таким образом, в основе эгоцентрической категоризации *Эго-пространства*: на основании осознания индивидуумом *наличия четкой границы* между *Эго-пространством* как пространством *индивидуальным, неразделяемым*, от всех других моделей эгоцентрических пространств как пространств *разделяемых*, данное пространство категоризируется как *закрытое*. Модель *Эго-пространства* конструируется на основе эгоцентрической интерпретации следующих характеристик, присущих его физическим и ментальным сферам, сущностям, состояниям, действиям различного характера:

- *разделяемый – неразделяемый, или индивидуальный;*
- характеристика *принадлежности – непринадлежности;*
- *отделяемый – неотделяемый;*
- *внутренний – внешний* и, как следствие – *наблюдаемый – ненаблюдаемый*.

Когнитивные механизмы формирования смыслов, лежащие в основе категоризации *Эго-пространства*, обуславливают использование таких языковых механизмов, как номинация, выбор синонимов, антонимов, дейксис, словообразование, словосложение, метонимия. В качестве конкретных языковых средств репрезентации *Эго-пространства* в немецком языке выступают имена существительные, прилагательные, глаголы, наречия, личные, притяжательные, указательные местоимения, предложные и именные сочетания.

Проведенное исследование позволяет вычленить в модели *Эго-пространства* 4 сферы:

(1) **Физическое тело индивидуума, выступающее в качестве осмысленного, наблюдаемого или ощущаемого / осознаваемого ЭГО** как пространство *физическое* («Я, по мере сознания, обретаю, как существующий напротив меня, сущий здесь мир вещей, **приписываю себе в этом мире тело** и могу вписывать сам себя в этот мир» [Гуссерль 1999: 86]:

Hoffentlich verschreibt er mir was gegen mein schlimmes Bein. Und die Kopfschmerzen (Thome 2010: 13);

Die Wörter waren in mir, ich war die Wörter, die Wörter waren in meinem Kopf, ich war mein Kopf, sollten die da draußen mit meinem Körper machen, was sie wollten, ich war in Sicherheit, im Kopf, im Wort (Hahn 2014: 20-21);

Kerstin fühlt ihre Rückenmuskeln steif werden (Thome 2010: 11);

Meine Wangen, meine Nase, die Stirn: ein einziger eisiger Schmerz (Hahn 2014: 468).

(2) **Психологический мир индивидуума как субъективное, внутреннее, осознаваемое ЭГО** как пространство *ментальное* (чувства, эмоции, состояния, интеллектуальные действия. Категоризация данной сферы *Эго-пространства* осуществляется по аналогии с категоризацией физического пространства, так как психологический мир человека структурируется с опорой на знания об устройстве мира физического: «образ будит эмоциональное переживание мира» [Телия 1986: 14]:

Vielleicht war doch ein Funken Wut in ihm, aber viel zu klein, um ihn in Flammen zu setzen und zu Taten zu treiben (Thome 2010: 39);

Weil das Mädchen mit seinen Gedanken anderswo war, ... (Schlink 2000: 7);

In seinen Träumen hatte er sie im gestärkten Kittel hinterm Apothekentisch gesehen (Hahn 2014: 473);

Am meisten habe ich gelitten, wenn ich Hausaufgaben machen oder einfach nur lesen wollte, und meine Mutter sagte: „Von den Büchern wird die Wohnung nicht sauber“ (Dorn 2007: 81);

Ich bin mir nicht sicher, ob diese Entwicklung zum Ende hin aufgehalten werden kann (Vaterland, Muttersprache; G. Grass: 352);

Ich dachte, ..., dass er sich auf unheimliche Weise auch in diese Situation wieder hineinsteigerte, ... (Hacke 2004: 81);

Diesmal habe ich mir meine Worte genau überlegt.

(3) **Личные вещи человека (одежда, обувь и т.д., принадлежащие лично ему, или вещи, производимые лично им) как пространство *физическое*:**

Kamphaus machte immer noch mit seiner Brille rum (Thome 2010: 40);

„Ich glaub ja immer noch, dass es auch anders gegangen wäre“, sagte er, die Augen auf den Bildschirm gerichtet, mit der zweiten Gehirnhälfte immer noch bei seinem Text (Thome 2010: 38);

Der Großvater holte sein Brillenetui aus der inneren Rocktasche, setzte die Brille auf, ... (Hahn 2014: 13);

... sie ... macht eine Bemerkung zu seinem Hemd (Kumpfmüller 2013: 108);

In deinem Buch beschreibst du, deine Eltern hätten euch Kinder vor allem deshalb nach Berlin geholt, weil du „durchgedreht bist“ (Dorn 2007: 79).

(4) **Физические действия, совершаемые лично индивидуумом и доступные наблюдению ((auf)stehen, stellen, spielen, (auf)springen, schreiben, gehen, laufen, lachen, rauchen, essen, trinken, sitzen, sich setzen, erzählen, singen, tanzen usw.):**

Weidmann rauchte die Zigarette zu Ende und setzte sich ins Auto (Thome 2010: 79);

Ich bin also hinter meinem Schreibtisch aufgesprungen, ... ich habe mir eine leere Flasche geschnappt und den beiden ein entschiedenes „Raus!“ entgegen gebrüllt (Dorn 2007: 121);

Anni geht zur Ladentür und stellt sich in den offenen Eingang, blickt die Bachstraße hinauf und über die Rheinstraße hinweg (Thome 2010: 81);

Ich kam in die zwei kleinen Zimmer, in denen meine Eltern nun wohnten, ...
(Vaterland, Muttersprache; R.W. Schnell: 29).

Выделенные сферы *Эго-пространства* членятся по горизонтали на основе противопоставления когнитивных схем *внутри – снаружи* (*innen – draußen*). Подобное членение, обусловленное онтологически, соотносится с концептуальной метафорой *контейнер*, в качестве которого выступает тело человека, его отдельные части, душа.

Так, на основании противопоставления когнитивных схем *внутри – снаружи* индивидуум проводит границу между своим внутренним миром и миром внешним (по аналогии противопоставления внутренних и внешних пространств):

Der Distanz seiner inneren Welt zu seiner äußeren entsprach eine Distanz, die der Junge zwischen seiner Familie und anderen Menschen wahrnahm (Schlink 2000: 10).

Данный пример показывает, с одной стороны, что одним из когнитивных оснований эгоцентрической категоризации ментального *Эго-пространства* в немецком языке выступает категоризация физического пространства (первичное значение лексемы *Distanz – räumlicher Abstand, Zwischenraum, Entfernung*). С другой стороны, индивидуум, оценивая (*wahrnahm*) эту дистанцию, соотносит расстояние между своим *внутренним миром* и *миром внешним* с дистанцией социальной («*durch gesellschaftliche Rangunterschiede hervorgerufener Abstand; Reserviertheit, Zurückhaltung im Umgang mit anderen Menschen*» (Duden 1996: 351)) – дистанцией между своей семьей (*приватное пространство*) и другими людьми (*социальное пространство*). Отношение *принадлежности* передается при помощи притяжательного местоимения *sein*.

Рассмотрим особенности градации четырех указанных выше сфер *Эго-пространства* в немецком языке, в основании которой лежит интерпретация

характеристик *разделяемый – неразделяемый (индивидуальный), принадлежности – непринадлежности, отделяемый – неотделяемый, внутренний – внешний* и, как следствие, *наблюдаемый – ненаблюдаемый*.

1. Сфера *физическое тело индивидуума* концептуализируется как *доступный внешнему наблюдению образ человека (Körper (Leib) – äußere Erscheinung eines Menschen (Duden 1996: 885))* и как *внутреннее единство – объективно существующая субстанция – das, was die Gestalt eines Menschen ... ausmacht* (там-же)). Как следствие, данная сфера *Эго-пространства* может соотноситься как с областью *внутри*, так и с областью *снаружи*, что находит свое отражение при эгоцентрической категоризации. В качестве языковых маркеров, репрезентирующих отношения *принадлежности*, выступают притяжательные местоимения.

Область *снаружи* данной сферы *Эго-пространства* маркируют предлоги, номинативные единицы, например, акциональные глаголы, номинирующие действия индивидуума, доступные наблюдению, конкретные имена существительные, в семантике которых заложены такие компоненты, как

(1) *тело / часть тела (Arm, Hand, Faust, Ellenbogen, Finger, Daumen, Nagel, Handfläche (Handteller), Kopf, Schläfe, Wimper, (Augen)braune, Lippen, Mund(winkel), Haar, Wange, Hals, Schulter, Bein, Fuß, Knie, Zehe, Ferse, Bauch, Rippe, Rücken, Brust, Körper, Leib, Haut etc.):*

Selbst, wenn sie lächelte, hingen ihre Mundwinkel herab (Hahn 2014: 282);

... aber wenn er Werner zusah, wie der das Instrument zwischen seine Schulter und seinen Kopf steckte, ... (Andersch 1980: 31);

Dann warf sie sich aufschluchzend in seine Arme, und er hielt sie, spürte ihren weichen Körper, ... (Schlink 2000: 175);

Dann ballte Marlies ihre Finger zu Fäusten und biß sich die Lippen (Hahn 2014: 283).

В данном случае сфера *физическое тело индивидуума* концептуализируется как наблюдаемая область *снаружи*, поскольку речь идет о наблюдаемых

объектах – частях тела человека (см., например, соответствующие словарные дефиниции: *Hand* (Duden 1996: 658; Wahrig 2008: 472); *Schulter* (Duden 1996: 1359; Wahrig 2008: 899); *Kopf* (Duden 1996: 881; Wahrig 2008: 610 и т.д.). Характеристика *наблюдаемость* передается и при помощи глаголов с семантикой *наблюдаемого действия* (*zittern, herabhängen, sich werfen in Akk., zusehen, stecken, ballen, sich beißen*), предлога *zwischen Akk.*

Характеристику *принадлежности* репрезентируют притяжательные местоимения *ihr* и *sein*. Единственное число притяжательных местоимений позволяет говорить о том, что данное пространство категоризуется как *неразделяемое (индивидуальное)*.

Область *снаружи* сферы *тело / часть тела* репрезентируют и конкретные имена существительные с семантикой *органы чувств / Sinnesorgane* – конкретные имена существительные, которые также репрезентируют наблюдаемую область *снаружи* (*Auge, Ohr, Zunge, Nase*):

Wenn sie die Augen schließt, hört sie von weit weg die Musik des Spielmannszugs (Thome 2010: 81);

Er ist ein Mann von etwa fünfunddreißig Jahren, dunkel, mit einem schmalen Gesicht, dicht zusammenstehenden Augen und großen, abstehenden Ohren (Е.М. Remarque: НКРЯ / ПК (немецкий));

Ihre Nase ist lang und spitzig;

Seine Augen schimmerten in einem Kries feiner Fältchen grau und grün wie die Blätter der Weiden (Hahn 2014: 13).

Характеристика *внешний* и *наблюдаемый* передается при помощи конкретных имен существительных, номинирующих органы чувств (см. соответствующие дефиниции *Ohr* (Duden 1996: 1097; Wahrig 2008: 756), *Auge* (Duden 1996: 168; Wahrig 2008: 125), *Nase* (Duden 1996: 1062; Wahrig 2008: 730), качественных прилагательных *schmal, groß, lang, spitzig*, партиципов первых в адъективной функции *zusammenstehend* и *abstehend*, глаголов *schließen* и *schimmern*. Притяжательные местоимения *ihr* и *sein*, предложные конструкции (*ein*

Mann mit einem (schmalen) Gesicht, (dicht zusammenstehenden) Augen, (großen, abstehenden) Ohren) репрезентируют отношения принадлежности. Единственное число притяжательных местоимений позволяет говорить о конструировании неразделяемого (индивидуального) пространства.

(2) Языковыми маркерами области *внутри* сферы *физическое тело индивидуума* выступают лексические единицы с семантическим компонентом *внутренние органы* (*innere Organe: aus verschiedenen Geweben zusammengesetzter einheitlicher Teil des menschlichen ... Körpers mit einer bestimmten Funktion* (Duden 1996: 1106)):

Herz – das Organ, das den Blutkreislauf antreibt (Wahrig 2008: 503);

Gehirn – Organ im Kopf ... des Menschen, Sitz der Sinneszentren und verantwortlich für die Koordination von Handlungen und für das Denken (Wahrig 2008: 410); ..., *im Schädel gelegener Teil des Zentralnervensystems des Menschen ... , der das Zentrum für Assoziationen, Instinkte, Gedächtnis und Lernen, ... Sitz des Bewusstseins* (Duden 1996: 577) (см. также следующие дефиниции: (*Blut*)*ader* (Duden 1996: 79; Wahrig 2008: 63), *Blutgefäß* (Duden 1996: 271; Wahrig 2008: 204), *Vene* (Duden 1996: 1630; Wahrig 2008: 1066), *Lunge* (Duden 1996: 972; Wahrig 2008: 668), *Magen* (Duden 1996: 977; Wahrig 2008: 671), *Darm* (Duden 1996: 318; Wahrig 2008: 234), *Drüse* (Duden 1996: 368; Wahrig 2008: 264), *Galle* (Duden 1996: 555; Wahrig 2008: 395), *Leber* (Duden 1996: 937; Wahrig 2008: 645) etc.).

Существительные данной лексико-семантической группы концептуализируют, таким образом, *внутреннюю ненаблюдаемую* область сферы *физическое тело индивидуума*:

Mein Herz raste teilweise so stark, dass ich gedacht habe, es springt gleich aus dem Brustkorb (Focus – № 39/13, 23. September 2013: 74 „Horror aus der Tüte“).

Часть человеческого тела (*Brustkorb*) концептуализируется как *контейнер* с областями *внутри* и *снаружи* (внутри данного вместилища находится сердце, оно не наблюдаемо, человек только ощущает его биение – характеристика *закрытости, ненаблюдаемости*). Предложная конструкция *aus dem*

Brustkorb и глагол *springen* также репрезентируют характеристики *внутренний* – *внешний* (движение *изнутри наружу*). Характеристика *принадлежности* передается притяжательным местоимением *mein*; языковым маркером конструирования *неразделяемого* пространства является использование данного местоимения в единственном числе.

В следующем примере:

Ich war unterwegs, als die Schmerzen einsetzten. Magenweh, dachte ich zunächst, denn ich mit dem Magen ab und zu Probleme habe. Bald wurde es aber so schlimm, dass ich ins Krankenhaus sollte ... Nach der Operation erzählte mir der Arzt, daß es ein entzündeter Blinddarm gewesen sei und er mich operieren sollte. ... Ich malte mir dann aus, wie der Arzt mich aufschneidet und wieder zunäht (Schlink 2000: 176), –

человеческое тело также концептуализируется как контейнер, в который помещены органы. Индивидуум способен определить только место локации боли и не может понять, какой именно орган у него болит (*закрытая, ненаблюдаемая область внутри*). Значение закрытости данной внутренней области – невозможность проникновения в нее без определенного вмешательства и необходимость последующего «закрытия» данного вместилища – передается при помощи существительного *Operation* (*chirurgischer Eingriff in den Organismus* (Duden 1999: 1102), глаголов *operieren*, антонимов *aufschneiden* (*durch Schneiden, durch einen Schnitt öffnen* (Duden 1999: 163) и *zunähen* (*durch eine Naht schließen* (Duden 1999: 1795)). Определенный артикль, личное местоимение *ich* в винительном падеже как указание на объект действия – индивидуум (в данном случае – его физическое тело) передают характеристику *принадлежности*.

В примере:

..., sagte ich, spürte, wie mein Herz anschwell, als wollte es durch Knochen und Haut aus mir herausfahren (Hahn 2014: 29), –

также интерпретируются характеристики *внутри – снаружи*. Языковым маркером области *внутри* сферы *физическое тело индивидуума* выступает имя существительное *Herz* с семантическим компонентом *внутренний орган* (см. подробнее: (Duden 1996: 700; Wahrig 2008: 503)). Внутренняя сфера *тела индивидуума*, выступающего в качестве объективного, осмысленного, ощущаемого и осознаваемого *Эго* (репрезентировано при помощи личного местоимения *ich* в косвенном падеже), концептуализируется как пространство *физическое*, как контейнер, из которого сердце, как кажется героине, готово вырваться *наружу*, преодолев границу, отделяющую области *внутри* и *снаружи* – *durch Knochen und Haut*. Использование глагола *herausfahren* (*von dort drinnen hierher nach draußen fahren* (Duden 1996: 689)) показывает направление движения *изнутри наружу* (в семантике префикса *heraus*, образованного от соответствующего наречия, заложено обозначение движения «оттуда изнутри – сюда наружу») (Duden. Bd. 4 1989: 346-347; Duden 1996: 688-691). Направление движения *изнутри наружу* репрезентировано и при помощи предлога *aus* (*Angabe der Richtung von innen nach außen* (Duden 1996: 170)). Характеристика *принадлежности* передается при помощи притяжательного местоимения *mein*; его использование в единственном числе репрезентирует характеристику *неразделяемый, индивидуальный*.

(3) Семантический компонент *жизненно-важные физиологические процессы, происходящие в организме человека* (*Lebensvorgänge, funktionelle Vorgänge im Organismus*) представлен в таких абстрактных именах существительных, как *Blutdruck, Blutkreislauf (Kreislauf), Puls, Herzschlag, Verdauen etc.*, что позволяет рассматривать данные лексические единицы, используемые в сочетании с глаголами, в именных группах, с соответствующими местоимениями, передающими характеристику *принадлежности* и *индивидуальности* в качестве маркеров *внутренней ненаблюдаемой* области сферы *физическое тело индивидуума*:

Sein Kreislauf hat versagt (LK).

Семантика абстрактного существительного *Kreislauf* как разговорной формы существительного *Blutkreislauf* (*[durch das Herz angetriebener] Umlauf des Blutes im menschlichen ... Körper*) – циркуляция крови *в теле* человека – позволяет говорить о передаче смысла *внутри физического тела человека*; характеристика *принадлежности* передается при помощи притяжательного местоимения *sein*; характеристика *неразделяемости, индивидуальности* пространства – формой единственного числа местоимения *sein*.

В следующем примере:

Draußen summte die Stadt und drinnen Kamphaus ' Computer, und noch weiter drinnen pochte sein Puls hinter den Schläfen (Thome 2010: 40), –

окружающее человека физическое пространство конструируется как *внешнее* – пространство города, шумящего за окном, *снаружи* (*Draußen summte die Stadt*), и *внутреннее* – пространство кабинета, в котором работает компьютер его коллеги, *внутри* (*drinnen [summte] Kamphaus ' Computer*). Далее движение «внутри» продолжается (*und noch weiter drinnen*), и такая сфера *Эго-пространства*, как *физическое тело индивида* (характеристика *принадлежности* передается при помощи притяжательного местоимения *sein*; характеристика *неразделяемости, индивидуальности* репрезентируется при помощи использования притяжательного местоимения в единственном числе) конструируется как *внутренняя* область вместилища. Передача смысла *внутри* происходит за счет единиц лексического и грамматического уровней: при помощи абстрактного имени существительного *Puls* и конкретного существительного *Schläfen* (*Puls – das Anschlagen der durch den Herzschlag weitergeleiteten Blutwelle an den Gefäßwellen, besonders der Schlagadern am inneren Handgelenk und an den Schläfen* (Duden 1996: 1195); *Schlag der Arterien* (Wahrig 2008: 804)) и предлога *hinter* (+ дательный падеж), передающего значение *за, сзади, с обратной (= внутренней) стороны* – *hinter den Schläfen*.

В примере:

Langsam zog ich die Ohren dann wieder näher, durch Pappeln, Schilf und Gräser, bis ich tief in mir das Rauschen meines Blutes vernahm, den Herzschlag in meiner Brust (Hahn 2014: 11), –

жизненно-важные физиологические процессы (движение крови, биение сердца) концептуализируются как происходящие *внутри* тела человека (*in mir, in meiner Brust*); характеристика *принадлежности* передается при помощи притяжательного местоимения *meiner* и личного местоимения в единственном числе, дательном падеже (*in*) *mir* (характеристика *неразделяемость, индивидуальность*). *Эго-пространство* категоризуется как *внутренняя ненаблюдаемая область сферы физическое тело индивидуума*.

2. Сфера *эмоционально-чувственный, или психологический мир* индивидуума внутри *Эго-пространства* категоризуется как *субъективное ментальное пространство*. Языковыми единицами, репрезентирующими данную сферу, являются абстрактные имена существительные, в том числе, отглагольные, предложные сочетания, именные группы, глаголы.

В качестве маркеров сферы *психологический мир индивидуума* выступают и соответствующие абстрактные имена существительные, в семантике которых заложены такие компоненты, как обозначение мыслей, стремлений, эмоций, чувств, психологических состояний человека (*Absicht, Angst, Ärger, Betrübnis, Betrachtungen, Depression, Emotionen, Eckel, Enttäuschung, Erleichterung, Freude, Furcht, Gedanke, Geduld, Gefühl, Genuss, Glück, Hass, Hoffnung, Idee, Kummer, Leiden, Liebe, Lust, Misstrauen, Mut, Meinung, Nachdenken, Sorge, Trauer, Überlegung, Überzeugung, Unruhe, Verstand, Verachtung, Vertrauen, Wut, Zuneigung*):

Er will wohl deinem Glück nicht im Wege stehen;

... da war noch genug anderes Ich in ihm, ein zähes und kampfbereites (Thome 2010: 74);

Eine wilde Wut erfüllte mich;

Väter, die schlagen, zerstören, was sie sich am meisten wünschen: eine glückliche Familie, die Liebe ihrer Partnerin, das Vertrauen ihres Kindes (D. Engel: НКРЯ / ПК (немецкий));

Über den Titelbericht habe ich mich sehr geärgert (Focus – № 39/13, 23. September 2013: 80 „Leserbriefe“).

Характеристика *принадлежности* передается:

(1) при помощи притяжательных, указательных местоимений:

Kannst du nun dein Vorhaben ändern? (LK);

Manche hatten ihn nach seinem Ergeben in der Schule und nach seinen Interessen gefragt (Schlink 2000: 17);

... vielleicht empfand sie deshalb keine Angst, sondern nur diese grenzenlose Verwunderung (Thome 2010: 127);

..., dass der Schauspieler infolge seiner Selbstüberschätzung ... nicht eben als idealer Gewährsmann bezeichnet werden konnte (Jens: MK);

(2) определенного, неопределенного или нулевого артикля:

Meine Welt, das war im Frühherbst 1991 eine Mischung aus Ehrgeiz und Depression (Dorn 2007: 42);

Weil sie nicht sagen kann, woher die kleinmütigen Gedanken kommen, als wären es gar nicht ihre, ... (Kumpfmüller 2013: 73);

Den ganzen Sommer über hatte sie ein komisches Gefühl gehabt (Thome 2010: 111);

Und ich habe das Gefühl, das mir selbst so fremd ist ... (Thome 2010: 215).

В последнем примере функция определенного артикля заключается и в максимальной индивидуализации названной существительным сущности (*Gefühl*), и в осуществлении связи объекта непосредственно с данной ситуацией, и в указании на то, что субъект ясно представляет себе, о каком чувстве идет речь. В примере ... *hatte sie ein komisches Gefühl gehabt* ... неопределенный артикль, и это подтверждает контекст, придает существительному значе-

ние нечеткости, расплывчатости, невозможности осознать это странное чувство, обобщая, тем самым, номинируемую именем существительным сущность. В подобных случаях артикли играют референциальную роль, репрезентируя отношения *принадлежности*.

(3) в словосочетаниях с существительными в функции определения в пре- и постпозиции, репрезентирующими отношения *принадлежности*, и несущими информацию об области определения – об индивидууме, чье *Эго-пространство* категоризуется:

Wäre es deine Meinung oder die deines Mannes? (LK);

Und selbst zwischen Pauline und Rüdiger entspann sich ganz allmählich eine neue Verbundenheit, die nur zum Teil auf Rüdigers Dankbarkeit zurückzuführen war, ... (Krohn 2011: 240);

Anna's Gedanken waren schon längst weit (LK).

При категоризации сферы *психологический мир индивидуума* человеческое тело концептуализируется как *внутренняя* область некоего *контейнера* – как *вместилище* эмоционального состояния:

Doch kaum begrüßt sein Sohn ihn nicht so, wie er es sich wünsch, merkt er, wie die Wut wieder in ihm hochsteigt (Th. Mann: НКРЯ / ПК (немецкий));

Vielleicht war es Adrenalin, was ihn ihm wallte, dieses Köcheln, das er desto stärker spürte, je stiller er stand (Thome 2010: 40);

Und mitten in sie hinein ging der Duft, direkt ans Herz, und unterschied dort kategorisch über Zuneigung und Verachtung, Eckel und Lust, Liebe und Hass (P. Süskind: НКРЯ / ПК (немецкий)).

Когнитивный механизм *метафора контейнер* обуславливает использование таких языковых средств концептуализации, как предложные конструкции с предлогами места, наречия. В данных примерах формирование смысла «закрытое пространство внутри» осуществляется при помощи предлога *in* и личного местоимения *er* в дательном падеже (первые два примера) и при помощи

предлога *in* и личного местоимения *sie* в винительном падеже (последний пример).

Системное значение немецкого предлога *in* в сочетании с дательным падежом (*in ihm*) заключается в передаче такого значения, как указание на нахождение, расположение внутри определенного пространства, места («*Angabe des Sichbefindens, des Vorhandenseins innerhalb eines Raumes, der Stelle, des Platzes, wo sich jemand, etwas befindet*» (Duden 1996: 757)). Местоимение 3 лица мужского рода ед. числа указывает в данном контексте на лицо мужского пола (репрезентация характеристики *принадлежности*). Системное значение немецкого предлога *in* в сочетании с винительным падежом (*in sie*) – указание на цель, к которой осуществляется движение, на место, куда кто-либо передвигается, что-либо перемещают (*Angabe eines Ziels, auf das hin eine Bewegung stattfindet, der Stelle, des Platzes, wohin sich jmd. begibt, wohin etw. gebracht wird* (Duden 1996: 757)). Проникновение запаха описывается как движение *отсюда наружу – туда внутрь* (*hinein*) в самый центр (*mitten in sie*). Там, где располагается сердце (*dort*), определяющее выбор различных человеческих чувств. Сфера *эмоционально-чувственный, психологический мир* конструируется при помощи имен существительных соответствующей семантики; характеристика *ненаблюдаемость* заложена в семантике данных существительных и в используемых глаголах (*spüren, merken*). Характеристика *неразделяемое, индивидуальное пространство* передается при помощи личных местоимений в единственном числе.

Если в последнем примере *психологический мир* индивидуума концептуализируется как нечто, куда направлено движение (индивидуум – контейнер, который наполняется), то в следующем примере *Эго-пространство* конструируется как *вместилище*, в которое помещены эмоции, *вместилище*, из которого человек хотел бы выплеснуть *наружу* накопившуюся ярость:

Am liebsten hätte sie ihre Wut aus sich heraus – und über den ganzen Rummelplatz gebrüllt (Thome 2010: 225).

Отсылка к сфере *психологический мир индивидуума* осуществляется при помощи существительного *die Wut (hervorgerufener Gefühlsausbruch* (Duden 1996: 1761)); при помощи притяжательного местоимения *ihr* осмысливается характеристика *принадлежности* (данное состояние «приписывается» человеку), его употребление в единственном числе репрезентирует характеристику *неразделяемое, индивидуальное* пространство. Смыслы *внутри* и *снаружи* актуализируются языковыми единицами различных уровней: (1) на лексическом – за счет наречия *heraus*, значение которого, как отмечалось выше, состоит в передаче движения *оттуда изнутри сюда наружу*; (2) на синтаксическом уровне – при помощи предлога *aus*, значение которого в данном контексте сводится также к передаче направления движения *изнутри наружу*. Кроме того, в приведенном примере противопоставляются такие единицы, как (*aus*) *sich* и *Rummelplatz*, служащие в данном случае начальной (*внутренней*) и конечной (*внешней*) точками движения, концептуализируемого как движение *изнутри наружу*.

Сфера *психологический мир индивидуума* концептуализируется в немецком языке и при помощи глаголов *абстрактной семантики* (*bezweifeln, glauben, finden = meinen, hoffen, (nach)denken, sich enttäuschen, fantasieren, meinen, vermuten, wissen, kennen, denken, lieben, hassen, sich kümmern, leiden, fühlen, spüren, verstehen, meinen, scheinen, sich freuen, sich fürchten, sich interessieren, überlegen, misstrauen, vertrauen, sich vorstellen etc.*), обозначающих «психические» действия (описание мыслительного процесса, проявление чувств, эмоций):

Mir scheint, ich sage das dauernd (Thome 2010: 196);

Wieder wusste ich nicht weiter (Schlink 2010: 163);

In seinem Leben hat er viel gelitten;

Ich freute mich, daß Dr. Römer nicht eingeladen war (Schlink 2006: 221);

Er fantasierte sich Tag und Nacht in Margots Arme – und womöglich war er in jenen Zeiten, die er solcherart in Tagträumen verbrachte (Krohn 2011: 240).

Данные лексические единицы репрезентируют характеристику *внутри*, что обусловлено их функционально-семантическими особенностями.

Интенциональные глаголы как глаголы с абстрактной семантикой (*möchten, vorhaben, wollen, wünschen etc.*) также выступают в качестве языковых единиц, концептуализирующих сферу *психологический мир индивида*:

Ich will ja nicht unverschämt sein, ... (Thome 2010: 196);

Ich hätte aber vor, eine größere Reise zu machen (LK).

Сфера *психологический мир индивидуума* репрезентируются в немецком языке и устойчивыми словосочетаниями, фразеологизмами, передающими значения «эмоциональное состояние», «чувства», «намерения человека» (*in Absicht liegen, in tausend Ängsten schweben, seinen Ärger unterdrücken, seinem Ärger Luft machen, außer sich vor Freude sein, voller Enttäuschungen, (etwas) aus Hass / Liebe / Lust / Spaß / Überzeugung tun, sich Gedanken / Sorgen / Kummer machen, sich in Geduld fassen (jmdm.) reißt die Geduld, seine Gefühle unterdrücken / beherrschen / zeigen / verbergen, Glück / eine Idee / Vertrauen / Zuneigung haben, auf die Idee kommen, all seinen Mut zusammennehmen, sich Sorgen machen, der Überzeugung sein, (jmdm.) steht der Verstand still / bleibt der Verstand stehen, den Verstand verlieren*):

Das lag nicht in meiner Absicht! (LK);

Manchmal wacht sie nachts auf und ist voller Zweifel: ob er kommt, ... (Kumpfmüller 2013: 58);

Er kann seine Gefühle unterdrücken;

Weiter geht sie selbst in Gedanken nur selten (Thome 2010: 107).

3. Сфера *личные вещи индивидуума (принадлежащие ему или производимые им)* соотносится только с наблюдаемой областью *снаружи*, что следует из семантики маркирующих ее лексических единиц. Конструирование данной сферы *Эго-пространства* в немецком языке осуществляется при помощи конкретных имен существительных с соответствующей семантикой – личные вещи, предметы, помещения, одежда, обувь (*Anzug, Schuhe, Tasche,*

Hosentasche, Geld, Bild, Buch, Zimmer, Schreibtisch, Schrift, Schuhe). Характеристика *принадлежности*, осмысливаемая при концептуализации данной сферы, передается за счет слов-сопроводителей:

- соответствующих притяжательных местоимений:

Frau Meinrich ... hat sich auf ihren Stock gestützt ... (Thome 2010: 10);

Er liegt im Bett und blättert in seinen Heften (Kumpfmüller 2013: 145);

... denn für den Augenblick besteht ja noch nicht die geringste Aussicht, daß meine Schrift das Licht der Öffentlichkeit erblicken könnte (Mann 1997a: 9);

„Besser ist dein Anzug bei der Verbrecherjagt auch nicht geworden“, meinte Mutter (Kästner: НКРЯ / ПК (немецкий));

Komm, ich zeige dir mein Zimmer (Hahn 2014: 298);

- имен существительных (в препозиции и постпозиции) в функции определения (в сочетании с артиклями, притяжательными местоимениями):

Das war Siggi's Geld (LK);

Sind es Bilder deines Bruders? (LK);

Durch dieses Glasstück brach die Sonne und färbte das weiße Kleid Marias rot (Hahn 2014: 324);

- артиклей:

Die braunen und grauen Kleider und Kostüme, bei denen sie blieb, wurden elegant, die Hacken der Schuhe höher, und eine neue Brille mit schlankem Gestell gab ihrem Gesicht einen fast hochmütigen Ausdruck (Schlink 2000: 66);

Paul war immer ordentlich gewesen. Die Bleistifte auf seinem Schreibtisch hatten exakt nebeneinander gelegen, und nie hatte es eine abgebrochene Spitze gegeben (Aehnlich 2007: 11);

Würde sie ihr Leben aufschreiben, würde sie nur Kleinigkeiten notieren, denn am größten, findet sie, ist das Glück, wenn es winzig klein ist, wenn er sich die Schuhe bindet, wenn er schläft, ... (Kumpfmüller 2013: 97).

В первом примере характеристика *принадлежности* передается за счет указания на конкретное лицо (*sie*), на часть тела в сочетании с притяжательным местоимением, передающим данную характеристику (*ihrem Gesicht*). Во втором примере характеристика *принадлежности* передается за счет указания на место локации предметов (*auf seinem Schreibtisch*), что позволяет рассматривать в данном контексте конструкцию *существительное + определенный артикль* (*die Bleistifte*) – как синонимичную конструкции *существительное + притяжательное местоимение* (*seine Bleistifte*). В последнем примере определенный артикль также передает характеристику *принадлежности* (*die Schuhe = seine Schuhe*).

Артикль обладает, таким образом, большими потенциями не только в выполнении *индивидуализирующей* функции, но и в передаче характеристики *принадлежности*, что сближает его на функциональном уровне с притяжательными местоимениями.

4. Сфера *физические действия, совершаемые лично индивидуумом и доступные наблюдению*, концептуализируется как *неразделяемое индивидуальное, наблюдаемое, внешнее пространство*. Языковыми средствами его концептуализации в немецком языке являются:

- глаголы, обозначающие физическое действие индивидуума ((*auf*)*stehen*, (*auf*)*springen*, *sprechen*, *erzählen*, *essen*, *geben*, *nehmen*, *gehen*, *schlafen*, *schreiben*, *lachen*, *laufen*, *leben*, *lesen*, *nicken*, *rauchen*, *rufen*, *sehen*, *singen*, *sitzen*, *sich setzen*, *stehen*, *stellen*, *stehlen*, *spielen*, *sterben*, *sitzen*, *tanzen*, *trinken*, *zittern*):

Ich zog die Hand vom Lenker, bevor er sie streifen konnte (Hahn 2014: 467);

Er hilft ihr in der Küche, sitzt mit ihr im Garten, holt Kaffee und Gebäck, macht ihr Komplimente, ... (Kumpfmüller 2013: 60);

Danach habe ich erst mal eine halbe Stunde da gesessen und gezittert (Dorn 121);

Manchmal saß sie ganze Tage lang allein auf den steinernen Stufen und sprach und sang vor sich hin (M. Ende: НКРЯ / ПК (немецкий));

- имена существительные, в том числе отглагольные имена существительные (*Nicken, Bewegung, Gehen, Geste, Lachen, Sprechen, Schreiben, Stimme, Zittern*). Существительные, как и глаголы репрезентируют область *снаружи*, что обусловлено их функционально-семантическими особенностями. Кроме того, они репрезентируют характеристику *наблюдаемость* и могут использоваться со словами-сопроводителями (прилагательными, наречиями, партиципами) в функции определения (*sprach laut, lachte leise, schnelle Bewegungen, freundliches Lachen, sprach laut, lachte leise, zitternde Stimme, gebrochen klingeln*):

Seine gelegentlich auftrumpfenden Gesten brachten manch einen um die Gelassenheit oder auch um die nötige Selbstkontrolle (Focus – № 39/13, 23. September 2013: 129 „Abschied von einem Besessenen“);

Sie hatte eine überraschend dunkle Stimme und ein helles Lachen (H. Böll: НКРЯ / ПК (немецкий));

Seine Stimme klang gebrochen, als käme sie bereits aus großer Ferne (Focus – № 39/13, 23. September 2013: 129 „Abschied von einem Besessenen“);

„Ja“, flüsterte sie so leise, dass er nicht sicher war, ob er sie richtig verstanden hatte (Seethaler 2014:48).

Языковыми средствами репрезентации характеристики *принадлежность* при концептуализации данной сферы *Эго-пространства* являются:

- имплицитная или эксплицитная представленность грамматического субъекта в предложении, совпадающего с субъектом действия, чье *Эго-пространство* концептуализируется:

Er schlief ein und wachte nach ein paar Stunden auf (Schlink 2000: 106);

Andrea schreibt unleserlich (LK);

Bin heute früh aufgestanden;

Dann weinte sie plötzlich wieder und sagte: ... (H. Böll: НКРЯ / ПК (немецкий));

Mit einem Nicken stellt er den Stuhl ab (Thome 2010: 88);

- притяжательные местоимения в единственном числе в функции словосопроводителей соответствующих существительных, номинирующих сферу *физические действия, совершаемые лично индивидуумом и доступные наблюдению*:

Ihr Schluchzen hatte sich wieder zu schlichtem Schnüffeln gemildert (Н. Böll: НКРЯ / ПК (немецкий));

Immer noch waren ihre Bewegungen nervös und fahrig (Schlink 2000: 27);

Sein Lachen klang erleichtert und doch ärgerlich (Н. Böll: НКРЯ / ПК (немецкий));

- имена существительные, номинирующие лица, чье *Эго-пространство* концептуализируется на основании принципа эгоцентризма, и выступающие в функции определения в пре- и постпозиции:

Offenbar galt Vaters Geste als gar zu arge Sympathiekundgebung (Н. Böll: НКРЯ / ПК (немецкий));

... bis mich der Aufruf des Lehrers oder der Faustschlag eines Kameraden erweckte (Н. Hesse: НКРЯ / ПК (немецкий)).

Специфика конструирования выделенных сфер внутри модели *Эго-пространства* позволяет, таким образом, рассматривать осознание индивидуумом своей психо-физической идентичности в качестве ключевого когнитивного основания при эгоцентрической категоризации пространства, что находит отражение в языке. Точкой отсчета является говорящий, конструирующий окружающий мир, исходя из собственных знаний, в том числе языковых, установок, интенций, экстралингвистической составляющей, общего контекста. Категоризация *Эго-пространства* осуществляется в немецком языке на основе противопоставления концептов INDIVIDUELL и GEMEINSAM, основными характеристиками которых являются, соответственно «*индивидуальный, принадлежащий лично человеку*» и «*совместный, включающий другие лица*».

Эгоцентрическая интерпретация говорящим бинарных характеристик *индивидуальности* и *коллективности*, *принадлежности* и *непринадлежности*,

осуществляемая с опорой на когнитивные схемы *исключение - включение*, обуславливает категоризацию *Эго-пространства* как пространства **индивидуального, неразделяемого, закрытого, принадлежащего** индивидууму. Следовательно, вектор направления, выбираемый говорящим при категоризации данной модели эгоцентрического пространства – *пространство принадлежит человеку*.

Эго-пространство структурируется в немецком языке как *субъективное* физическое и ментальное пространство-вместилище, имеющее внутренние и внешние границы. *Внешние* границы отделяют его от *приватного пространства*; на основании *внутреннего* разграничения выделяются четыре сферы *Эго-пространства*, которые, в свою очередь, членятся по горизонтали на основе когнитивных схем *внутри – снаружи*:

- *физическое тело индивидуума* (концептуализируется как наблюдаемая область *снаружи* и ненаблюдаемая область *внутри*);

- *психологический мир индивидуума* (концептуализируется как ненаблюдаемая область *внутри*);

- *личные вещи индивидуума* (концептуализируется как наблюдаемая область *снаружи*);

- *действия, совершаемые лично индивидуумом* (концептуализируется как наблюдаемая область *снаружи*).

Как было показано выше, перечисленные смыслы и характеристики формируются на основе таких когнитивных механизмов, как *выбор точки отсчета*, *профилирование* (профилирование внутренних и внешних границ), *перспективизация*, *фокусирование*, *концептуальная метафора*. Категоризация *Эго-пространства* в немецком языке осуществляется на основе действия языковых механизмов (номинация, дейксис, словообразование, словосложение, семантическая сочетаемость, использование синонимии и антонимии) обуславливающих использование в качестве конкретных языковых средств репрезентации

Эго-пространства в немецком языке имена существительные, прилагательные, глаголы, наречия, местоимения, артикли (изолированно или в предложных и именных словосочетаниях).

1.1.1. «Я – здесь – сейчас» как система координат языковой категоризации *Эго-пространства* на системном и функциональном уровнях

Выбирая определенную языковую единицу, маркирующую модель *Эго-пространства*, говорящий опирается на знание всех категориальных значений, когнитивных и языковых механизмов их реализации и на экстралингвистические знания. В качестве основы, используемой индивидуумом для эгоцентрического конструирования окружающего пространства вообще и *Эго-пространства*, в частности, в работе рассматривается трехуровневая система координат *я – здесь – сейчас*, соотносимая с тремя типами дейксиса – *личностным, пространственным и временным*. Говорящий интерпретирует характер отношений (межличностных, пространственных, временных) между собой и окружающим его миром именно в данной системе координат.

Как было показано выше, языковыми единицами, системным значением которых является маркирование принадлежности сущностей различного вида к модели *Эго-пространства*, категоризируемого человеком на основе принципа эгоцентризма, выступают имена существительные, прилагательные, глаголы, наречия, местоимения, функционирующие изолированно или в предложных словосочетаниях.

При моделировании *Эго-пространства* в рамках эгоцентрической ***личностной координаты*** мы выделяем:

- координату адресанта (*я-координата*);
- координату адресата (*ты-координата, вы / Вы-координата*);
- координату третьего лица (*он / она / оно / они-координата*).

На языковом уровне личностная координата представлена в структуре *Эго-пространства* только в единственном числе, так как данное пространство

категоризуется как пространство *индивидуальное, неразделяемое, закрытое, принадлежащее* только индивидууму.

В формировании значений, передающих *личностную координату*, участвуют такие когнитивные механизмы, отражающие схемы работы человеческого сознания, как выбор точки референции, перспективизация, спецификация. Данные когнитивные механизмы обуславливают использование следующих языковых механизмов: номинация, словообразование, семантическая сочетаемость.

Языковыми средствами репрезентации *личностной координаты* в немецком языке являются имена существительные, прилагательные, личные, притяжательные местоимения, глаголы, соотносящихся с ними по форме лица и числа, указательные местоимения, предложные словосочетания при условии наличия в семантике номинативных языковых единиц указания на сферы *Эго-пространства*.

Маркируя *личностную координату*, индивидуум как концептуализатор и категоризатор окружающего пространства опирается на системное значение личного местоимения *ich*: вовлеченность лица в ситуацию общения в качестве адресанта и выполнение функции точки отсчета в акте коммуникации. Остальные единицы высказывания в той или иной степени характеризуются эксплицитной или имплицитной отсылкой на *Эго* говорящего, являющегося точкой референции при эгоцентрическом моделировании *Эго-пространства*:

Du bist schön ..., deine Haare, dein Mund, deine Hand (P. Süskind: НКРЯ / ПК (немецкий)).

В данном примере притяжательное местоимение *dein* передает не только характеристику партитивности, но и, совместно с личным местоимением *du* в позиции подлежащего, репрезентирует *координату адресата*. Существительные *Haare, Mund, Hand* в сочетании с притяжательным местоимением *dein* репрезентируют сферу *физическое тело индивидуума (адресата)*.

В следующем примере:

Er trug seinen Sonntagsanzug am Montag. ... Trotz seiner Verkleidung sah er den Marmorstatuen aus dem Geschichtsbuch ähnlich, ... (Hahn 2014: 383), – языковым маркером координаты третьего лица является притяжательное местоимение *sein* и личное местоимение *er* (говорящий конструирует сферу личные вещи индивидуума (третьего лица)).

В примерах:

Worin besteht denn mein Vergehen schon, wenn es überhaupt eines ist (P. Süskind: НКРЯ / ПК (немецкий));

Mein Glück wäre infolgedessen das Mittel göttlicher Gerechtigkeit, ... (P. Süskind: НКРЯ / ПК (немецкий)), –

личностная координата – координата адресанта – представлена притяжательным местоимением *mein*. Эго-пространство конструируется как сфера психологический мир индивидуума при помощи существительных *Vergehen* и *Glück*.

В примере:

Ich legte mich angezogen auf mein ungemachtes Bett, trank aus meiner Flasche und fühlte mich zum ersten Mal seit Monaten vollkommen frei (H. Böll: НКРЯ / ПК (немецкий)), –

личностная координата – координата адресанта – представлена притяжательным местоимением *mein*, личным местоимением *ich* и согласованными с ним (лицо, число) глаголами *sich legen* и *sich fühlen*, репрезентирующими сферы физические действия, совершаемые лично индивидуумом и доступные наблюдению и психологический мир индивидуума, соответственно.

Притяжательные местоимения используются также для выражения привычки говорящего, регулярности его действий:

Ich esse mein Brot mit Margarine und Pflaumenmarmelade (*Brot mit Margarine und Pflaumenmarmelade, das ich regelmäßig esse*) (E.-M. Remarque: НКРЯ / ПК (немецкий));

Ich muss meine Medizin nehmen (*die Medizin, die ich zurzeit nehmen muss*) (Duden 1996: 1003).

Таким образом, личное местоимение *ich* является в немецком языке, как и аналогичные местоимения в большинстве других языков, выражением абсолютной адресантности, ее специализированным и семантически рафинированным маркером *личностной координаты*; использование говорящим данного местоимения исключает его неучастие в речевом акте: *ich* – это форма, «в которой говорят о себе; обозначение для собственной личности» [Duden 1996: 749].

Конструкция *имя существительное + имя существительное в функции определения* является языковым маркером только для *личностной координаты третьего лица*:

Ich sehe ihn am Kaminfeuer stehen mit einer von Vaters Zigarren in der Hand (Н. Böll: НКРЯ / ПК (немецкий));

... sagte der Konsul bewegt und ergriff die Hand des Bruders, die einen Regenschirm hielt (Th. Mann: НКРЯ / ПК (немецкий));

Das Volk jenseits der Barrikade gab sich unterdessen immer schamlos dem unheimlichen Gefühlsrausch hin, den Grenouilles Erscheinen ausgelöst hatte (P. Süskind: НКРЯ / ПК (немецкий)).

Помимо действия когнитивных механизмов выбора точки отсчета (точкой отсчета при эгоцентрической категоризации, как отмечалось выше является говорящий), перспективизации (выделение объекта из множества других), важную роль при конструировании *личностной координаты* играет механизм спецификации – представление конкретного содержания с определенной степенью конкретизации.

Так, дополнительным маркером (не самостоятельным) *личностной координаты* при эгоцентрическом конструировании *Эго-пространства* выступает указательное местоимение *selbst* и прилагательное *persönlich* в значении «исходящий от отдельной личности и определяемый ее опытом, чувствами, сопереживаниями» (*von einer einzelnen Person ausgehend und durch ihr Erleben,*

[Mit]fühlen ihre Interessen usw. bestimmt (Duden 1996: 1138)). Системное значение местоимения *selbst* – указание на названное лицо / объект, а не на кого-либо / что-либо еще (*betont nachdrücklich, das nur die im Bezugswort genannte Person oder Sache gemeint ist und niemand oder nichts anderes* (Duden 1996: 1386)).

При категоризации *Эго-пространства* использование этих языковых единиц обусловлено действием когнитивных схем *исключение – включение*, обуславливающих категоризацию *Эго-пространства* как пространства *индивидуального, неразделяемого, принадлежащего* только индивидууму, и когнитивного механизма *спецификации* – представление конкретного содержания – указание *личностной координаты* с максимальной степенью конкретизации:

Ich selbst bin nicht religiös, nicht einmal kirchlich (Н. Böll: НКРЯ / ПК (немецкий)) – личностная *координата адресанта*;

Es gibt Möglichkeiten, etwas zu verändern, wenn Sie selbst von häuslicher Gewalt betroffen sind (D. Engel: НКРЯ / ПК (немецкий)) – личностная *координата адресата*;

Es [das Kind] fängt jetzt an, sich selbst vom Rücken auf den Bauch zu drehen (Merkblatt für junge Eltern: НКРЯ / ПК (немецкий)) – личностная *координата третьего лица*;

Mich persönlich erschlägt die Überexistenz von Modeartikeln in der Metropole, ... (Dp 5 / 2007: 80) – личностная *координата адресанта*;

Es ist mir diese Nacht ausdrücklich zugesagt worden! Vom Präsidenten persönlich! (Е.-М. Remarque: НКРЯ / ПК (немецкий)) – личностная *координата третьего лица*.

Из приведенных выше примеров видно, что основное значение указательного местоимения *selbst* – усиление маркирования *личностной координаты*, репрезентированной при помощи личных местоимений или существительных, номинирующих лицо.

При эгоцентрической категоризации *Эго-пространства* еще одним дополнительным маркером *личностной координаты* является имя прилагательное *eigen* в словосочетаниях *имя существительное + имя прилагательное* (в качестве слова-сопроводителя – притяжательное местоимение или артикль):

Ich hätte aber meine eigene Meinung – личностная *координата адресанта*;

Einfach ist es nicht, du musst es aber lernen, die eigene Wut in den Griff zu bekommen – личностная *координата адресата*;

... und sie erwartete keine seelische Regung von ihm, weil ihre eigene Seele versiegelt war (P. Süskind: НКРЯ / ПК (немецкий)) – личностная *координата третьего лица*;

Dora äußert sich nicht dazu, sie hat ihre eigenen Beobachtungen, denen sie nachspürt ... (Kumpfmüller 2013: 20) – личностная *координата третьего лица*;

Die ganze Zeit hatte sie nur an sich, an ihre eigene Verlassenheit, an ihre eigene Angst gedacht (P. Süskind: НКРЯ / ПК (немецкий)) – личностная *координата третьего лица*.

Личностная координата репрезентируется в таких случаях за счет личного местоимения или существительного. Использование прилагательного *eigen* также обусловлено действием когнитивных схем *исключение – включение*, лежащих в основе категоризации *Эго-пространства* как пространства ***индивидуального, неразделимого, принадлежащего*** только индивидууму, с опорой на когнитивный механизм *спецификации*. В результате, на языковом уровне достигается максимальная степень конкретизации *личностной координаты*.

Языковой материал показывает, таким образом, облигаторность маркированности *личностной координаты* при категоризации всех сфер *Эго-пространства* в немецком языке.

Пространственная координата репрезентирует *физическое* и *ментальное* пространство (психологическое, интеллектуальное пространство, про-

странство-событие), выполняя функцию локализации. В отличие от *личностной координаты*, в рамках модели *Эго-пространства*, *пространственная координата* может быть маркированной и немаркированной.

Так, в следующих примерах *пространственная координата не маркируется*:

In Messina bescheiden alt zu werden, das ist zwar nicht dein Lebensziel (P. Süskind: НКРЯ / ПК (немецкий));

Was soll das? Mein Geburtstag wäre schon längst vorbei.

В случае маркированности *пространственной координаты* в модели *Эго-пространства*, мы выделяем:

- *здесь-координату* (выполняет функцию локализации);
- *там-координату* (выполняет функцию локализации);
- *не дифференцируемую пространственную координату*.

Не дифференцируемая пространственная координата не соотносит пространство с точками *здесь – там*, а только указывает на наличие определенного места в физическом или ментальном пространстве (психологическом, интеллектуальном пространстве, пространстве-событии). Языковыми средствами ее репрезентации в модели *Эго-пространства* в немецком языке являются имена существительные, имена прилагательные, предложные словосочетания, глаголы:

Momo schrie auf, aber sie konnte ihre eigene Stimme nicht hören (M. Ende: НКРЯ / ПК (немецкий)) – *ментальное пространство-событие* сферы *физические действия, совершаемые лично индивидуумом и доступные наблюдению*, репрезентируется акциональным глаголом;

In Grosse-Brömers Gesicht leuchtet noch die Frischluft der vergangenen Tage, ... (FA (SZ) – 03.05.2015: 5 „Der Überzeugungsprofi“) – *физическое пространство* сферы *физическое тело индивидуума* репрезентируется словосочетанием существительное + существительное;

Ich ... murmelte Ringparabel in den Kragen meines Anoraks ... (Hahn 2014: 219) – *физическое пространство сферы личные вещи человека* репрезентируется существительным с притяжательным местоимением.

При конструировании *Эго-пространства* на основании концептуальной метафоры контейнера (*Эго-пространство* концептуализируется как *вместилище с областью внутри*, отделенной четкими границами), *пространственная координата*, как правило, репрезентируется на основании противопоставления областей *внутри* и *снаружи*:

„*Ach*“, *sagte er und seine Stimme klang etwas milder*, „*Sie hat innere Verblutungen*“ (Н. Böll: НКРЯ / ПК (немецкий)).

Поскольку сфера *физическое тело индивидуума* концептуализуется как *внутренняя область*, не доступная наблюдению, находящаяся *там внутри*, считаем правомерным говорить о *пространственной там-координате*, выполняющей функцию локализации.

В следующем примере:

Egger hörte sein eigenes Herz pochen. Für einen Moment kam es ihm vor, als schlänge es nicht in seiner Brust, sondern in dem Baumstumpf unter ihm, so als ob das modrige Holz zu neuem Leben erwacht wäre (Seethaler 2014: 47), – сфера *физическое тело индивидуума* концептуализуется как *внутренняя область* (на основании *здесь-координаты*), противопоставленная *внешней области in dem Baumstumpf unter ihm*.

Формирование пространственных смыслов обусловлено действием когнитивных механизмов профилирования и концептуальной метафоры. Языковыми механизмами формирования *пространственных координат* являются номинация и использование полисемии. Языковыми средствами номинации пространственных координат выступают антонимы:

- наречия места *dort, weit (weg / entfernt) / hier, da*:

Pate Terrier hob langsam den gesenkten Kopf und fuhr sich ein paarmal mit dem Finger über die Glatze, als wolle er dort Haare ordnen (P. Süskind: НКРЯ / ПК (немецкий)) – *пространственная там-координата*;

In meinen Gedanken war ich weit weg: dort, wo mir niemand stören konnte, wo ich mich frei fühlte (*пространственная там-координата* репрезентируется, в первом случае, при конструировании сферы *физическое тело индивидуума*, во втором – при конструировании сферы *психологический мир индивидуума*);

Er ist geistig voll da (Duden 1996: 311) – *пространственная здесь-координата* репрезентируется при конструировании сферы *психологический мир индивидуума*;

Ich fühle mich wohl hier – *пространственная здесь-координата* репрезентируется при конструировании сферы *психологический мир индивидуума*;

Er ... hätte mit ihr einen Sohn gezeugt und hutschte ihn nun hier auf seinen eigenen Knien (P. Süskind: НКРЯ / ПК (немецкий)) – *пространственная здесь-координата* репрезентируется при конструировании сферы *физическое тело индивидуума*.

Использование отрицания *nicht* в сочетании с названными наречиями места меняет репрезентируемую ими *пространственную координату* на противоположную:

Langsam wachte er auf, aber er war noch nicht da (= *noch nicht wach, nicht bei Bewusstsein*) (Duden 1996: 311) – *пространственная там-координата* репрезентируется при конструировании сферы *психологический мир индивидуума*.

При категоризации *Эго-пространства* *пространственная координата*, таким образом, репрезентирует *физическое* и *ментальное* пространство и может быть, как маркированной языковыми средствами, так и немаркированной. Маркированная *пространственная координата* репрезентируется в немецком языке при помощи имен существительных, прилагательных, глаголов, наречий *пространственной семантики*.

Временная координата (*раньше – сейчас – позже*) репрезентирует *временное ментальное пространство прошлого, актуальное пространство настоящего и пространство будущего*.

Раньше-координата, сейчас-координата и позже-координата представляют при категоризации *Эго-пространства* временное ментальное пространство и репрезентируются при помощи языковых средств различных уровней. На синтаксическом уровне временные координаты маркируются при помощи временных форм глаголов. Как известно, любое высказывание в немецком языке характеризуется выраженным отношением ко времени, однако именно временные глагольные формы соотносят момент действия, события и момент концептуализации (момент речи, другая точка отсчета):

Er ist heimgegangen – *раньше-координата* сферы *физические действия, совершаемые лично индивидуумом и доступные наблюдению*, передается при помощи перфектной формы глагола в индикативе;

Dieses merkwürdige Gefühl hatte ich auch – *раньше-координата* сферы *психологический мир индивидуума* передается при помощи глагола-связки в форме претеритум индикатив;

Da muss ich schlicht antworten: Lange Zeit gab es keine (Dorn 2007: 213) – *сейчас-координата* сферы *физические действия, совершаемые лично индивидуумом и доступные наблюдению*, передается при помощи модального глагола в форме презенс индикатив;

Ich fühle mich nicht ganz wohl – *сейчас-координата* сферы *психологический мир индивидуума* передается при помощи глагола в форме презенс индикатив;

Das werde ich noch überlegen – *позже-координата* сферы *психологический мир индивидуума* передается при помощи глагола в форме футурум индикатив;

Würdest du dich der These anschließen, dass jeder gute Autor gewissermaßen Mann und Frau gleichzeitig sein muss? (Dorn 2007: 217) – синкретичная *сейчас-позже-координата* сферы *психологический мир индивидуума* передается при помощи глагола в форме кондиционалиса конъюнктива.

На лексическом уровне временная координата репрезентируется при помощи имен прилагательных с семантикой времени (*gestrig, zukünftig, heutig, damalig, aktuell, jetzig, momentan, vorig*), наречий с семантикой времени (*gestern, vorgestern, heute, morgen, übermorgen, jetzt, dann, damals, schon*), сравнительных форм прилагательных (*später, früher*), предложных словосочетаний (*zur Zeit, im vorigen Monat, in den letzten Tagen / Wochen / Monaten / Jahren /, im kommenden Jahr / Monat, in der nächsten Woche / am nächsten Tag / im nächsten Jahr / Monat, in zwei Tagen / Wochen / Jahren*). Поскольку немецкий язык является языком глагольного типа, временная координата репрезентируется данными языковыми единицами синкретично с временными формами глаголов:

Für Kinder von heute ist der eigene Geburtstag einer der schönsten Tage des Jahres, den sie mit Familie, Freunden, Kuchen und vielen Geschenken feiern (FA (SZ) – 03.05.2015: 45 „Wir hingen am Radio“) – *сейчас-координата* репрезентируется при помощи наречия времени *heute* в качестве постпозитивного определения с предлогом и глаголов в настоящем времени;

Was tust du momentan? – *сейчас-координата* репрезентируется при помощи прилагательного с семантикой времени и глагола в настоящем времени;

Was machst du morgen? – *позже-координата* репрезентируется при помощи наречия времени и глагола в настоящем времени (функция футурального презенса);

Ich schätze die Freiheit, die ich jetzt habe (SJC 2010: 31 „Die Sünderin als Superstar“) – *сейчас-координата* репрезентируется при помощи наречия *jetzt* и глагола в настоящем времени;

So manches, was ich lese in den letzten Tagen, ist mit der Würde des Amtes nicht vereinbar (SJC 2010: 31 „Die Sünderin als Superstar“) – *сейчас-координата* репрезентируется при помощи словосочетания *имя существительное + имя прилагательное*, передающего значение «длящееся некоторое время действие» и глагола в настоящем времени;

Mich wundert es aber, welch aktuelle Gedanken sie immer hat – сейчас-координата репрезентируется при помощи прилагательного *aktuell* в позиции определения и глагола в презенс индикатив в сочетании с наречием *immer*, выполняющего функцию *исторического презенса* (см. также: *sein zukünftiges Leben, ihr heutiges Benehmen, mein jetziges Gesundheitszustand, meine gestrige Stimmung*).

Дейктическими средствами репрезентации временной координаты являются указательные местоимения. Так, местоимение *dieser* в позиции слова-сопроводителя (*an diesem Tag, in diesem Monat / in diesem Moment / in diesem Augenblick / Jahr, in dieser Stunde / Woche*) маркирует *сейчас-координату*. В зависимости от значения имени существительного, репрезентируемый момент времени может быть различным по протяженности:

Ja, er vergaß an diesem Tag sogar zum ersten Mal, zur Nacht zu beten (P. Süskind: НКРЯ / ПК (немецкий));

Zum Glück kommt Willy in diesem Moment herein (E.-M. Remarque: НКРЯ / ПК (немецкий));

Wenn Egger in seinem späteren Leben an diesem Augenblick zurückdachte, kam es ihm vor, als hätten sie sich damals den ganzen Abend so gegenübergestanden: ... (Seethaler 2014: 29) – *позже-координата*, репрезентируется при помощи сравнительной степени прилагательного *später* (*in seinem späteren Leben*), противопоставляется *сейчас-координате*, репрезентируемой предложным словосочетанием *an diesem Augenblick*.

Антонимичное ему указательное местоимение *jener* является маркером *раньше-координаты*:

Jene berühmte Rede, die Bertold Brecht in Berlin hielt, ... (jener bezeichnet einen zurückliegender Zeitpunkt (Duden 1996: 788)).

Временное пространство может репрезентироваться метонимически, когда в формировании соответствующих смыслов задействован когнитивный механизм концептуальной метонимии. В рамках модели *Эго-пространства*

метонимическая модель временных координат предполагает такие концептуальные сдвиги, как *событие вместо времени, возраст вместо времени, место вместо времени, исторический период вместо времени*, то есть временная координата метонимически репрезентируется через то, что наполняет данное пространство:

Und für die Kinder, die am 8. Mai Geburtstag hatten, lief die private Geschichte mit der Weltgeschichte zusammen (FA (SZ) – 03.05.2015: 45 „Wir hingen am Radio“) – *раньше-координата* обозначается через событие, произошедшее 8 мая – капитуляцию Германии;

Schon bei meinem Wuppertal-Besuch begrub ich meinen jakobinischen Traum von einem durch Furien moralisch gefestigten Deutschland und irrte unter den Aufgescheuchten umher, für die der damalige geschichtliche Zustand eine unangenehme Unterbrechung ihres Erwerbslebens war (Schnell 1995: 30) – *раньше-координата* обозначается через событие и место – событие, произошедшее в определенном месте;

Mit neunundzwanzig Jahren hatte Egger genug Geld beisammen, um die Pacht für ein kleines Grundstück mitsamt Heuschober aufzubringen (Seethaler 2014: 31) – *сейчас-координата* обозначается через указание точного возраста говорящего;

Ich habe dort als Junge Fische, Molche und Schmetterlinge gefangen (E.-M. Remarque: НКРЯ / ПК (немецкий)) – *раньше-координата* обозначается через возраст говорящего;

Im Teenager-Alter hatte sich Liebich schon auf eine hauptamtliche Stasi-Karriere vorbereitet (FA (SZ) – 03.05.2015: 42 „Diese Namen sollten Sie sich merken“) – *раньше-координата* обозначается через возраст третьего лица;

In der DDR-Zeit konnte ich davon nur träumen – *раньше-координата* обозначается через указание на место и исторический период.

Временная координата *раньше – сейчас – позже* репрезентирует, таким образом, *пространство прошлого, актуальное пространство настоящего и*

пространство будущего. Когнитивные механизмы, формирующие временные смыслы в рамках модели *Эго-пространства*, – выбор точки отсчета, профилирование, концептуальная метонимия – определяют языковые механизмы концептуализации (номинация, семантическая сочетаемость, метонимия). Временные координаты вербализуются в немецком языке при помощи временных форм глагола, наречий пространственной семантики, имен прилагательных, существительных, числительных, причастий, указательных местоимений, используемых изолированно и синкретично. Временные координаты могут репрезентироваться и метонимически.

Таким образом, конструируя модель *Эго-пространства*, говорящий интерпретирует характер отношений (межличностных, пространственных, временных) между собой и окружающим его миром в системе координат *я – здесь – сейчас*.

В рамках эгоцентрической *личностной координаты* выделяются *координата адресанта (я-координата)*, *координата адресата (ты-координата, вы / Вы-координата)* и *координата третьего лица (он / она / оно / они-координата)*. *Пространственная координата* может быть маркированной и немаркированной. В случае ее маркированности в модели *Эго-пространства* выделяются *здесь-координата*, *там-координата* и *не дифференцируемая пространственная координата*. *Временная координата раньше – сейчас – позже* репрезентирует *пространство прошлого*, *актуальное пространство настоящего* и *пространство будущего*.

1.2. Модель частного пространства

Как отмечалось выше, одной из четырех дистанционных зон и одним из четырех типов отношений, выделяемых в рамках проксемики, является *интимная дистанция*, рассматриваемая как эмоционально заряженная зона общения между самыми близкими людьми [Hall 1969: 116-125]. С тезисами прок-

семики перекликаются данные психологических исследований пространственных пределов, организованных вокруг так называемой *жизненной сферы индивида* – *личного*, или *персонального* пространства индивида («*personal space*») [Slane 1981]. Внутри этого пространства, психологического по своей сути, исследователи традиционно выделяют *домашнюю* территорию (наряду с интеракциональной и общественной).

В рамках теории «пластовой модели отношений», развиваемой в социологии и социолингвистике, среди 4 типов *личного пространства* индивида, характеризующих взаимоотношения между людьми, и 4 видов дистанций С.Ф. Загер выделяет *личную дистанцию*, как некое расстояние, на которое индивид готов сблизиться с окружающими его близкими людьми [Sager 1985: 200]. Теории С.Ф. Загера созвучна идея о вычленении *мира*, окружающего человека и находящегося в непосредственной близости с ним – «*вокруг-мира*» (*Umwelt*), равно как и *мира*, сосуществующего с человеком – «*со-мира*» (*Mitwelt*) (в противоположность «чужому» миру (*Fremdwelt*) и миру вообще (*Welt*)) [Ohle 1978: 17]. В работах этих немецких авторов представлены минимальные и максимальные расстояния, физически разделяющие коммуникантов при различных видах контактных дистанций (термин «контактные дистанции» связан с таким понятием, как «социальная территория» (в терминологии Э. Гоффмана), членимая на фиксированные, ситуативные и эгоцентрические территории (см. подробнее: [Goffman 1972: 52 и далее]).

В настоящем разделе анализируются особенности языковой категоризации такой фиксированной территории, или пространства, которая ограничивается домом человека (в широком смысле этого слова), и психологического пространства, которое «заполняют» родственники, друзья конкретного человека – то, что в немецком этнокультурном сообществе обозначается как *privat*.

Как показывает проведенное исследование, второй моделью пространства, следующей за *Эго-пространством* по степени удаленности от индивидуума, является *приватное пространство*. В настоящей работе мы исходим из

того, что в основе моделирования *приватного пространства* в немецком языке лежит противопоставление следующих концептов:

(1) INDIVIDUELL и GEMEINSAM, ключевыми характеристиками которых являются «*индивидуальный, принадлежащий отдельному живому существу, лично человеку, отдельной личности*» и «*совместный, включающий другие лица*»;

(2) PRIVAT и ÖFFENTLICH, ключевыми характеристиками которых являются соответственно «*частный, личный, доверительный, неофициальный, семейный, домашний*» и «*общедоступный, общественный, официальный, публичный, касающийся всех, государственный, городской, общеизвестный*».

Приведем некоторые данные авторитетных немецких словарей, дающих дефиниции ключевых лексем *privat*, *Privatperson*, *öffentlich* и *Öffentlichkeit*:

- privat [zu lat. *privatus* „gesondert, für sich stehend“] – *die eigene Person angehend, persönlich; vertraulich; nicht öffentlich, außeramtlich; familiär, häuslich* (MGTL 1995 (Bd. 17): 282),

- *außeramtlich, nicht öffentlich, persönlich, vertraulich; nicht staatlich* (Wahrig 2008: 797),

- (1) *nur die eigene Person angehend, betreffend; persönlich; durch persönliche, vertraute Atmosphäre geprägt; familiären, zwanglosen Charakter aufweisend; ungezwungen, vertraut*; (2) *nicht offiziell, nicht amtlich, nicht geschäftlich; außerdienstlich*; (3) *nicht für alle, nicht für die Öffentlichkeit bestimmt; der Öffentlichkeit nicht zugänglich; nicht von einer öffentlichen Institution, einer öffentlichen Körperschaft getragen, ausgehend, nicht ihr gehörend, nicht staatlich; einem Einzelnen gehörend, von ihm ausgehend, getragen* (Duden 1996: 1181);

- Privatperson – *Person außerhalb des behördlichen oder staatlichen Lebens* (Wahrig 2008: 797); *in privater Eigenschaft, nicht im Auftrag einer Firma, Behörde o.ä. handelnde Person* (Duden 1996: 1182).

öffentlich – (1) *staatlich, städtisch, der Gemeinde gehörend*; (2) *allgemein allen zugänglich*; (3) *allgemein bekannt, alle betreffend* (Wahrig 2008: 754),

- (1) *für jeden hörbar und sichtbar; nicht geheim*; (2) *für die Allgemeinheit zugänglich, benutzbar*; (3) *die Gesellschaft allgemein, die Allgemeinheit betreffend, vor ihr ausgehend, auf sie bezogen; die Verwaltung eines Gemeinwesens betreffend; kommunal* (Duden 1996: 1096);

- (1) *vor aller Welt*; (2) *amtlich* (Duden. Bd. 8 1989: 490);

Öffentlichkeit – *die Leute, das Volk, alle anderen Menschen, das Publikum* (Wahrig 2008: 755),

- (1) *als Gesamtheit gesehener Bereich von Menschen, in welchem etwas allgemein bekannt [geworden] und allen zugänglich ist*; (2) *das Öffentlichsein; das Zugelassensein für die Öffentlichkeit* (Duden 1996: 1096),

- *Allgemeinheit, Bevölkerung, Gesellschaft (die breite Öffentlichkeit, in / vor aller Öffentlichkeit, im Licht der Öffentlichkeit stehen)*; *Gegensatz zum: Privatleben* (Duden. Bd. 8 1989: 490).

В основе эгоцентрической категоризации *приватного пространства* лежат, таким образом, такие ключевые характеристики концепта PRIVAT, как «частный, личный, семейный, домашний, доверительный, неофициальный».

Следовательно, **когнитивным основанием вычленения приватного пространства** в структуре пространства, окружающего человека, в немецком языке является, с одной стороны, четкое противопоставление пространства *индивидуального, неразделяемого и разделяемого* (граница между *Эго-пространством* и *приватным пространством*) и разграничение *сферы частной жизни* и *сферы общественной, профессиональной жизни* в сознании индивидуума (граница между *приватным пространством* и *социальным пространством*).

Проведенное исследование позволяет также говорить о таком **когнитивном основании** эгоцентрической категоризации приватного пространства в немецком языке, как **осознание наличия довольно четкой границы**, отделя-

ющей данное пространство как *частную, семейную, домашнюю, неофициальную территорию* от других типов пространства индивидуума. Речь идет о вычленении *приватной сферы жизни* человека, или того, что в немецком языковом сообществе обозначается как *Privatleben / Privatsphäre / private Sphäre*. Лексикографический анализ показывает, что уже в семантике имени существительного *Sphäre* заложено значение *ограничения* – это определенная область, территория, окружающая кого-либо или что-либо (*Bereich, der jmd., etw. umgibt* (Duden 1996: 1431)). *Приватная сфера* представляет собой «*ограниченную сферу (область) личной жизни человека – ganz persönlicher Bereich* (Duden 1997: 1182), *abgeschirmter Bereich des persönlichen Lebens* (Wahrig 2008: 797):

Solche Frage würde ich nicht beantworten. Es wäre doch privat! (LK);

Warum interessieren Sie sich so dafür? Das wäre doch eine Privatsphäre! (LK);

Mein Privatleben geht ihm nichts an!

В немецком языковом сообществе *частная жизнь* человека / *Privatleben* рассматривается как довольно жестко отграниченная от общественной, профессиональной сферы его жизни, что находит свое непосредственное отражение в языке:

Privatleben – vom öffentlichen, beruflichen Leben getrennter, persönlicher Lebensbereich (Wahrig 2008: 797); *im privaten Bereich, außerhalb der Öffentlichkeit oder der beruflichen Arbeit geführtes Leben* (Duden 1996: 1182));

Das geht niemanden an, denn es ist doch sein Privatleben! (LK);

Das Buch ist eine private Angelegenheit von Herrn Dr. Sarrazin. Er äußert darin seine persönliche Meinung. Diese steht nicht im Zusammenhang mit seiner Tätigkeit als Vorstandsmietglied der Bundesbank (SJC 2010: 160 „Eine Art Massenhysterie“).

Следующим когнитивным основанием при конструировании приватного пространства является осознание и вычленение индивидуумом *круга*

близких лиц, объединенных с ним общностью семейно-бытовых и дружеских отношений. Как показывает анализ, данный тип пространства человека категоризуется как **разделяемое индивидуальное пространство**, поскольку оно конструируется именно на основе включения определенного, ограниченного круга лиц:

Familienkreis – Gruppe der Mitglieder einer Familie (Duden 1996: 484);

Freundschaft – auf gegenseitiger Zuneigung beruhendes Verhältnis von Menschen zueinander (Duden 1996: 539);

Das Wichtigste ist, dass Sie von den Personen in Ihrem ... privaten Umfeld verstanden werden (Lutz 2010: 10).

На основании интерпретации характеристик *индивидуальное неразделяемое – разделяемое*, осуществляемой с опорой на когнитивные схемы *исключение – включение*, *приватное пространство* конструируется как пространство *разделяемое*.

Приватное пространство конструируется в немецком языке как *закрытое*, субъективное *пространство-вместилище* с *внешними и внутренними границами*, в которое включены родственники, друзья, а также объекты, субъекты, события и артефакты, связанные с такими *приватными* сферами жизнедеятельности индивидуума, как *семья, дом, дружба*. Внешние границы отделяют *приватное пространство* от *Эго-пространства* и *социального пространства*. На основании интерпретации внутренних границ внутри модели *приватного пространства* выделяются три сферы, которые членятся по горизонтали на основе когнитивных схем *внутри – снаружи* и по вертикали на основе когнитивных схем *иерархичность – равноправие*:

- *дом, пространство внутри и вокруг дома, квартира, комната, участок земли как частная территория, машина* (физическое пространство);

- *сфера родственные отношения* (ментальное пространство);

- *сфера дружеские отношения* (ментальное пространство).

При эгоцентрической категоризации *приватного пространства* структурирующими концептами выступают операционные концепты HAUS, FAMILIE и FREUNDSCHAFT.

Перечисленные смыслы и характеристики формируются на основе действия когнитивных механизмов *выбора точки отсчета, профилирования, когнитивная метафора, генерализация, конкретизация, перспективизация и фокусирование*. Языковые механизмы – *номинация, дейксис, использование словообразования, словосложения, семантической сочетаемости* – обуславливают использование таких конкретных языковых единиц, как имена существительные, имена прилагательные, глаголы, местоимения, артикли для репрезентации различных сфер модели *приватное пространство* в немецком языке.

Внутри *приватного пространства* вычленяется сфера *дом, квартира, пространство внутри и вокруг дома (сад, дорога к дому), участок земли как частная территория (лес, поле и т.д.), машина как конкретный объект, пространство внутри машины*. Данная сфера конструируется как *пространство-вместилище с четкими границами*, имеющее область *снаружи и внутри* и *принадлежащее* конкретному лицу (*неразделяемое пространство*) или группе лиц (*разделяемое пространство*). Данная характеристика передается при помощи существительных, номинирующих конкретное физическое место в пространстве (*Garten (Blumengarten, Gemüsegarten, Obstragten, Gartenhaus), Grundstück, Haus, Heim, Bude (Studentenbude), Wohnung, Villa, Zimmer, Zuhause*), фразеологизмов *Haus und Hof (Er hat Haus und Hof verspielt), Haus und Herd (Haus und Herd hat er schon)*, словосочетаний (*private Wohnung, privates Haus, privater Weg*):

Ist es Ihr Grundstück?

Wir haben ein eigenes Haus;

Für meine Studentenbude bezahle ich 300 Euro kalt (LK);

Im Frühling blühen in unserem Garten Krokussen aller Farben;

Sie saß in ihrem Auto und wartete (LK);

"*Leider habe ich nicht Bargeld genug zur Hand ... – doch mein Haus, meine Beszung*" – und er wies mit einer ungeschickten Bewegung rings im Kreise umher (Schnitzler: НКРЯ / ПК (немецкий)).

В семантике лексемы *Grundstück* заложено значение ограниченный участок земли, являющийся чьей-либо собственностью (*abgegrenztes Stück Land, das jemandes Eigentum ist* (Duden 1996: 639); *abgegrenztes, in jmds. Eigentum befindlich Stück Boden* (Wahrig 2008: 456)).

В семантике лексем *Garten* (*abgegrenztes Gelände zum Anbau von Nutz- oder Zierpflanzen* (Wahrig 2008: 397), [*kleineres*] *begrenztes Stück Land [am, um das Haus] zur Anpflanzung ...* (Duden 1996: 560)) и *Haus* (*Gebäude, in dem man wohnt ...* (Wahrig 2008: 480)), выделяются такие основные компоненты, как "ограниченный участок земли, используемый для определенных целей" или "помещение, в котором живут". Следовательно, данная сфера *приватного физического пространства* категоризуется как *закрытое* пространство с четкими границами (в данном случае речь идет о физически существующих границах), принадлежащее конкретному лицу или группе лиц.

Следующим языковым маркером того, что данное пространство категоризуется как *закрытое пространство-вместилище*, является предлог места *in* в сочетании с дательным падежом (*in unserem Garten, in ihrem Auto*), значение которого сводится, в том числе, к указанию на нахождение кого-либо или чего-либо внутри какого-то помещения, места, пространства (Duden 1996: 756)). Отношения *принадлежности* передаются в данном случае при помощи притяжательных местоимений в единственном и множественном числе.

При конструировании данной *сферы приватного пространства* характеристики *принадлежности, разделяемости / неразделяемости* передаются при помощи притяжательных и личных местоимений, указательных местоимений в косвенном падеже (*dessen, deren*), имен существительных, номинирующих лицо, имен прилагательных и глаголов с семантикой принадлежности.

Характеристику *принадлежности* репрезентируют указательные местоимения в косвенном падеже и притяжательные местоимения; характеристика *разделяемости* передается при помощи инклюзивных форм местоимений множественного числа (*deren* (мн. число); *unser, euer, unser, Ihr* (при условии множественного адресата)), *неразделяемости* – единственного числа (*dessen, deren* (ед. число); *mein, dein, sein, ihr, Ihr* (при условии единичного адресата)):

Der Kommandant ließ den Rolls-Royce aufs Genaueste untersuchen, dann die Strecke, die Kohler zurückgelegt hatte, ferner dessen Villa, ... (F. Dürrenmatt: НКРЯ / ПК (немецкий));

Ihr Haus haben sie 3 Jahre lang gebaut;

Alle sollten diese herrliche Pflanze sehen. In unserem Haus (Hahn 2014: 193);

Das ist also unser neues Heim (M. Ende: НКРЯ / ПК (немецкий));

„Hallo“, murmelte Max nur und ging in sein Zimmer (D. Engel: НКРЯ / ПК (немецкий));

Zu Hause wollte die Großmutter mit der Blume gleich in ihr Schlafzimmer, das jetzt, ohne das Bett des Großvaters, seltsam geräumig wirkte (Hahn 2014: 193);

Der Weg zu seinem Zimmer führte ihn an der nach eingelegten Essiggurken riechenden Wohnstube der Pensionswirtin vorbei (Seethaler 2014: 81).

Личные местоимения с предлогами в функции определения в постпозиции репрезентируют характеристику *принадлежности*; характеристика *разделяемости* передается инклюзивными местоимениями множественного числа (*wir, ihr, sie, Sie* (при условии множественного адресата)) в косвенном падеже; характеристика *неразделяемости* – местоимениями единственного числа (*mein, dein, sein, ihr, Ihr* (при условии единичного адресата)):

Das Haus von euch ist sehr gemütlich. Und dann noch dieser schöne Blick;

Die neue Wohnung von ihr habe ich noch nicht gesehen.

Имена существительные, номинирующие лицо / лица, чье приватное пространство категоризуется (в качестве определения в пре- и постпозиции),

также репрезентируют характеристику *принадлежности* и *разделяемости* / *неразделяемости* в зависимости от числа:

Der Garten meiner Eltern ist ein Mustergarten für mich (характеристики *принадлежности* и *разделяемости*);

Das Arbeitszimmer meines Vaters durfte ich nicht betreten (характеристики *принадлежности* и *неразделяемости*);

Ich rannte in Henriettes Zimmer hinauf, riss das Fenster auf, ... (H. Böll: НКРЯ / ПК (немецкий)) (характеристики *принадлежности* и *неразделяемости*);

Schon hatte das „Geffken weg, hat kein Zweck“ einiges an Lautstärke und Geschlossenheit verloren, zu gespannt verfolgten die Rüpel, was wir in des Lehrers Vorgarten trieben (Hahn 2014: 229) (характеристики *принадлежности* и *неразделяемости*);

Der Kommandant ließ den Rolls-Royce aufs Genaueste untersuchen, dann die Strecke, die Kohler zurückgelegt hatte, ferner dessen Villa, ... das Zimmer der Köchin, die Wohnung des Chauffeurs in der Freiestraße (F. Dürrenmatt: НКРЯ / ПК (немецкий)) (характеристики *принадлежности* и *неразделяемости*).

Имя прилагательное с семантикой принадлежности *eigen, privat* в сочетании с существительными, номинирующими сферу *дом, квартира, пространство внутри и вокруг дома, участок земли как частная территория, машина как конкретный объект, пространство внутри машины* также репрезентируют характеристику *принадлежности* и *разделяемости* / *неразделяемости* в зависимости от единичности / множественности субъекта, чье приватное пространство категоризуется:

Wir haben ein eigenes Haus in Weimar (характеристики *принадлежности* и *разделяемости*);

Wie schön es doch war, im eigenen Haus zu sein; soviel Behagen hatte sie während der ganzen Reise nicht empfunden, nicht einmal in Sorrent (Th. Fontane: НКРЯ / ПК (немецкий)) (характеристики *принадлежности* и *неразделяемости*);

Mit meinem Dienstauto fahre ich nur in der Woche. Am Wochenende fahre ich selbstverständlich nur mit dem privaten Auto (характеристики принадлежности и неразделяемости).

Характеристика *принадлежности* передается при помощи глаголов с семантикой принадлежности с обязательным указанием на лицо, чье приватное пространство категоризуется:

Dieses Auto gehört meiner Schwester;

Sie haben einen schönen Garten.

Следовательно, сфера *пространство внутри и вокруг дома, квартира, комната, участок земли как частная территория, машина* конструируется на основании интерпретации характеристик *неразделяемое – разделяемое* с опорой на когнитивные схемы *исключение – включение*. Данная сфера *приватного пространства* конструируется в немецком языке как субъективное физическое *закрытое пространство-вместилище*, имеющее область *снаружи и внутри* и *принадлежащее* конкретному лицу (*неразделяемое пространство*) или группе лиц (*разделяемое пространство*).

Перечисленные смыслы формируются на основе действия когнитивных механизмов *выбора точки отсчета, профилирования, когнитивной метафоры, генерализации, конкретизации, перспективизации и фокусирования*. Языковые механизмы – *номинация, синонимия, дейксис, словообразование, словосложение, семантическая сочетаемость, фразеологизация* – обуславливают использование конкретных единиц немецкого языка – имена существительные, имена прилагательные, глаголы, местоимения, артикли, фразеологизмы – для репрезентации сферы *пространство внутри и вокруг дома, квартира, комната, участок земли как частная территория, машина* модели *приватное пространство*.

Следующей сферой, вычленяемой в структуре *приватного пространства*, и конструируемой на основе интерпретации отношений *родства*, явля-

ется сфера **родственные отношения**. В данном случае речь идет о *ментальном пространстве* как пространстве, которое конструируется человеком на основе противопоставления характеристик *являющийся родственником – не являющийся родственником*.

Сфера родственные отношения как *ментальное приватное пространство* выделяется на основе характеристики *являющийся родственником* (*verwandt sein*), которая передается в немецком языке при помощи имен существительных-терминов родства, прилагательных и существительных, номинирующих степень родства:

Familie (Familienangehörige, Familienbesitz, Familienkreis, Familienmitglied, Familienoberhaupt, Familienverhältnisse, Familienleben, Familienzuwachs), Eltern, Vater / Familienvater, Mutter, Frau, Mann, Kinder, Sohn, Tochter, Oma, Großmutter, Opa, Großvater, Großeltern, Enkelkind, Enkel, Enkelin, Urenkel, Ur-enkelin, Ehe, Anverwandter, (Bluts)verwandter, Verwandtschaft, Verwandtenkreis, Verwandtschaftsverhältnis, Vorfahr, Ahn, Ahnherr, Urgroßvater, Urgroßmutter, Nachkomme, Abkömmling, Abkomme, Nachfahr(e), familiär, verwandtschaftlich, verwandt, verheiratet.

Как отмечалось выше, в настоящем исследовании мы исходим из того, что в основе конструирования сферы *родственные отношения* внутри модели *приватное пространство* в немецком языке лежит концепт FAMILIE. Семья представляет собой *социальную субкультурную группу*, объединенную на основе родства. Вместе с тем, правомерна и трактовка семьи как *социального конструкта*, когда социальный институт семьи рассматривается в качестве продукта работы государства по *институционализации* общества [Бурдые 2007: 98, 120 и далее]. В любом случае, особенности внутрисемейной структуры, статус семьи как социальной группы зависят от национально-культурной специфики определенного лингвокультурного сообщества.

В немецком лингвокультурном сообществе существует узкое и широкое понимание семьи как социальной группы, что находит свое отражение в языке.

Например, в узком смысле под семьей понимают общность, сообщество, состоящее из родителей и детей (*Familie – aus einem Elternpaar und mindestens einem Kind bestehende Gemeinschaft* (Duden 1996: 484); *Eltern und Kinder* (Wahrig 2008: 348)). В данном случае речь идет о *ядерной семье*, наличие которой предполагает определенный социальный статус и степень ответственности:

Und wer riskiert schon seine Job. Ich verstehe das auch, besonders, wenn es sich nicht um Einzelkämpfer sondern um Menschen mit Familie handelt, für die sie verantwortlich sind (Krone-Schmalz 2015: 96).

Обязательным условием наличия семьи является, таким образом, не только брачный союз между супругами, но и наличие ребенка (детей). Подобную облигаторность можно проследить в следующих примерах:

Karriere machen ist für mich sehr wichtig aber auf jeden Fall möchte ich später heiraten und Kinder haben. Also Familie haben (LK);

Erst nach dem Kriegsende haben meine Großeltern eine Familie gegründet (LK) (*eine Familie gründen – heiraten und Kinder bekommen* (Wahrig 2008: 348));

Liebe Annette, lieber Uwe,

ich weiß genau, wie sehr Ihr euch einen Sohn gewünscht habt. Endlich könnt Ihr euren Martin in die Arme schließen und das Glück einer Familie genießen (из письма-поздравления друзьям по случаю рождения сына);

Uta stammt aus einer klassischen Akademikerfamilie: der Vater Jurist, die Mutter Altphilologin (Dorn 2007: 44).

Следовательно, использование говорящим номинативных единиц с семантикой ближайшего родства (*Eltern, die Alten* (ugs.), *die alten Herrschaften, Elternteil, Vater, Papa, Paps, Daddy, Familienvater; Mutter, Mama, Mami, Mutti; Ehepaar, Eheleute, Vermählte, Mann und Frau, Verheiratete, Ehegespann; Ehemann, Mann, Gatte, Gemahl, Ehepartner, Angetrauter, Lebensgefährtin, Lebenskamerad, Weggefährtin, Eheliebster, Ehekrüppel; Ehefrau, Frau, Gattin, Gemahlin, Angetraute, Lebenskameradin, Weggefährtin, Eheliebste, Weib, bessere / schönere*

Hälfte; Geschwister, Bruder, Schwester, Zwillinge; Kind, Tochter, Töchterchen, Töchterlein; Sohn) и импликация характеристики принадлежности в посессивных конструкциях (при помощи притяжательных и личных местоимений, имен существительных в функции определения или нулевого артикля, когда термины родства функционируют как имена собственные) позволяют говорить о включенности того или иного лица в такую сферу *приватного пространства* человека, как *родственные отношения*:

Seit Jahren wohnte sein Vater im fünften Bezirk, in der Rüdigersgasse (Glavic 2009: 13);

Aber für meinen Papa ... und alle anderen Menschen bin ich gerade richtig so, wie ich bin (Kruse 2011: 102);

Seit Mutter gestorben war, wollte Vater es sich überdies bequem machen (Glavic 2009: 13);

Franz' Mutter hatte ein gehobeltes Brett auf den Tisch gelegt und walkte Nudelteig (Andersch 1980: 122);

Und als seine Frau wissen wollte, aus welchem Grund er den Baum so unbedingt schonen wolle, sagte er gereizt, daß der „Geist des Baumes“ ihn jederzeit gut beraten habe (Lenz 2006: 27);

«Hütte dich im Leben vor den Karriere-Machern, mein Sohn!» sagte er feierlich (Andersch 1980: 61).

В широком смысле под семьей понимается группа (кровных) родственников (*Gruppe aller miteinander [bluts]verwandten Personen*) (Duden 1996: 484); род, клан, все родственники (*Sippe* (Duden 1996: 484); *Geschlecht, Sippe, alle Verwandten* (Wahrig 2008: 348)). В таких случаях правомерно говорить о *расширенной семье*:

Vater, ... wir haben hier heute so heiter beieinander gesessen, ..., wir waren stolz und glücklich in dem Bewusstsein, etwas geleistet zu haben, etwas erreicht zu haben ... unsere Firma, unsere Familie auf eine Höhe gebracht zu haben (Th. Mann. НКРЯ / ПК (немецкий)).

Следовательно, различные номинативные единицы с семантикой родства, используемые в посессивных конструкциях (слова-сопроводители – притяжательные и личные местоимения, имена существительные в функции определения, нулевой артикль), также свидетельствуют о включенности тех или иных лиц в *сферу родственные отношения частного пространства* индивидуума:

Ich weiß nicht mehr viel. Oma starb, als ich ganz klein war, und als Opa starb, war ich auch erst zehn oder so (Krohn 2011: 56);

Zwischen Uta und der Stiefmutter herrschte Krieg auf den ersten Blick (Dorn 2007: 44);

Paul hatte ... als Student nicht einmal Markenjeans getragen, obwohl er eine Tante im Westen hatte (Aenlich 2007: 21).

На основе противопоставления характеристик *симметричность – асимметричность, равноправие – иерархичность (доминирование)* выбираются соответствующие языковые формы, являющиеся маркерами симметричных / асимметричных отношений (возрастных, позиционных, гендерных) внутри сферы *родственные отношения модели частного пространства*. В этой связи можно говорить об эгоцентрической категоризации отношений между индивидуумами, входящими в данную сферу, при помощи языка на основе трехмерной модели, основными характеристиками которой являются:

- *возрастной статус* (ребенок – взрослый; симметричность – асимметричность возрастных статусов);
- *степень родства*;
- *гендерный статус*.

Меняться, по понятным причинам, могут только две первых характеристики (оставим за рамками исследования крайние случаи искусственного изменения биологического пола и следующее за этим изменение гендерного статуса, имеющие место в Германии и в мире в целом). Каждая из характеристик,

лежащих в основе построения предлагаемой трехмерной модели, репрезентирована в языке. Так, лексические единицы, обозначающие степень родства, possessивные конструкции, включающие в себя данные единицы в сочетании с притяжательными или личными местоимениями, артиклями, прилагательными, актуализируют информацию о всех трех характеристиках (*mein Onkel – взрослый родственник (брат моей матери или моего отца), мужчина; seine Oma – взрослая родственница (мать моего отца или моей матери), женщина; ihre kleine Schwester – родственник-ребенок (дочь моей матери и / или моего отца), девочка* и т.д.).

Конструирование данной сферы приватного пространства осуществляется на основе эгоцентрической интерпретации отношений *асимметричности* и *симметричности*, *иерархичности* (доминирования) или *равноправия*:

Jemand, der ..., fordert im Hochstatus die eigenen Kinder auf, endlich ihr Zimmer aufzuräumen ... (Lutzer 2010: 9).

Как показывает опрос информантов, в Германии до сих пор есть семьи, в которых дети обращаются к родителям, дедушкам и бабушкам, используя местоименное обращение *Sie*:

- *Opa, ich habe Sie doch gestern angerufen. Ich wollte Ihnen nur sagen, dass ich heute gegen vier vorbeifahre.*

- *Es kann wohl sein, dass ich draußen war und das Telefon nicht gehört habe. Desto mehr freue ich mich auf deinen Besuch, Schatz!*

В данном случае правомерно говорить об интерпретации отношений *асимметричности*, *иерархичности*, о чем свидетельствуют семантико-функциональные особенности дистанцированно-вежливой формы местоименного обращения *Sie* и нейтральной формы *du (dein)* (сфера *родственные отношения* представлена лексемой *Opa*). В большинстве семей дети обращаются к старшим родственникам, используя местоимение *du* и классическое обращение – термин родства – по отношению к родителям (*Vater (Papa, Vati, Daddy)*, *Mutter (Mama, Mami, Mutti)*), бабушке или дедушке (*Opa, Opi, Oma, Omi*):

Papa, bist du da? (Glavic 2009: 14);

Mami, Telefon!

Liebe Mutti, wir fühlen uns alle immer sehr wohl bei dir! (LK).

Использование подобных форм является примером интерпретации отношений *симметричности*, с одной стороны (см. семантико-функциональные особенности формы местоименного обращения *du*), и отношений *асимметричности*, с точки зрения позиционного статуса (см. семантику терминов родства).

Кроме того, в некоторых семьях дети и родители используют личные имена в качестве формы обращения друг к другу, отказываясь от традиционных номинаций – терминов родства:

Andrea, kannst du mich heute ausnahmsweise zur Uni fahren? (обращение сына к матери).

Как правило, инициатива в таких случаях исходит от родителей, которые объясняют свое решение стремлением к равноправию в семье. Следовательно, здесь правомерно говорить о конструировании приватного пространства на основе интерпретации отношений *симметричности, равноправия*.

При эгоцентрической категоризации пространства использование данных номинаций, в соответствии с их семантикой, является языковым маркером включенности лиц, событий, отношений, действий в сферу *родственные отношения приватного пространства*, конструируемую как *пространство, разделяемое индивидуумом с определенным множеством лиц*.

Характеристика *принадлежности* передается при помощи притяжательных, указательных, личных местоимений, имен существительных в функции определения:

- притяжательные местоимения:

Ein Vater hutscht seinen Sohn auf den Knien, duziduzi, es ein Bild so alt wie die Welt und immer ein neues und richtiges Bild, solange die Welt bestand, ach ja! (Süskind: НКРЯ / ПК (немецкий));

Von Geschlecht zu Geschlecht haben meine Vorfahren hier gewohnt, ... (Meyrink: НКРЯ / ПК (немецкий));

Was würde hier hinter ihrem Namen; den sie von ihrer Großmutter Antoinette empfangen hatte, in Zukunft noch zu berichten sein (Th. Mann: НКРЯ / ПК (немецкий));

- указательные местоимения:

Die wirklichen Profis für die Erziehung eines Kindes sind dessen Eltern (Dp 5 / 2007: 15 „Mehr Staat für kleine Kinder“);

Bisweilen begleitete ich Doris und deren Mutter in diese Buchhandlung (Hahn 2014: 388);

- личные местоимения:

Der Bruder von mir hat auch in dieser Schule gelernt;

Eine Cousine von ihm kommt aus Sachsen-Anhalt;

- существительные в функции определения в пре- и постпозиции:

Na endlich, sagte Georgs Mutter statt einer Begrüßung (Hahn 2014: 298);

... was ich, der Sohn meines Vaters, an diesem verdammtten Orte leiden muß, ... (Th. Mann: НКРЯ / ПК (немецкий)).

Сфера *родственные отношения частного пространства* концептуализируется и за счет имен прилагательных с соответствующим компонентом «родственные связи» (*familiär, verwandtschaftlich, verheiratet, verwandt*). Данные языковые единицы также репрезентируют сферу *родственные отношения как ограниченное разделяемое пространство*:

Sind Sie verwandt mit dem Braunkohlenschiers (H. Böll: НКРЯ / ПК (немецкий)) (*verwandt – zur gleichen Familie gehörend* (Duden 1996: 1674));

Er war verheiratet und besaß sogar eine kleine Tochter (Th. Mann: НКРЯ / ПК (немецкий)) (*verheiraten – eine Eheliche Verbindung eingehen* (Duden 1996: 1647));

Ja, wir sind miteinander verwandtschaftlich verbunden aber eine innere Verbindung hat mir da immer gefehlt (verwandtschaftlich – auf Verwandtschaft, Verwandtsein gegründet (Duden 1996: 1674));

Ich habe momentan nur familiäre Sorgen (familiär – die Familie betreffend (Duden 1996: 484)).

Дополнительными языковыми средствами конструирования сферы *родственные отношения частного пространства* как *разделяемого закрытого пространства, имеющего границы*, являются предлоги *mit* и *in* с дательным падежом:

Als einzige im Dorf hatte sie, das erzählte man in der Familie immer wieder, nach dem Verbot noch zweimal die Kirchenfahne rausgehängt (Hahn 2014: 96);

Wir sind mit einander verwandt. Aber nur entfernt (LK).

В приведенных выше примерах характеристика *разделяемое ограниченное пространство* усиливается за счет использования предлога *mit*, передающего значение *общности, взаимодействия, совместного действия (drückt die Gemeinsamkeit, das Zusammensein, Zusammenwirkung mit einem oder mehreren anderen bei einer Tätigkeit oder Ähnlichem aus (Duden 1996: 1022))* и местоимения *einander (einer dem / den andern, gegenseitig, wechselseitig (Duden 1996: 394))*.

Сфера *родственные отношения* конструируется как субъективное ментальное пространство-вместилище с четкими границами, которые осмысливаются и интерпретируются на основании когнитивных схем *внутри – снаружи*. Языковыми маркерами репрезентации характеристики *ограниченное от посторонних пространство* выступают глаголы и существительные с семантикой разграничения (*abgrenzen, betreffen, angehen*), присоединения (*einbeziehen, sich einschließen, Familienanschluß*), нарушения границ (*sich einmischen*), *scheiden, sich trennen*), включенности (*gehören*):

Was in der Familie geschieht, gilt als Privatangelegenheit, in die sich niemand einmischen möchte (D. Engel: НКРЯ / ПК (немецкий)).

Данная сфера концептуализуется как *разделяемое, закрытое, закрытое* для посторонних, т.е. не членов семьи, пространство, в жизнь которого никто не хочет вмешиваться (*так принято*). Языковым маркером *нарушения границы*, а, следовательно, ее наличия (граница между ментальным приватным пространством семьи и другими людьми, не входящими в это пространство), является глагол *sich einmischen*, основным семантическим компонентом является *принимать участие в чем-то, к чему не имеешь отношения, что тебя не касается* (*sich (redend oder handelnd) mit etwas befassen, an etw. beteiligen, womit man eigentlich nichts zu tun hat, was einen nicht betrifft* (Duden 1996: 405)).

В следующем примере:

Das betrifft nur meine Familienangehörige (LK), – сфера *родственные отношения* также представлена как *разделяемое закрытое пространство, имеющее четкие границы*, в данном случае – входящих в это пространство людей, на что указывает семантика существительного *Familienangehörige*. Маркером наличия границы является глагол *betreffen* – *касаться кого-либо* (*jemanden angehen* (Duden 1996: 248)) и модального наречия образа действия *nur* с семантикой *ограничения одной области и исключения других областей* (*drückt aus, dass sich etwas ausschließlich auf das genannte beschränkt* (Duden 1996: 1089)). Характеристика *принадлежности* передается за счет притяжательного местоимения *mein*.

В примере:

Sein Familienleben geht dir nichts an (LK), – маркером сферы *родственные отношения* и характеристики *разделяемое закрытое пространство, имеющее границы*, выступает сложное существительное *Familienleben*; приватная сфера третьего лица (*sein Familienleben*) противопоставляется приватной сфере адресата (*geht dir nichts an*).

В следующем примере:

Er gehört zu unserer Familie (МК), –

характеристики *закрытости* и *принадлежности* актуализируются при помощи глагола *gehören (zu Dativ)*, передающего значение *включенности в определенную группу, принадлежность группе (Glied oder Teil eines Ganzen sein, zu etwas zählen (Duden 1996: 578))* и притяжательного местоимения *unser*.

Как отмечалось выше, *приватное пространство* категоризуется в немецком языке как *вместилище*, как пространство *разделяемое* и *закрытое*. О закрытости сферы *родственные отношения*, о профилировании границы свидетельствует и семантика таких сложных существительных, как *Familienleben, Privatleben, Privatsphäre, Familienkreis, Familienangehörige, Familienverhältnisse, Familienangelegenheit*:

Das kann ich mir gar nicht vorstellen, denn ich lebte in geordneten Familienverhältnissen (LK) (Familienverhältnisse – die in einer Familie herrschenden Lebensumstände, Zustand des Familienlebens (Wahrig 2008: 349));

Seine Lebensweise ist seine private Sache und Familienangelegenheit (Familienangelegenheit – Angelegenheit, die die Familie betrifft ((Duden 1996: 484));

Wir müssen seine Familienangehörigen benachrichtigen (LK); Was sagen deine Familienangehörigen dazu? (Familienangehörige – Verwandter, der dem nächsten Familienkreis angehört (Duden 1996: 109));

*Das würde ich hier nicht besprechen. Das bleibt im Familienkreis; Meinen Geburtstag würde ich im engsten Familienkreis feiern (Familienkreis – Kreis der (nächsten) Angehörigen (Wahrig 2008: 348); Gruppe der Mitglieder einer Familie (Duden 1996: 484); характеристика *закрытое, ограниченное пространство-вместилище* передается в данном случае и при помощи предлога места *in* в сочетании с дательным падежом).*

Следовательно, при эгоцентрической категоризации пространства сфера *родственные отношения* с опорой на когнитивные схемы *исключение – включение* концептуализируется как *разделяемое* индивидуальное пространство, поскольку оно конструируется именно на основе включения ограниченного круга лиц, связанных родственными отношениями.

Данная сфера *приватного пространства* конструируется в немецком языке как *закрытое, субъективное пространство-вместилище с внешними и внутренними границами* (на основе действия когнитивных схем *внутри – снаружи* и *иерархичность – равноправие*), в которое включены родственники и объекты, субъекты, события и артефакты, связанные с такой *приватной* сферой жизнедеятельности индивидуума, как *семья*.

В качестве структурирующего данное пространство концепта выступает операционный концепт FAMILIE. Перечисленные выше характеристики формируются на основе действия когнитивных механизмов *выбора точки отсчета, профилирования, когнитивной метафоры, генерализация, конкретизация, перспективизация и фокусирование*. Языковые механизмы – *номинация, дейксис, использование словообразования, словосложения, семантической сочетаемости* – обуславливают использование таких конкретных языковых единиц, как имена существительные, имена прилагательные, глаголы, местоимения, артикли для репрезентации сферы *родственные отношения* в немецком языке.

Сфера дружеские отношения как *ментальное приватное пространство* вычленяется на основе характеристики *являющийся другом / подругой / доверенным лицом*. Данная характеристика передается при помощи единиц лексического уровня. Имена существительные с соответствующим семантическим компонентом (*Freund(in), Freundschaft, Kamerad, Schulkamerad, Jugendgespieler, Kumpel, Verlässigkeit, Zuverlässigkeit, Vertrauen, Vertraute, Vertrautheit*) являются языковым маркером сферы *дружеские отношения*:

Wer denn? Walter? Ach, der ist mein Jugendfreund! (LK);

Eine Freundin von mir kommt heute zu uns;

Ein guter Freund, der schon vor Jahren gestorben ist, ... (Krone-Schmalz 2015: 96);

Zu Angelika hatte ich immer Vertrauen;

Das wußte wohl nur Ida Jungmann, Tonys Erzieherin und langjährige Vertraute (Th. Mann: НКРЯ / ПК (немецкий));

Der zweite, der mir davon erzählte, war Karl Emonds, mein Schulkamerad, der dauernd mit seinen fürchterlichen Empfängnistabellen hantiert (H. Böll: НКРЯ / ПК (немецкий)).

В данных примерах сфера *дружеские отношения* концептуализируется как *разделяемое ограниченное пространство* (см. семантику приведенных выше имен существительных). В качестве когнитивных механизмов формирования смысла в данном случае выступают механизмы *выбора точки отсчета* (как и во всех других случаях эгоцентрической категоризации пространства) и *конкретизации* – представление конкретного содержания с определенной степенью конкретизации, достигаемой за счет действия языковых механизмов словообразования, использования синтаксических конструкций (*Karl Emonds*, *mein Schulkamerad*; *Freund*, *der schon vor Jahren gestorben ist*; *mein Jugendfreund*, *Ida Jungmann*, *Tonys Erzieherin* und *langjährige Vertraute*). Характеристика *принадлежности* передаются в приведенных выше примерах при помощи притяжательных, личных местоимений, имен существительных в позиции определения.

Имена прилагательные, наречия также маркируют сферу *дружеские отношения* как *разделяемое ограниченное пространство* (*befreundet*, *freundschaftlich*, *freundlich*, *intim* (в словосочетаниях *intimer Freund* / *intime Freundin*), *vertraulich*, *vertraut*, *freundlicherweise*):

Unser Enkel ist mit dem Knaben aus dem Nachbardorf eng befreundet (LK);

Wir sind viele Jahre befreundet (LK);

Zwischen ihnen herrscht schon lange das vertrauliche Du;

Wir hoffen mit euch noch sehr lange freundschaftlich verbunden zu sein (из поздравления по случаю 25-летнего юбилея совместной семейной жизни).

В приведенных выше примерах, помимо прилагательных, характеристику *разделяемое пространство* передают предлоги *mit*, *zwischen*, инклюзивные

личные местоимения *wir, ihr, sie*; когнитивный механизм конкретизации обуславливает использование прилагательного *eng* и словосочетания *viele Jahre* для представления конкретного содержания – степень, продолжительность дружеских отношений.

Глаголы *sich anfreunden, sich befreunden, vertrauen* также являются маркерами сферы *дружеские отношения* как *разделяемого ограниченного ментального пространства*:

Wir befreundeten uns erstaunlich schnell, was für unser Alter nicht der Fall ist (LK);

Die Kleine hatte sich richtig mit ihm angefreundet;

Ich vertraue ihm voll und unbegrenzt.

Характеристику *разделяемое пространство* в выше приведенных примерах передают предлоги *mit*, инклюзивное личное местоимение *wir*, возвратная частица *sich*. В любом случае, при эгоцентрической категоризации данной сферы на языковом уровне создается общее пространство, в которое включены только те, кто связан общими дружеским доверительными отношениями.

Сфера *дружеские отношения* категоризуется как *разделяемое ограниченное ментальное пространство* и при помощи фразеологизмов (*freundschaftlicher Fuß, Freundschaft schließen, in Freundschaft verbunden sein, dicke Freunde sein, mit jemandem gut auskommen*):

Sie steht mit allen Kollegen im Büro auf freundschaftlichem Fuß (LK);

Seit Jahren sind diese Herren in Freundschaft verbunden (LK).

В данных примерах характеристика *разделяемое пространство* эксплицирована при помощи имени существительного *Freundschaft* и предикатной конструкции *verbunden sein* (*быть связанным*), прилагательного *freundschaftlich*; характеристика *закрытое пространство* представлена при помощи предлогов *mit* и *in*).

Языковыми маркерами *разделяемого пространства*, а также *закрытости*, *наличия границы* между данной сферой *ментального частного пространства* индивидуума и другими типами его пространства, категоризируемого в немецком языке, выступает сложное существительное *Freundeskreis*, значение которого состоит в обозначении конкретной ограниченной группы людей, объединенной общими дружескими отношениями (*Freundeskreis – Kreis von Freunden* (Duden 1996: 538), *Kreis – durch gemeinsame Interessen verbundene Gruppe* (Wahrig 2008: 620)):

An der Uni bin ich Herr Professor Thole. ... Und nur im Kreis der Freunde, wo ich Siggi bin, kann ich mich richtig entspannen.

Помимо характеристики *дружеские отношения*, *разделяемое ограниченное пространство*, в данном примере при помощи единиц лексического уровня проводится четкая граница между *пространством социальным* и *частным пространством*: *an der Uni – im Kreis der Freunde*; *Herr Professor Thole – Siggi* (формы обращения, принятые в немецком языковом сообществе по отношению к коллеге (*социальное пространство*) и к близкому человеку (*частное пространство*)).

В следующих примерах:

- *Wie werdet ihr eure Verlobung feiern?*

- *In unserem Freundeskreis*;

Als Vorbemerkung: Homosexuelle gehörten zu meinem Freundeskreis als Homosexualität in Deutschland noch unter Strafe stand (Krone-Schmalz 2015: 45), – характеристика принадлежности передается при помощи притяжательных местоимений *unser* и *mein*; глагол *gehören (zu Dativ)* передает значение включенности человека в определенную группу, принадлежности группе (*Glied oder Teil eines Ganzen sein, zu etwas zählen* (Duden 1996: 578)). Кроме того, характеристика *закрытого, ограниченного пространства* передается при помощи предлога места *in* в сочетании с дательным падежом.

Аналогичную интерпретацию возможно предложить и относительно следующих примеров:

Gestern Abend waren wir im Grünen im Kreis der Freunde (LK);

Das kann ich nur im engsten Kreis besprechen (= Das kann ich nur unter Vertrauten besprechen), –

в которых сфера *дружеские отношения частного пространства* конструируется как *закрытое, разделяемое ментальное пространство*. Очевидно, что последний пример предполагает учет контекста при интерпретации данной сферы частного пространства человека.

Как показывает языковой материал, сферы *родственные отношения* и *дружеские отношения* категоризируются и как единое *закрытое разделяемое ментальное частное пространство*, поскольку в ряде случаев сложно или невозможно провести между ними четкую границу без учета общего контекста ситуации (как в случае с приведенным выше примером). Данные сферы могут образовывать единый континуум:

Wir hoffen für Euch, dass der Tag Eurer goldenen Hochzeit genauso schön wird, wie ihr ihn vorgestellt habt: eine große, fröhliche Feier im Kreise der Familie und der Freunde (из поздравительной речи по случаю 50-летия совместной семейной жизни).

Взаимосвязь сфер *родственные отношения* и *дружеские отношения*, категоризируемых при помощи языка подтверждается и при обращении к данным этимологических словарей. Так, первоначальным значением существительного *Freund* было «*кровный родственник, соплеменник*» (*Blutsverwandter, Stammesgenosse*); к 12-13 векам появилось значение близкое к современному – «*личный доверенный, друг*» (*persönlicher Vertrauter, Kamerad*) (Duden Bd. 7 1989: 205). Аналогичное развитие семантических компонентов прослеживается и у лексемы *Freundschaft*, которая первоначально также означала «*сообщество родственников*» (*Gesamtheit der Verwandten*) и только затем было

оформлено современное значение «дружеские отношения, дружба» (*Freundesverhältnis*) (Duden. Bd. 7 1989: 205).

О тесной взаимосвязи сферы *родственные* отношения и *дружеские отношения*, категоризируемых в немецком языке на основании принципа эгоцентризма, свидетельствуют и лексические единицы, которые могут выступать, в зависимости от контекста, в качестве маркеров как одной, так и другой сферы приватного пространства. Например, имя прилагательное *familiär* выступает маркером *ментального приватного пространства*. Данная лексическая единица, в зависимости от контекста, может репрезентировать как сферу *родственные отношения* (1), так и сферу *дружеские отношения* (2):

(1) *Ich sollte gestern dienstlich nach Weimar fahren, aus familiären Gründen konnte aber nicht* (в данном примере противопоставляются *социальное пространство*, маркером которого является наречие *dienstlich* и *приватное пространство*);

Familiäre Sorgen kosten mir viel Zeit aber machen Spaß;

... die familiären Verbindungen ... waren ... besonders intensiv (Krone-Schmalz 2015: 120) (семейные связи);

(2) *Gestern Abend konnte ich ihn kaum erkennen. Im familiären Umgang zeigte er ganz andere Seiten* (LK);

In seiner Schule herrschte eine familiäre Atmosphäre (LK).

В первом случае значение имени прилагательного *familiär* – *имеющий отношение к семье* (*die Familie betreffend* (Duden 1996: 484), (Wahrig 2008: 348)). Во втором случае – *дружелюбный, непринужденный, доверительный* (*freundschaftlich, ungezwungen* (Duden 1996: 484); *vertraut, zwanglos* (Wahrig 2008: 348)).

В ходе исследования были найдены и такие примеры, когда говорящий указывает на неадекватность конструирования неким индивидуумом окружающего пространства вследствие неадекватной интерпретации им характера отношений между коммуникантами:

Das war total unpassend! Und ich würde sagen, dass sein familiärer Ton als peinlich empfunden wurde.

В приведенном выше примере, адресант говорит о неуместности слишком непринужденного тона, манеры общения в конкретной ситуации (*[allzu] vertraulich*), подчеркивая тем самым, что это третье лицо (*er*) не входит в *приватное пространство* лица / лиц, с которыми он общался. Очевидно, что неверная, с точки зрения одного из коммуникантов, категоризация пространства, осуществляемая другим коммуникантом, приводит к коммуникативной неудаче.

Анализ корпуса примеров позволяет говорить о том, что физическое и ментальное *приватное пространство*, равно как и наполняющие его сущности конструируются индивидуумом следующим образом:

- (1) как пространства / наполняющие их сущности, «приписываемые» себе индивидуумом / «приписываемые» индивидууму, равно как и реально ему принадлежащие;
- (2) как пространства, по отношению к которым человек осознает себя как их часть / человек осознается как их часть.

Указанная многовекторность основана на интерпретации отношений *принадлежности* (в первом случае) и *включенности* (во втором случае). Индивидуум эгоцентрически категоризирует пространства и наполняющие их сущности, как «принадлежащие» ему, если речь идет о единичных объектах (*Auto, Haus, Zimmer, Garten etc.*). Лица, входящие в *приватное пространство* того или иного человека (*Freund, Schwester, Vater, Tochter etc.*), категоризируются как «приписываемые» себе или кому-либо индивидуумом. Отношения принадлежности передаются за счет использования притяжательных, личных местоимений, имен существительных в функции определения:

Mein Auto steht unten (*Mein Auto* – машина, которая *принадлежит мне*);

Um sein Haus zu bauen sollte Markus eine Kredite nehmen (IDS-M) (*sein Haus* – дом, который *принадлежат ему*);

Die Meinen warten wohl auf mich;

Martin's Schwester wohnt seit Jahren in Bremen (сестра, «принадлежащая», приписываемая Мартину);

Ein Freund von mir ist ein guter Fachmann gerade auf diesem Gebiet (LK) (один из друзей, «принадлежащих» мне);

Mein Freund Bernd ist diese Woche völlig aus dem Häuschen (МК) (друг, «принадлежащий» мне);

In der letzten Zeit war es selten geworden, dass Rauli sich musikalisch betätigte, meist dachte er nur an seine Anna ... (Раули думал только об Анне, в которую он был влюблен, мечтая о том, чтобы она стала его девушкой) (Wells 2008: 207).

Ментальная сфера *приватного пространства* индивидуума может конструироваться и как пространство, по отношению к которому человек осознается как его часть:

Er ist sehr eng mit seiner Familie verbunden (LK) (он – член своей семьи);

Wäre es normal in deinem Freundeskreis? (ты – часть круга своих друзей).

Выбор вектора *принадлежности* (пространство принадлежит человеку) или *включенности* (человек – часть пространства) осуществляется, таким образом, на основании того, какие сущности и пространства категоризируются. Если речь идет об эгоцентрической интерпретации физического пространства или единичного объекта / лица, то пространство или входящие в него сущности категоризируются как *принадлежащие человеку* (вектор *принадлежности*).

Если категоризируется ментальное пространство, формируемое на основе взаимоотношений группы лиц (*Familie, Familienkreis, Freundeskreis*), то такое приватное пространство категоризируется как *включающее в себя индивидуума* (вектор включенности: человек – часть пространства).

На языковом уровне вектор принадлежности может быть и нулевым:

Die Unterkunft hat mir ein Freund empfohlen (МК) (в данном случае отсутствует посессивная конструкция с притяжательным или личным местоимением, именем существительным в функции определения (в препозиции или постпозиции), репрезентирующая на языковом уровне отношения *принадлежности*. Маркером включенности третьего лица (*ein Freund*) в сферу *дружеские отношения частного пространства* говорящего выступает личное местоимение в дательном падеже (*mir*); значение неопределенного артикля в данном случае – *один из (один из моих друзей)*).

В следующем примере:

Für Oma muss ich etwas Besonderes auswählen, – существительное *Oma* маркирует сферу *родственные отношения*, а нулевой артикль указывает на единичность субъекта. Имя нарицательное – термин родства функционирует как имя собственное.

Как показывает проведенный анализ, одним из когнитивных механизмов, формирующих и передающих смыслы, релевантные при эгоцентрической категоризации *частного пространства* в языке, является когнитивный механизм *выбора точки отсчета*. Точкой отсчета при эгоцентрической категоризации пространства является говорящий, фокусирующий свое внимание на определенном объекте при формировании того или иного значения. Важную роль играет и когнитивный механизм *перспективизации* – выделение объекта / субъекта из множества других (в определенной ситуации, по определенной причине):

Lennart ist der älteste Bruder von Thomas (Lennart ist der Thomas' älteste Bruder) – Thomas ist der jüngste Bruder von Lennart (Thomas ist der Lennart' jüngste Bruder);

Anna ist die Tochter von Frau Schmidt (Anna ist die Frau Schmidt's Tochter) – Frau Schmidt ist die Mutter von Anna (Frau Schmidt ist Anna's Mutter Anna).

Кроме того, важную роль при эгоцентрической категоризации пространства в немецком языке играют когнитивные механизмы *генерализации* и *конкретизации*, действие которых основано на таких принципах работы человеческой мысли, как ее направленность от общего к частному и от частного к общему при структурировании и конструировании окружающего мира. Благодаря действию этих механизмов говорящий получает возможность выделить те или иные детали и характеристики, представляющиеся важными с точки зрения его коммуникативной интенции:

Ich habe drei Enkelkinder – eine Enkelin und zwei Enkel;

Das Haus hatte meinen Großeltern gehört, den Eltern deines Großvaters
(Krohn 2011: 56);

Ein riesiges Problem bei den meisten Leuten, Männern wie Frauen, die in ihrem Berufsleben etwas verändern wollen, ist das Umfeld, und zwar das enge Umfeld, also: Freunde, Lebenspartner, Eltern (Dorn 2007: 53).

В приведенных выше примерах передача смысла осуществляется в направлении от *общего к частному* – действие когнитивного механизма *конкретизации*).

В следующих примерах:

Stell Dir nur vor, er hat Haus und Hof – seinen gesamten Besitz verspielt! (LK);

Die wichtigsten Leute in meinem Leben? Meine Frau und Tochter, also meine Familie. Und meine Eltern (МК), –

передача смысла осуществляется в направлении от *частного к общему* – действие когнитивного механизма *генерализации*.

Сфера *дружеские отношения* конструируется, таким образом, на основе интерпретации характеристик *разделяемое – неразделяемое, состоящий в дружеских отношениях – не состоящий в дружеских отношениях*, как *пространство-вместилище*, как *разделяемое, закрытое пространство*. Перечисленные смыслы и характеристики формируются на основе действия когнитивных ме-

ханизмов *выбора точки отсчета, профилирования, генерализации, конкретизации и перспективизации*. Языковые механизмы – *номинация, дейксис, использование словообразования, словосложения, семантической сочетаемости* – обуславливают использование таких конкретных языковых единиц, как имена существительные, имена прилагательные, глаголы, местоимения, артикли, наречия для репрезентации сферы *дружеские отношения* в немецком языке.

Построение эгоцентрической модели *приватного пространства* индивидуума основывается на следующих когнитивных и языковых особенностях, характерных для немецкого лингвокультурного сообщества:

- когнитивными основаниями выделения модели *приватного пространства* в немецком языковом сообществе являются: четкое противопоставление сферы частной жизни и сферы общественной, профессиональной жизни в сознании индивидуума; вычленение индивидуумом круга близких лиц, объединенных с ним общностью семейно-бытовых и дружеских интересов и отношений; осознание наличия довольно четкой границы, отделяющей данное пространство как *частную, семейную, домашнюю, неофициальную территорию* от других видов пространства, категоризируемых в немецком языке;

- построение эгоцентричной модели *приватного пространства* осуществляется в немецком языке на основе противопоставления концептов (1) INDIVIDUELL и GEMEINSAM, (2) PRIVAT и ÖFFENTLICH, ключевыми характеристиками которых являются соответственно (1) «*индивидуальный, принадлежащий отдельной личности, лично человеку*» и «*совместный, включающий другие лица*»; (2) «*частный, личный, доверительный, неофициальный, семейный, домашний*» и «*общедоступный, общественный, официальный, публичный, касающийся всех, государственный, городской, общеизвестный*»;

- *приватное пространство* конструируется в немецком языке как *разделяемое пространство закрытого типа*, в которое включены родственники и друзья, а также сущности различной природы, события, действия, связанные с

такими *приватными* сферами жизнедеятельности индивидуума, как *семья, дом, дружба*;

- структурирующими концептами при моделировании *приватного пространства* выступают операционные концепты FAMILIE, HAUS, FREUND-SCHAFT;

- на основе осмысления и эгоцентрической интерпретации характеристик «*частный, личный, доверительный, неофициальный, семейный, домашний*» в структуре *приватного пространства* вычленяются сфера *физического пространства* индивидуума – *дом, пространство внутри и вокруг дома, квартира, комната, участок земли как частная территория, машина* и такие сферы ментального пространства, как *родственные отношения и дружеские отношения*;

- *приватное пространство* и наполняющие его сущности конструируются (1) как пространства и наполняющие их сущности, «приписываемые» себе индивидуумом / «приписываемые» индивидууму, равно как и реально ему принадлежащие и (2) как пространства, по отношению к которым человек осознает себя как их часть / человек осознается как их часть;

- *приватное пространство* конструируется на основе интерпретации характеристик *разделяемый – неразделяемый, закрытый – открытый, отношений асимметричности – симметричности, иерархичности (доминирования) – равноправия, осуществляемой с опорой на когнитивные схемы внутри – снаружи, включение – исключение, часть – целое, выше – ниже, приближение – отдаление*;

- основными когнитивными механизмами формирования и передачи смыслов при категоризации *приватного пространства* индивидуума являются механизмы *выбора точки отсчета, профилирования, концептуальной метафоры, перспективизации, генерализации и конкретизации*.

1.2.1. Я – здесь – сейчас как система координат языковой категоризации *приватного пространства* на системном и функциональном уровнях

При эгоцентрическом конструировании *приватного пространства* индивидуум также использует трехуровневую систему координат *я – здесь – сейчас*, соотносимую с личностным, пространственным и временным дейксисом. На основе этих координат говорящий интерпретирует характер межличностных, пространственных и временных отношений между собой и окружающим его миром.

Как было показано выше, языковыми единицами, системным значением которых является маркирование *принадлежности* сущностей различного вида к модели *приватного пространства*, выступают имена существительные, прилагательные, глаголы, наречия, функционирующие изолированно или в предложных словосочетаниях. Для репрезентации различных характеристик данного пространства (*разделяемый – неразделяемый, закрытый – открытый, асимметричности – симметричности, иерархичности (доминирования) – равноправия*) в немецком языке используются местоимения, предлоги, имена существительные, прилагательные.

В рамках эгоцентрической *личностной координаты* при конструировании *приватного пространства* выделяются:

- *координата адресанта (я-координата, мы-координата);*
- *координата адресата (ты-координата, вы-координата, Вы-координата);*
- *координата третьего лица (он / она / оно-координата, они-координата).*

На языковом уровне личностная координата представлена в структуре *приватного пространства* как в единственном, так и во множественном числе, так как данное пространство конструируется и как пространство *индивидуальное* (концептуализируется на основе интерпретации характеристики

принадлежащий лично индивидууму), и как пространство *разделяемое* (концептуализируется как пространство, *разделяемое с родственниками / друзьями*).

Значения, передающие личностную координату, формируются за счет таких когнитивных механизмов, как выбор точки референции, перспективизация, профилирование, концептуальная метафора и спецификация. Языковыми средствами репрезентации личностной координаты в рамках модели *приватного пространства* в немецком языке являются притяжательные, личные, указательные местоимения, имена существительные, прилагательные, предложные словосочетания.

Рассмотрим более подробно роль личных и притяжательных местоимений, выступающих в качестве языковых единиц, репрезентирующих личностную координату при эгоцентрической категоризации пространства на системном и функциональном уровнях.

Уникальность и исключительность статуса личных местоимений в немецком языке, как и в большинстве других языков, обусловлена тем, что данные единицы не имеют фиксированного референта, равно как и тем, что все остальные дейктические слова «так или иначе соотносятся с личными местоимениями» [Успенский 2012: 15]. Одной из основных функций этих дейктических единиц в процессе коммуникации является референциальная, указательная функция, суть которой состоит в выделении лица или предмета как бытийной сущности с ориентацией на говорящего. Как следствие, в большинстве случаев местоимения как языковые средства, репрезентирующие личностную координату при эгоцентрической категоризации пространства в немецком языке, используются не изолированно, а в сочетании с другими единицами, относящимися к различным языковым уровням (в качестве определенного исключения выступают личные местоимения). Кроме того, в немецком языке личные местоимения выполняют согласовательную функцию:

Du darfst es heute machen (в русском языке, как в языке флективного типа, данная функция может выполняться как личным местоимением, так и самой формой глагола: *Ты можешь сделать это сегодня.* – *Можешь сделать это сегодня*).

Притяжательные местоимения репрезентируют личностную координату, маркируя ее с ориентацией на говорящего:

Die Gegend würde dir gefallen, das Wetter ist bisher freundlich, meine beiden Nichten entzückend (Kumpfmüller 2013: 61) – я-координата;

... zwei Minuten nur vom Bahnhof bis zu unserer Wohnung, sie kamen endlos vor (H. Böll: НКРЯ / ПК (немецкий)) – мы-координата;

Zusätzlich bringst du deine Tochter jeden Tag für drei, vier Stunden in die Krippe (Dorn 2007: 106) – ты-координата;

Sie könnte zu ihrer Freundin Judith fahren (Kumpfmüller 2013: 60) – она-координата;

Einmal ist sie mit ihm und seiner Familie bis in den Ort gefolgt, ... (Kumpfmüller 2013: 19) – он-координата.

Широкий функциональный потенциал демонстрирует местоимение 1-го лица мн.ч. *wir*, коррелирующее с личным местоимением 1-го лица ед.ч. *ich* и занимающее по отношению к нему подчиненное положение, представляя собой расширенный символ отправителя речи. Анализ языковых данных позволяет выделить три значения местоимения *wir* и, соответственно местоимения *unser*, закрепленные в системе немецкого языка и предполагающие реальное наличие определенного множества лиц, включающего говорящего, при репрезентации *приватного пространства*:

- адресант речи + адресат/ы речи:

Vergiss es jetzt, sagte sie, wir feiern heute unsere Verlobung – мы-координата;

- адресант речи + третье лицо / множество третьих лиц:

Müssen wir uns deine Schulzeit so vorstellen, dass Fräulein Böhle im Wesentlichen auf der Suche nach einem Mann fürs Leben war? (Dorn 2007) – *мы-координата*;

- адресант речи + адресат/ы речи + третье лицо / множество третьих лиц:

Vater, ... wir haben hier heute so heiter beieinander gegessen, wir haben einen schönen Tag gefeiert, wir waren stolz und glücklich in dem Bewußtsein etwas geleistet zu haben, etwas erreicht zu haben ...unsere Firma, unsere Familie auf eine Höhe gebracht zu haben ... (Th. Mann: НКРЯ / ПК (немецкий)) – *мы-координата*.

В соответствии с его системным значением, использование местоимения *unser* в качестве определяющего слова предполагает «принадлежность или происхождение существа или вещи, действия или качества лицам, обозначаемым 1-м лицом мн.ч.» [Duden 1996: 1611] (*unser Sohn, unser Haus, unsere Freunde*). Следовательно, приватное пространство или входящие в него сущности категоризируются как принадлежащие группе лиц, включающей говорящего:

Ich bezweifle einfach, dass Kerim und ich dieselben Vorstellungen davon haben, was gut für unsere Tochter ist (Dorn 2007).

Местоимение *wir*, наряду с закрепленным за ним грамматическим значением расширенного символа говорящего, может передавать и ряд функциональных значений. Так, в следующем примере, использование местоимения *wir* свидетельствует не столько о *включении* третьего лица (в данном случае – матери) в *приватное пространство* говорящего, что является одним из грамматических значений данной инклюзивной формы, сколько о желании говорящего *провести границу* между собой и матерью, с одной стороны и отцом – с другой:

Paul sprach nie über seinen Vater. Er zuckte nur mit den Schultern, wenn Skarlet ihn danach fragte, und sagte: Wir sind geschieden (Aehnlich 2007: 72) (*wir = meine Mutter und ich*) – *мы-координата*.

В данном случае речь идет о разграничении собственно значения и знания о мире, когда языковая компетенция, неязыковые знания и контекст порождают новый актуальный смысл. Данный актуальный смысл основан на знании лексического значения и знании о мире (в том числе и знании о возможности и принципах эгоцентрического моделирования приватного пространства).

Специфика притяжательных местоимений состоит в том, что, маркируя личностную координату, они совмещают дейктическую и анафорическую функции (например, местоимение *mein* одновременно указывает на говорящий субъект и репрезентирует принадлежность кого-либо / чего-либо говорящему). Немецкий язык характеризуется облигаторностью ориентации на говорящий субъект, следовательно, категория притяжательности и определенности / неопределенности требует обязательного выражения. Ср.:

Grüsse deine Familie! и *Привет семе!* – ты-координата.

Следующий пример показывает, что в основе интерпретации индивидуумом характеристики *принадлежности*, репрезентированной на языковом уровне, могут лежать различные когнитивные основания (в зависимости от области определения):

Plötzlich fiel ihm sein Vater ein, der im vergangenen Krieg Offizier gewesen war, wenn auch nur Reserve-Offizier; der sprach auch immer von seinen Männern, wenn er in Front-Erinnerungen kramte, und ich bin noch nie auf die Idee gekommen, dachte Franz, dass diese Bezeichnung nicht so selbstverständlich ist, wie wenn ich von meinem Vater denke: mein Vater (Andersch 1980: 19) – я-координата.

В первом случае – *der sprach auch immer von seinen Männern* – речь идет о людях, входящих в *социальное пространство* индивидуума (солдаты, находившиеся в подчинении офицера). Маркером социального пространства выступает номинативная единица *Reserve-Offizier*, в семантике которой заложено указание на позиционный статус. *Социальное пространство* и наполняющие его сущности конструируются как «приписываемые» себе индивидуумом на основании интерпретации характеристики *доминирование* – зависимость.

Во втором случае – *wenn ich von meinem Vater denke: mein Vater* – третье лицо категоризуется как входящее в *приватное пространство* говорящего (маркер – имя существительное – термин родства *Vater*) на основании интерпретации характеристики *принадлежности*.

Если при репрезентации личностной координаты, определяемое существительное номинирует отдельных членов какого-либо сообщества (*mein(e) / sein(e) / dein(e) Eltern / Großeltern / Mutter / Sohn / Geschwister / Freunde etc.*), место в приватном пространстве, то направление вектора принадлежности интерпретируется следующим образом: группа людей или отдельные члены группы принадлежат *приватному пространству* говорящего (как это заложено в системном значении):

Immer noch, auch in den fernsten Versenkungen, war er seines Vaters Sohn gewesen (Н. Hesse: НКРЯ / ПК (немецкий)) – он-координата;

Müssen wir wirklich zu deiner Mutter? (Hahn 2014: 297) – ты-координата;
Ihr Mann verdient ganz anständig (E. Kästner: НКРЯ / ПК (немецкий)) – она-координата;

Mein Bruder hatte das Fahrrad an Piepers Zaun gelehnt und mühte sich, Speichen geradezubiegen (Hahn 2014: 297) – я-координата;

Der Doktor lacht und bestätigt, dass es seine Schwester ist. Auch die Kinder sind von seiner Schwester (Kumpfmüller 2013: 16) – он-координата.

Если при репрезентации личностной координаты, определяемое существительное обозначает группу людей, объединенных по принципу родства, дружбы (*mein(e) / sein(e) / dein(e) Familie, Freundeskreis etc.*), то направление вектора принадлежности меняется на противоположное: говорящий субъект репрезентирует себя как часть этой группы:

... und meine Familie zog in einen anderen Teil der Stadt (E.-M. Remarque: НКРЯ / ПК (немецкий)) – я-координата;

Alles, was seine Familie betrifft – Sie verstehen – ist für uns tabu, aber es gibt einen anderen Weg (H. Böll: НКРЯ / ПК (немецкий)) – он-координата;

Ob Sie sich jemandem aus Ihrem Freundeskreis anvertrauen, professionelle Beratung suchen oder die Polizei holen – wenn Sie das Schweigen brechen, ist der erste Schritt aus der Gewalt getan (D. Engel: НКРЯ / ПК (немецкий)) – *Вы-координата*.

Личные местоимения в косвенном падеже также репрезентируют личностную координату:

Er ist mein Freund и *Er ist ein Freund von mir* – *я-координата*.

Приведенные выше дефиниции можно рассматривать как синонимичные. В подобных словосочетаниях значение посессивности передается и притяжательными, и личными местоимениями. В выражении *mein Freund* представлена контактная позиция определяемого и определяющего слова, а в варианте *ein Freund von mir* – дистантная. Данные формы возможно проинтерпретировать следующим образом: во втором случае наличие неопределенного артикля придает данному словосочетанию дополнительный смысл (*один мой друг, один из моих друзей*) по сравнению с первым (*мой друг*).

Имена существительные в функции определения также являются языковыми маркерами личностной координаты:

Zu Hause hätte Irenes Mutter die Bäckerei der Eltern übernehmen sollen (Hahn 2014: 113) – *она-координата*;

Im Dorf begegnete man uns, die Angehörigen Marias, neugierig betreten, fast so, als seien wir mit von der Krankheit befallen (Hahn 2014: 256) – *мы-координата* (в данном случае личностная координата представлена личным местоимением, а уточнение *die Angehörigen Marias* конкретизирует личностную координату, соотнося данную группу людей с конкретным лицом – действие когнитивного механизма *конкретизации*);

War der heftige Streit zwischen den Eltern der Freundin nur ein einmaliger Zwischenfall? (D. Engel: НКРЯ / ПК (немецкий)) – *она-координата*.

Субстантивированная форма *die Unseren* (*Unsern, Unsren, Unsre, Unsrige*) равно как и субстантивированные местоимения *die Meinen, die Deinen* используется в значении *unsere (meine, deine) Angehörigen* и обозначают группу лиц, входящих в приватное пространство индивидуума, репрезентируя личностную координату:

Grüß die Deinen! – ты-координата;

Und ich muss noch die Meinen fragen, ob sie nichts dagegen haben – я-координата;

Was soll das? Könnten es die Unseren sein? – мы-координата.

Артикли и указательные местоимения также являются дополнительными языковыми маркерами личностной координаты при эгоцентричной категоризации *приватного пространства* (основную роль при репрезентации личностной координаты в таких случаях играют личные местоимения или существительные, репрезентирующие лицо, чье приватное пространство конструируется):

Das Foto, das er im Kaufhaus Wertheim Anfang Oktober von sich anfertigen lässt, ist für die Eltern (Kumpfmüller 2013: 89) – он-координата;

„Ida!“ sagte sie zu Mamsell Jungmann, an der sie eine vertraute Freundin besaß (Th. Mann: НКРЯ / ПК (немецкий)) – она-координата;

*Auch Tante und Mutter würde diese Geschichte gefallen (Hahn 2014: 346) – я-координата (нулевой артикль репрезентирует принадлежность *приватному пространству* говорящего = meine Tante und meine Mutter);*

... [er] ließ den Rolls-Royce aufs Genaueste untersuchen, dann die Strecke, die Kohler zurückgelegt hatte, ferner dessen Villa, ... (F. Dürrenmatt: НКРЯ / ПК (немецкий)) – она-координата.

Прилагательное *eigen* является недифференцированным маркером личностной координаты (указание на конкретную координату осуществляет местоимение или имя существительное, маркирующие лицо, чье *приватное пространство* конструируется):

Die eigene Wohnung in Berlin zu haben, wäre immer mein Wunsch – я-координата;

Sie haben das eigene Haus und einen schönen Garten – они-координата;

Nie w ich dieses Gefühl, die eigenen Eltern seien an all diesen Verbrechen irgendwie beteiligt gewesen. Nie konnten sie sich ganz erklären. Nie verstand ich sie wirklich (Hacke 2004: 10) – я-координата;

... und ich dachte mir, der eigene Sohn, den man kaum kennt, wäre die am wenigsten angemessene Gesellschaft (H. Böll: НКРЯ / ПК (немецкий)) – я-координата.

Личностная координата приватного пространства репрезентируется, таким образом, при помощи притяжательных, личных, указательных местоимений, имен существительных, прилагательных, предложных словосочетаний.

*Пространственная координата приватного пространства может быть маркированной (*здесь-координата, там-координата* и *не дифференцируемая пространственную координата*) и немаркированной. Немаркированная пространственная координата не соотносит пространство с точками *здесь* и *там*, а только указывает на наличие определенного места в физическом или ментальном пространстве (психологическом, интеллектуальном пространстве, пространстве-событии. Маркированная пространственная координата – (*здесь координата / там координата*) – репрезентирует физическое и нефизическое пространство (ментальное, социальное, пространство отношений, пространство-событие) при помощи имен существительных, прилагательных, наречий пространственной семантики, местоимений, предложных словосочетаний предложных словосочетаний, указывая на место в *приватном пространстве*:*

Sein Zimmer liegt am anderen Ende des Flurs там-координата (Kumpfmüller 2013: 12) – там-координата репрезентируется при помощи

предложного словосочетания указывающего на место в пространстве *am anderen Ende des Flurs*; особую роль играет неопределенное местоимение *ander*, имплицитно противопоставляемое указательному местоимению *dieser* (ср.: *an diesem Ende des Flurs*);

..., *zu Hause bei den Eltern wollte er nicht länger bleiben, da kam die Einladung an die Ostsee gerade recht* (Kumpfmüller 2013: 11-12) – *здесь-координата* репрезентируется на основе противопоставления двух пространств: частного (*здесь, дома у родителей, где он не хотел больше оставаться*) и социального (*место для отдыха на Балтийском море, откуда пришло приглашение*); ..., *jetzt da sie beide auf ihre Weise ein eigenes Leben führen, die Schwester mit Josef und den Mädchen, und er selbst mit Dora hier in ihrer Steglitzer Wohnung* (Kumpfmüller 2013: 117) – *здесь-координату* маркирует наречие места *hier*.

Dann trug sie den Blechkasten wieder zum Schrank und las rasch noch einmal den Brief, den sie von ihrer Schwester aus Berlin erhalten hatte (Е. Kästner: НКРЯ / ПК (немецкий)) – *здесь-координата частного пространства* репрезентируется при помощи существительного с предлогом места *aus Berlin* (от сестры, которая живет *там*, в Берлине, пришло письмо *сюда*);

Ich stamme zwar nicht aus einer Familie, in der mir als Mädchen gesagt wurde, dass ich mein Sonntagskleidchen nicht schmutzig machen darf (Dorn 2007: 47) – *пространственная координата* не дифференцирована; *частное пространство* концептуализируется как *пространство-вместилище*;

Aus Lisas Wohnung tont ein Grammophon (Е.М. Remarque: НКРЯ / ПК (немецкий)) – *там-координата частного пространства* (пространство концептуализируется как *пространство-вместилище* с областью *внутри* – *там* и областью *снаружи* – *здесь*, индивидуум-концептуализатор находится в области *снаружи*, что маркируется предложным словосочетанием *aus Lisas Wohnung* и глаголом *tonen*).

Временная координата раньше – сейчас – позже представляет при категоризации *частного пространства* временное ментальное пространство и

репрезентируется при помощи временных форм глаголов, наречий времени (*dann, damals, einst, gestern, heute, morgen, jetzt etc.*), предложных словосочетаний (*in der nächsten Woche, im Laufe der Zeit, im vorigen Monat, in zwei Jahren etc.*):

An der Stelle, wo einst sein Haus gestanden hatte, hatte sich das Geröll im Laufe der Zeit zu einer Art Wall aufgeschichtet (Seethaler 2014: 117) – *раньше-координата* репрезентируется при помощи наречия *einst* (*früher, vor langer Zeit* (Duden 1996: 412), глаголов в *Plusquamperfekt* и предложного словосочетания *im Laufe der Zeit*);

Freunde von mir haben letzte Woche ein neues Auto bekommen: Limousine, sehr schick (LK) – *раньше-координата* репрезентируется при помощи глагола в *Perfekt* и словосочетания *letzte Woche*;

Ich bin damals von russischen Freunden, mit denen ich über die politische und wirtschaftliche Lage durchaus kontrovers diskutiert habe, auf Folgendes aufmerksam gemacht worden: ... (Krone-Schmalz 2015: 66) – *раньше-координата* репрезентируется при помощи глагола в *Perfekt* и наречия времени *damals*;

Bereits die Wohnung, in der wir im Wedding wohnten, kam mir wie ein Gefängnis vor (Dorn 2007: 80) – *раньше-координата* репрезентируется при помощи придаточного определительного, в котором используется глагол в *Präteritum*;

*Gestern noch hatte er Familie – *раньше-координата* репрезентируется при помощи глагола в *Präteritum* и наречия времени *gestern*;*

Das ist ja nur unser Traum, in zwei oder drei Jahren uns eine eigene Wohnung zu kaufen. Am Rande der Stadt (LK) – *позже-координата* репрезентируется предложным словосочетанием *in zwei oder drei Jahren*; кроме того противопоставляется временная *сейчас-координата Эго-пространства* и *позже-координата частного пространства*;

Zu unserem Gespräch treffe ich Uta in ihrer alten Studentenbude, die jetzt ihre Arbeitswohnung ist (Dorn 2007: 46) – *сейчас-координата* репрезентируется при помощи глагола в настоящем времени и наречия времени *jetzt*.

Прилагательные также репрезентируют временную координату *приватного пространства* (*alt, ehemalig, früher, heutig, später, vorig, künftig, zukünftig*):

Mit meiner ehemaligen Frau habe ich kaum Kontakte – *раньше-координата*;

Mein zukünftiges Familienleben kann ich mir schwer vorstellen – *позже-координата*;

Früher wohnte Emils Großmutter bei seinen Eltern (E. Kästner: НКРЯ / ПК (немецкий)) – *раньше-координата*;

Und alles würde von späteren Familienmitgliedern mit der nämlichen Pietät gelesen werden, mit der jetzt sie die früheren Begebnisse vorfolgte (Th. Mann: НКРЯ / ПК (немецкий)) – *позже-координата*;

Manchmal kam er an seinem alten Grundstück vorbei (Seethaler 2014: 117) – *раньше координата*;

Dein heutiges Familienleben interessiert mich überhaupt nicht! – *сейчас-координата*.

Временная координата может быть представлена и метонимически. Метонимические модели, как показало проведенное исследование, предполагают такие сдвиги, как *событие вместо времени, период жизни вместо времени, исторический период вместо времени, личность вместо времени* и репрезентирует *пространство прошлого, актуальное пространство и пространство будущего*:

Beim Abendessen erzählt Lena ihren Eltern von ihrer Freundin (E. Kästner: НКРЯ / ПК (немецкий)) – *событие вместо времени (сейчас-координата)*;

Seit dem Tod meiner Schwester Henriette existierten meine Eltern für mich nicht mehr als solche (H. Böll: НКРЯ / ПК (немецкий)) – *событие вместо времени (недифференцированная координата прошлого и настоящего)*;

Wir sind seit unserer Schulzeit befreundet – *период жизни вместо времени (недифференцированная временная координата прошлого и настоящего)*;

..., dass ein hübscher Teil der Braunkohlaktien sich недифференцированная временная координата прошлого и настоящего seit zwei Generationen in den

Händen unserer Familie befindet (Н. Böll: НКРЯ / ПК (немецкий)) – период жизни вместо времени (недифференцированная временная координата прошлого и настоящего);

Da wir unsere Hochzeit in der DDR-Zeit feierten, verzichteten wir auf die kirchliche Heirat – исторический период вместо времени (раньше-координата);

Bei Nazis hat seine Familie sehr gelitten – исторический период вместо времени (раньше-координата);

Damals, zwischen Inflation und Hitlerei gelang es meinem Opa so zu managen, dass seine Familie keine wirtschaftlichen Sorgen hatte – исторический период вместо времени (раньше-координата);

Für mich ist es eine brennende Frage: was denn meine Großeltern und deren Zeitgenossen bei Hitler hätte tun sollen? – личность вместо времени (раньше-координата).

Таким образом, когнитивные механизмы, формирующие временные смыслы в рамках модели *приватного пространства*, – выбор точки отсчета, профилирование, концептуальная метонимия – определяют языковые механизмы концептуализации (номинация, семантическая сочетаемость, метонимия). Временные координаты вербализуются в немецком языке при помощи временных форм глагола, наречий пространственной семантики, имен прилагательных, существительных, числительных, местоимений, используемых изолированно и синкретично. Временные координаты могут репрезентироваться и метонимически.

Таким образом, конструируя модель *приватного пространства*, говорящий интерпретирует характер отношений (межличностных, пространственных, временных) между собой и окружающим его миром в системе координат *я – здесь – сейчас*.

В рамках *личностной координаты* выделяются *координата адресанта* (*я-координата, мы-координата*), *координата адресата* (*ты-координата, вы-*

координата, Вы-координата) и координата третьего лица (он / она / оно-координата, они-координата). **Пространственная координата** может быть маркированной и немаркированной. В случае ее маркированности в модели *приватного пространства* выделяются *здесь-координата*, *там-координата* и *недифференцированная пространственная координата*. **Временная координата** раньше – сейчас – позже репрезентирует *пространство прошлого*, *актуальное пространство настоящего* и *пространство будущего*.

1.3. Модель социального пространства

Социальное пространство является следующим за *приватным* по степени удаленности от индивидуума типом пространства, категоризируемым в немецком языке на основе принципа эгоцентризма. Когнитивным основанием структурирования модели *социального пространства* является присущее немецкому языковому сообществу четкое противопоставление **сферы частной жизни и сферы профессиональной, общественной, общечеловеческой** в сознании индивидуума, на основании которого происходит разграничение между *приватным* и *социальным* пространствами.

Следовательно, в основе категоризации *социального пространства* лежит противопоставление концептов ÖFFENTLICH и PRIVAT, ключевыми характеристиками которых являются, соответственно «*общедоступный, общественный, общеизвестный, официальный, публичный, городской, государственный, касающийся всех*» и «*частный, личный, доверительный, неофициальный, семейный, домашний*» (о концепте PRIVAT и его характеристиках см. подробнее раздел 1.2. II Главы настоящей работы).

Остановимся подробнее на особенностях представленности основных характеристик концепта ÖFFENTLICH, лежащих в основе эгоцентрической категоризации *социального пространства* в немецком языковом сообществе:

Öffentlich – (1) *staatlich, städtisch, der Gemeinde gehörend*; (2) *allgemein allen zugänglich*; (3) *allgemein bekannt, alle betreffend* (Wahrig 2008: 754),

- (1) für jeden hörbar und sichtbar; nicht geheim; (2) für die Allgemeinheit zugänglich, benutzbar; (3) die Gesellschaft allgemein, die Allgemeinheit betreffend, vor ihr ausgehend, auf sie bezogen; die Verwaltung eines Gemeinwesens betreffend; kommunal (Duden 1996: 1096);

- (1) vor aller Welt; (2) amtlich (Duden. Bd. 8 1989: 490).

Öffentlichkeit – die Leute, das Volk, alle anderen Menschen, das Publikum (Wahrig 2008: 755),

- (1) als Gesamtheit gesehener Bereich von Menschen, in welchem etwas allgemein bekannt [geworden] und allen zugänglich ist; (2) das Öffentlichsein; das Zugelassensein für die Öffentlichkeit (Duden 1996: 1096);

- Allgemeinheit, Bevölkerung, Gesellschaft (die breite Öffentlichkeit, in / vor aller Öffentlichkeit, im Licht der Öffentlichkeit stehen); Gegensatz zum: Privatleben (Duden. Bd. 8 1989: 490).

Основные характеристики концепта ÖFFENTLICH («общедоступный, общественный, общеизвестный, официальный, публичный, городской, государственный, касающийся всех») свидетельствуют о том, что когнитивным основанием эгоцентрического конструирования *социального пространства* в немецком языке является осознание и вычленение индивидуумом на основе интерпретации перечисленных выше характеристик физического и ментального пространств социальной интеракции, равно как и выделение круга лиц, объединенных с ним общностью социальных, социокультурных, национальных, территориальных отношений.

Физическое *социальное пространство* категоризуется как конкретное место в пространстве, как территория; ментальное *социальное пространство* категоризуется на основе интерпретации отношений между отдельными людьми / группами людей, объединенных общностью социальных интересов. Данная модель пространства включает в себя всех тех, с кем индивидуум поддерживает или может поддерживать официально-деловые отношения, а также собы-

тия, действия, субъекты, объекты, относящиеся к таким сферам его жизнедеятельности, как *профессиональная деятельность, учеба, общественная, политическая, религиозная жизнь, национальные, общечеловеческие интересы*, и включенные в различные общины для представителей немецкого лингвокультурного сообщества территориальные отношения (физические пространства населенных пунктов, федеральных земель, страны (например, Германия как географическая территория), Европы, Земли), национальные отношения (ментальное пространство – например, Германия как национальное государство). Следовательно, *социальное пространство* категоризируется в немецком языке как *коллективное разделяемое пространство*, что находит свое выражение в языке на системном и функциональном уровнях.

Когнитивную основу эгоцентрического конструирования *социального пространства* (физического и ментального) как коллективного разделяемого пространства, ограниченного от других моделей пространства, составляет интерпретация отношений партитивности (на основе интерпретации характеристик *принадлежности, включенности, симметричности, зависимости, доминирования*) и осмысление области определения – профессиональная деятельность, учеба, общественная жизнь (политическая, религиозная), территория, национально-культурное пространство.

Действие таких когнитивных механизмов, формирующих соответствующие смыслы, как выбор точки отсчета, перспективизация, профилирование, генерализация, конкретизация, концептуальная метафора, метонимия; когнитивных схем *внутри – снаружи, включение – исключение, выше – ниже, иерархичность – равноправие*, обуславливает использование таких языковых механизмов концептуализации *социального пространства*, как номинация, дейксис, словообразование, языковая метонимия, семантическая сочетаемость. На языковом уровне для репрезентации социального пространства и

маркирования перечисленных смыслов и характеристик, используются единицы различных уровней: имена существительные, прилагательные, местоимения, наречия, глаголы, предложные словосочетания.

Интерпретация отношений партитивности осуществляется при помощи местоимений, имен существительных в функции определения:

Sein Dienstwagen, den er selten benutzt, erinnert eher an ein Raumschiff als an ein Auto (МК);

München ist die Heimatstadt von Ann (ЛК);

Peter's Arbeitsstelle ist in einem neuen Büro im 2. Stock (МК);

Alltäglich bin ich immer bis 12 Uhr in meinem Büro;

Wenn Sie Interesse haben, kommen Sie morgen in mein Atelier.

В приведенных выше примерах эгоцентрическая категоризация говорящим *социального пространства*, выполняющая функцию локализации в физическом пространстве, осуществляется при помощи имен существительных *Büro* (*Arbeitsraum, in dem schriftliche oder verwaltungstechnische Arbeiten eines Betriebes, einer Organisation o.Ä. erledigt werden* (Duden 1996: 294)) и *Atelier* (*Arbeitsraum, Arbeitsstätte eines Künstlers, Maßschneiders, Fotografen*) ((Duden 1996: 147)), выступающих маркерами социального пространства. Отношения партитивности (в данных контекстах – отношения *принадлежности*) передаются за счет использования притяжательных местоимений *mein* и *sein*, имен существительных, номинирующих лица, чье социальное пространство категоризуется, в функции определения.

В примере:

- *Aber er wird einsehen, dass es für einen solchen Lümmel wie dich auf meiner Schule keinen Platz gibt.* ...

- *Seine Schule, dachte Franz. Als ob sie ihm gehörte* (Andersch 1980: 55-56),
– *социальное пространство* – школа как учебное заведение – категоризуется как пространство, *принадлежащее* человеку (по контексту – авторитарному

директору школы), что вызывает протест у ученика. Подобная реакция вызвана именно неприятием направления вектора принадлежности – *пространство принадлежит человеку*, который осознанно был выбран говорящим (директором) при конструировании его социального пространства на основе интерпретации отношений доминирования и зависимости, иерархии и равноправия.

В следующем примере (как и в выше приведенном):

Ich möchte jetzt einmal einen anderen Ihrer Schüler hören, Herr Doktor! (Andersch 1980: 86); *Im Verkehr des Klassenlehrers mit seinen Schülern gab es niemals einen Herrn Kandlbinder, sondern einzig einen Herrn Professor, ...* (Andersch 1980: 54), –

образовательная сфера *социального пространства* конструируется на основе противопоставления асимметричных социальных статусов субъектов (*учитель – ученик*), а вектор принадлежности направлен от человека, имеющего более высокий социальный (и возрастной) статус (*учитель*) на человека с более низким социальным статусом (*ученик*). Конструирование *социального пространства* осуществляется на основе интерпретации отношений *доминирования* и *зависимости*). Субъект, входящий в *социальное пространство* конкретного человека (учителя), концептуализуется как сущность, *принадлежащая / приписываемая ему* (отношения *принадлежности* репрезентируются при помощи соответствующего притяжательного местоимения).

Следовательно, особенности языковой категоризации данного типа пространства заключаются в том, что в одних случаях *коллективное разделяемое пространство*, равно как и входящие в него объекты, субъекты категоризуется как *принадлежащее индивидууму (приписываемые ему)*, в других случаях индивидуум категоризуется как часть *коллективного разделяемого пространства*, как *сущность, принадлежащая социальному пространству*:

In der Gewissheit, Teil der großen kirchlichen Familie zu sein, kannst Du fröhlich Deine Konfirmation feiern (из поздравления по случаю конфирмации).

Социальное пространство категоризируется в данном примере как коллективное разделяемое ментальное пространство при помощи словосочетания *große kirchliche Familie* (имя прилагательное *kirchlich* выступает маркером религиозной сферы социального пространства; номинация *Familie* репрезентирует доверительный характер отношений внутри данной сферы социального пространства). На основе интерпретации отношений *включенности* – *принадлежности* адресат концептуализируется как *часть* социального пространства. Маркером направления вектора принадлежности *человек – часть пространства* выступает существительное *Teil*, в семантике которого заложено как значение *часть более крупного целого*, так и *лицо / группа лиц, находящиеся в определенных отношениях к другому лицу / группе лиц* (*etwas, was mit anderem zusammen ein Ganzes bildet, ausmacht; zu einem größeren Ganzen gehörende Menge, Masse o.Ä.; Person oder Gruppe von Personen, die in bestimmter Beziehung zu einer anderen Person oder Gruppe von Personen steht* (Duden 1996: 1522)).

В следующем примере:

„Du“, sagte er, und in der Art, wie er dieses „du“ akzentuierte, lag unverkennbar die Absicht, Franz schon jetzt aus der Klasse, aus der Gemeinschaft seiner Mitschüler auszuschließen. „Du wirst die Obertertia nicht erreichen“ (Andersch 1980: 88), –

образовательная сфера социального пространства также концептуализируется в языке как *коллективное разделяемое пространство*, включающее человека (*человек – часть пространства*) (*Gemeinschaft, Mitschüler*). Подобное конструирование *социального пространства* осуществляется на основе интерпретации отношений *индивидуальности* – *коллективности* и *включенности* – *принадлежности*.

Следовательно, при эгоцентрическом конструировании *социального пространства* и наполняющих его сущностей на основе интерпретации отношений *коллективности* – *индивидуальности*, *включенности* – *принадлежности*, *доминирования* – *зависимости*, вектор направления соотнесения индивидуума

с определенной сферой его социального пространства, может быть различным. Направление вектора принадлежности зависит, прежде всего, (1) от социального или позиционного статусов человека; (2) от соотношения социальных или позиционных статусов индивидуума, социальное пространство которого категоризируется, и субъектов, входящих в это пространство; (3) от того, единичный это субъект или коллективный.

При отсутствии однозначных языковых маркеров направления вектора принадлежности, только опора на общий контекст позволяет однозначно понять, какое место занимает человек в социальном пространстве: *человек* категоризируется как *часть пространства* или *пространство* категоризируется как *принадлежащее или приписываемое человеку*.

Соответственно, для адекватного декодирования необходимо знание контекста и социального / позиционного статуса лица, выступающего в качестве индивидуума, чье социальное пространство категоризируется. Так, значение предложений с посессивной конструкцией *Sie geht in meine Klasse / Sie geht in meine Schule* может быть различным:

(1) *Она учится в классе / в школе, в котором / в которой я преподаю (Она моя ученица)* (в основе категоризации – асимметричность социальных статусов индивидуумов (*учитель – ученики*)).

(2) *Она учится в классе / в школе, в котором / в которой я учусь (Она моя одноклассница)* (в основе категоризации – симметричность социальных статусов индивидуумов (*ученик – ученик*)):

(1) *„Er geht in meine Klasse“, erklärte Herr Bremser und guckte aus dem Fenster* (E. Kästner. НКРЯ);

(2) *Der geht in meine Schule, eine Klasse höher* (E. Kästner. НКРЯ).

В первом случае номинация социального статуса индивидуума, категоризирующего пространство, осуществляется при помощи именной группы (*Herr Bremser*). Следовательно, речь идет об учителе, и социальное пространство

(класс как группа учеников) категоризуется на основе интерпретации асимметричных отношений как *приписываемое* индивидууму (*класс, в котором я преподаю*).

Во втором случае словосочетание *eine Klasse höher* указывает на то, что социальный статус говорящего – ученик. Следовательно, вектор категоризации социального пространства (школа, как место где обучаются ученики) – человек как часть пространства (*школа, в которой я учусь*).

Когнитивную основу интерпретации направления вектора принадлежности при эгоцентрической категоризации *социального пространства* составляет знание о социальных статусах индивидуумов и, как следствие, знание о направлении «вектора воздействия»: действие, совершаемое индивидом с более высоким социальным статусом, направлено на индивида с более низким социальным или позиционным статусом:

- *Учитель учит учеников, профессор учит студентов (dein Schüler, mein Student* – «вектор воздействия» направлен на данный субъект, *mein Lehrer, dein Professor* – «вектор воздействия» – от данного субъекта; номинации передают характеристику «асимметричность социальных статусов»):

„*Bremser heißt dein Klassenlehrer?*“ *fragte Pünktchen. Anton nickte* (E. Kästner: НКРЯ / ПК (немецкий)).

- *Врач лечит пациентов (mein Patient* – «вектор воздействия» направлен на данный субъект, *mein (Haus)arzt* – «вектор воздействия» – от данного субъекта; номинации передают характеристику «асимметричность позиционных статусов») и т.д.):

Ich muss meinen Hausarzt anrufen und einen Termin bekommen (МК).

Если индивидуум, чье *социальное пространство* категоризуется, является частью коллективного субъекта, объединенного общими целями, задачами, интересами (пассажиры, зрители, читатели и т.д.), противопоставленного единичному субъекту (водитель, кондуктор, стюардесса, актер, диктор и

т.д.), при конструировании такого создаваемого на определенное время ментального пространства или функционирующего определенное время разделенного физического или ментального пространства, наблюдается языковая асимметрия. Посессивные конструкции типа *meine / unsere / deine / seine / ihre Passagiere (Kunden, Zuhörer, Zuschauer etc.)*, считаются нормой:

Er ist ein guter und ehrlicher Mann, auch wenn er nicht so viel Geld hat wie dein zahlendes Publikum (М. Ende: НКРЯ / ПК (немецкий));

Unsere Kunden sind da sehr phantasievoll;

Auch kam mir der geliebte Text, wie ich ihn jetzt vor meinen Zuhörerinnen Zeile für Zeile entrollte, viel länger als in der Schule vor (Hahn 2014: 210).

Посессивные конструкции типа **mein / *sein / *ihr Schaffner / *Fahrer* (если речь не идет о личном водителе), **Schauspieler, *Flugbegleiter, *Verkäufer etc.*), являясь корректными с грамматической точки зрения, в немецком языке не используются (ср. русское *мой / твой / его / ее зрители / клиенты / слушатели (мой зритель / клиент / слушатель)*), но: **мой актер / продавец / *моя стюардесса*).

Возможно, когнитивным основанием подобной асимметрии является соотношение постоянных и переменных статусов: пассажиры, слушатели, зрители постоянно меняются (это *временный позиционный статус*), тогда как стюардессы, водители, кондукторы, актеры имеют *постоянный профессиональный статус*. Следовательно, специфика эгоцентрической категоризации социального пространства в определенной степени отражает особенности социальной градации общества и соотношение постоянных и переменных социальных статусов и ролей.

Различные сферы внутри модели *социальное пространство* категоризируются в немецком языке как ограниченные разделяемые коллективные пространства, связанные с такими *социальными* сферами жизнедеятельности индивидуума, как *работа, учеба, общественные, религиозные, национально-*

культурные, общечеловеческие (мировые) интересы. При категоризации социального пространства структурирующими его концептами выступают операционные концепты ARBEIT, STUDIUM / LERNEN, VEREIN, PARTEI, KIRCHE, STADT (DORF), BUNDESLAND, DEUTSCHLAND, EUROPA, WELT.

Внутри *социального пространства* выделяются, таким образом, следующие сферы, особенности эгоцентрической категоризации которых самым непосредственным образом связаны с той или иной областью осмысления социального пространства как *коллективного и разделяемого*:

- *профессиональная / образовательная сфера;*
- *сфера общественной жизни (политической, религиозной);*
- *территориальное пространство (деревня, город, федеральная земля, страна, Европейский союз, Европа, Земля, Вселенная) и связанное с ним национально-культурное пространство.*

Профессиональная сфера социального пространства категоризуется как *коллективное разделяемое пространство* с относительно четкими границами, включающее в себя людей, события, отношения, действия, связанные с профессиональной деятельностью индивидуума. *Когнитивным основанием* языковой категоризации данной сферы социального пространства выступает осмысление индивидуумом своей или чьей-либо профессиональной деятельности и социального статуса:

- *Wie würdest du deine Arbeitsverhältnisse einschätzen?*
- *Meine Arbeitsverhältnisse? Die finde ich locker und angenehm.*

Языковым маркером *профессиональной сферы* социального пространства выступает в данном случае имя существительное *Arbeitsverhältnisse* с соответствующей семантикой (*die berufliche Arbeit betreffende Verhältnisse* (Duden 1996: 137)). Языковым показателем того, что данная сфера концептуализируется как *разделяемое коллективное пространство* является существительное *Verhältnisse*, семантика которого предполагает наличие множества лиц, связанных между собой определенными отношениями (*Art, wie jemand zu jemand*

steht (Duden 1996: 1646)). Семантика существительного *Arbeitsverhältnisse* позволяет говорить и о наличии довольно четких границ, отделяющих данную сферу, как сферу, связанную с профессиональной деятельностью субъекта, от других сфер *социального пространства*.

Профессиональная сфера категоризуется в языке и как *физическое пространство*, и как пространство *ментальное*. Если *социальное пространство* категоризуется как определенное *место в пространстве*, то правомерно говорить о *физическом социальном пространстве* (категоризация выполняет функцию *локализации*):

Deshalb ist unser Büro überheizt und unsere Vertreter haben als oberstes Grundsatz eingepaukt bekommen ... (Е.-М. Remarque: НКРЯ / ПК немецкий);

An einem Wintervormittag ... saß K., trotz der frühen Stunde schon äußerst müde in seinem Büro (F. Kafka: НКРЯ / ПК немецкий);

Du glaubst, ich lasse dich in meiner Werkstatt herumpantschen? (P. Süskind: НКРЯ / ПК немецкий);

Wilke aber sitzt eine Etage tiefer im Atelier unseres Bildhauers Kurt Bach und spielt mit ihm Domino (Е.-М. Remarque: НКРЯ / ПК немецкий).

Маркером *профессиональной сферы* социального пространства в приведенных выше примерах выступают лексемы *Büro*, *Werkstatt*, *Atelier* значение которых в данном контексте – *помещение для работы*. Следовательно, *социальное пространство* категоризуется как *физическое пространство*. В первом примере характеристики *принадлежности*, *коллективности*, *разделяемости* передаются при помощи притяжательного местоимения *unser*. В остальных примерах пространство конструируется как принадлежащее индивидууму; характеристика неразделяемости передается за счет притяжательных местоимений *mein*, *sein* и имен существительных в функции определения в постпозиции. *Профессиональная / образовательная сфера социального пространства* индивидуума категоризуется в данном случае как *пространство-вместилще*

с четко представленной областью *внутри* (см. значение, передаваемое предложением *in* в сочетании с дательным падежом).

Профессиональная сфера социального пространства категоризуется и как пространство *ментальное*:

Sie denken, das Werk braucht Sie. Ohne Sie geht nichts. ... Aber was ist unser Werk, diese Fabrik, die Sie braucht? Das ist doch nicht Herr Dr. Maternus, der uns, ich sage uns, meine Damen, Ihnen und mir, Lohn und Brot gibt (Hahn 2014: 407-408);

Unsere Fabrik macht am Pfingsten einen Betriebsausflug.

В данном случае, в результате метонимического переноса категоризация *социального пространства* выполняет функцию идентификации: *Fabrik* – коллектив фабрики (*Belegschaft einer Fabrik* (Duden 1996: 476)). Профессиональная сфера социального пространства категоризуется как *коллективное разделимое* пространство при помощи притяжательного местоимения *unser*.

При категоризации ментального социального пространства характеристика *коллективности* может передаваться на морфологическом уровне при помощи суффикса *-schaft*, который передает значение «группа лиц» (*bezeichnet in Bildungen mit Substantiven eine Personengruppe* (Duden 1996: 1358)): *Angestelltenschaft* (*профессиональная сфера социального пространства*) (см. также: *Lehrerschaft, Schülerschaft* (*профессиональная сфера социального пространства*); *Burschenschaft, Pastorenschaft* (*сфера общественной жизни социального пространства*)).

Категоризация *профессиональной сферы* социального пространства может осуществляться и на основе интерпретации отношений внутри профессионального коллектива, на основе сопоставления социальных статусов индивидуумов, то есть на основе интерпретации характеристик *симметричность – асимметричность, доминирование – зависимость* (действие когнитивных схем *выше – ниже, иерархичность – равноправие*). При отсутствии существенных расхождений в выполняемых профессиональных функциях носители этих

функций концептуализируются как обладающие симметричными социальными статусами. При эгоцентрической категоризации *профессиональной сферы социального пространства* это находит свое отражение в немецком языке в выборе таких номинативных единиц, маркирующих профессиональную сферу социального пространства человека, как *Kollege / Kollegin (Arbeitskollege, Fachkollege, Berufskollege, Betriebskollege), Mitarbeiter / Mitarbeiterin, Partner, Geschäftspartner, Arbeitskamerad*:

Darf ich Ihnen Frau Steinbeck vorstellen? Sie ist eine Kollegin von mir;

In dieser historisch bedeutenden Phase war es mir im März 1990 zusammen mit meinem Kollegen Stephan Kühnrich vom DDR-Fernsehen gelungen, ein Interview mit Michail Gorbatschow zu bekommen (Krone-Schmalz 2015: 93);

Was sagen Ihre Mitarbeiter dazu?

Характеристика *разделяемое коллективное пространство* передается в выше приведенных примерах при помощи соответствующих имен существительных, наречия *zusammen*; характеристика *принадлежности* репрезентируется при помощи притяжательных местоимений и предложной конструкции *von + личное местоимение / имя существительное, номинирующее лицо (в дательном падеже)*.

Асимметричность социальных статусов индивидуумов находит свое языковое выражение при категоризации *профессиональной сферы социального пространства* за счет использования таких номинаций и предложных словосочетаний, как *Boss, Chef / Chefin, Direktor / Direktorin, Leiter / Leiterin, Führungskraft, Führungsperson, der Vorgesetzte, Inhaber / Inhaberin; Hochstatus, der hohe berufliche Status / Rang, übergeordnet sein*, (противопоставленных номинациям *Angestellte, Sekretär / Sekretärin; Tiefstatus, der Niederrangige, der niedrige berufliche Status / Rang, untergeordnet sein*):

Obwohl sie gute Beziehungen zum Boss hatte, half sie ihrer Kollegin nicht und ließ sie im Regen stehen (МК);

Er rief den Namen seiner Chefin (Glavic 2009: 11);

Jemand, der seinem Chef gegenüber aus dem Tiefstatus handelt, fordert im Hochstatus die eigenen Kinder auf, endlich ihr Zimmer aufzuräumen (Lutzer 2010: 9);

Paul liebte es, wenn sie von ihrem Direktor erzählte (Aehnlich 2007: 137);

In der Tat geht es in einem Familienunternehmen häufig auch familiärer zu, allerdings kann ich sagen, dass die Hierarchie bei uns stark ausgeprägt ist zwischen Inhaberin und uns als Mitarbeitenden (MK).

Имена существительные *Chefin*, *Chef* и *Direktor* маркируют профессиональную сферу социального пространства (*Boss – Mann an der Spitze eines Unternehmens* (Duden 1996: 277); *Chefin – verantwortliche Leiterin einer Dienststelle, eines Betriebes* (Duden 1996: 301); *Direktor – Leiter einer öffentlichen Institution oder bestimmter Behörden* (Duden 1996: 348). В качестве точки отсчета выступает индивидуум, социальный статус которого ниже социального статуса лица, обозначенного как *Chefin*, *Chef*, *Direktor*, *Inhaberin*. Следовательно, категоризация социального пространства осуществляется на основе интерпретации отношений *симметричности – асимметричности, доминирования – зависимости*. Особенно четко это прослеживается в третьем примере (*aus dem Tiefstatus handeln*) и в последнем примере (*die Hierarchie ist bei uns (zwischen Inhaberin und uns als Mitarbeitenden) stark ausgeprägt*).

Кроме того, в ряде случаев при категоризации профессиональной сферы социального пространства на основе интерпретации отношений *симметричности – асимметричности, доминирования – зависимости*, говорящий учитывает не только статус индивидуумов, но и единичность / множественность субъектов (*руководитель*, как правило, один, а подчиненных много). Ср.:

meine Sekretärin, eine Sekretärin von mir, но: *meine Chefin* (**eine Chefin von mir*).

Национально-культурные особенности категоризации всех сфер социального пространства в немецком языке проявляются в том, что при асимметричности социальных статусов коммуникантов используются симметричные

формы обращения (*Herr / Frau + фамилия, Herr / Frau + титул*), как в приведенном выше примере, и дистанцированного местоименного наименования собеседников *Sie*. Когнитивным основанием такой особенности языковой категоризации *социального пространства* выступает стремление личности к защите «своего» пространства: в немецком языковом сообществе не приветствуется любое акцентирование асимметричности социальных статусов, в том числе, на языковом уровне, особенно со стороны выше стоящего в социальной иерархии.

Вместе с тем, существуют определенные сферы профессиональной деятельности (журналистика, радио, телевидение, реклама, компьютерное обеспечение и ряд других сфер), в которых коллеги обращаются друг к другу при помощи «контактного» *du*, а в качестве обращения используют формы имени, что способствует созданию непринужденной обстановки в коллективе. В данном случае на языковом уровне *профессиональная сфера социального пространства* категоризируется на основе интерпретации отношений как симметричных.

Образовательная сфера социального пространства категоризируется как *коллективное разделяемое пространство* с относительно четкими границами, включающее в себя людей, события, отношения, действия, связанные с образовательной сферой индивидуума. Когнитивным основанием категоризации данной сферы социального пространства выступает осмысление индивидуумом своей или чьей-либо образовательной деятельности и социального статуса.

Образовательная сфера категоризируется в языке и как *физическое пространство*, и как пространство *ментальное*. Если *социальное пространство* категоризируется как определенное место в пространстве, то правомерно говорить о *физическом социальном пространстве* (категоризация выполняет функцию *локализации*):

In unserer Schule haben wir ein modernes Schwimmbad (LK);

Die Uni-Bibliothek ist bei uns bis spät in der Nacht geöffnet.

Маркером образовательной сферы социального пространства в первом случае выступает лексема *Schule*, значение которой в данном контексте – здание школы (*Schulgebäude*), на что указывает существительное *Schwimmbad*. Во втором случае образовательная сфера социального пространства маркируется при помощи существительного *Uni-Bibliothek*. Следовательно, в обоих случаях категоризируется место в *физическом социальном пространстве*. Характеристики *коллективности, разделяемости* социального пространства передается при помощи притяжательного местоимения *unser*, инклюзивного личного местоимения *wir* в именительном падеже и в косвенном падеже в предложном словосочетании. *Образовательная сфера социального пространства* индивидуума категоризируется как *коллективное разделяемое пространство*, как пространство-вместилище областью *внутри* (см. значение, передаваемое предлогом *in* в сочетании с дательным падежом).

Образовательная сфера социального пространства категоризируется и как пространство *ментальное*:

- *Wie habt Ihr das gefeiert? Wie war das?*

- *Ach, es war herrlich! Unsere ganze Schule versammelte sich in der Aula* (МК);

Unsere Universität ist eine Massenuni mit allen Folgen.

В приведенных примерах категоризация образовательной сферы социального пространства выполняет как функцию локализации, так и функцию идентификации. Имя существительное *Schule* обозначает в данном контексте весь учительский и ученический состав конкретной школы (*Lehrer- und Schülerschaft einer Schule* (Duden 1996: 1358)). Значение имени существительного *Universität* в данном контексте – преподаватели и студенты (*Gesamtheit der Dozenten und Studierenden einer Universität* (Duden 1996: 1607)).

Категоризация образовательной сферы социального пространства может осуществляться и на основе интерпретации отношений внутри школьного,

университетского коллектива, на основе сопоставления социальных статусов индивидуумов, то есть на основе интерпретации характеристик *симметричность – асимметричность, доминирование – зависимость* (действие когнитивных схем *включение – исключение, выше – ниже, иерархичность – равноправие*). При отсутствии существенных расхождений в выполняемых функциях носители этих функций концептуализируются как обладающие симметричными социальными статусами. При эгоцентрической категоризации *образовательной сферы социального пространства* это находит свое отражение в немецком языке в выборе таких номинативных единиц, маркирующих профессиональную сферу социального пространства человека, как *Mitschüler / Mitschülerin, Kommilitone / Kommilitonin, Studiengenosse / Studiengenossin, Studienkollege / Studienkollege*:

Martin Galant war mein Studienkollege (LK);

Franz und alle seine Mitschüler hatten eine Zeit lang gespannt beobachtet, ...
(Andersch 1980: 15);

Meine Kommilitonen wohnen meistens in den WGs.

Характеристика *разделяемое коллективное пространство* передается в выше приведенных примерах при помощи соответствующих имен существительных; характеристика *принадлежности* передается при помощи притяжательных местоимений.

Асимметричность социальных статусов индивидуумов находит свое языковое выражение при категоризации *образовательной сферы социального пространства* за счет использования таких номинаций и предложных словосочетаний, как *Direktor / Direktorin, Dekan / Dekanin, Schulleiter / Schulleiterin, Professor / Professorin, Dozent / Dozentin, Lehrer / Lehrerin* (противопоставленных номинациям *Student / Studentin, Schüler / Schülerin*).

Учителей в школе, профессоров в университете гораздо меньше, чем школьников или студентов, поэтому студенты и школьники, как правило, знают всех своих учителей и профессоров по фамилии (и имени). В немецких

университетах профессора, читающие потоковые лекции не знают имен студентов, которые эти лекции посещают, поэтому обращение к студенту по имени является прагматически значимым показателем особого «статуса» этого студента в *профессиональной сфере социального пространства* преподавателя:

Und dann geschah das Unfassbare. Die Professorin sagte ein deutliches, nicht einmal unfreundliches „Ja bitte, Frau Glaubitz“. Ursula Wolf, die berühmte, am gesamten Philologischen Institut gefürchtete Professorin, hatte die Frau mit der Frisur namentlich angesprochen! Hatte ihr die höchste Auszeichnung erteilt, die ein Student an einer Massenuniversität erteilt bekommen kann, die namentliche Anrede, die ihn aus dem Heer der Immatrikulationsnullnummern heraushebt. Ich verstand die Welt nicht mehr (Dorn 2007: 41).

Концептуализацию образовательной сферы как вместилища обуславливает *профилирование* границ (речь идет о ментальных границах, имеющих условные параметры) и характеристик *принадлежности* – *непринадлежности*, *включенности* – *исключения*, осуществляемое с опорой на когнитивную схему *включение* – *исключение* (*zum Studium an der Uni zulassen, (sich) immatrikulieren, sich um eine Zulassung zum Studium bewerben, sich an die Uni einschreiben, im Studium sein, die Schule / Hochschule / Universität wechseln / verlassen, von der Hochschule / Schule verweisen, exmatrikulieren, relegieren*):

Nach meinem Abitur werde ich mich an die Uni einschreiben;

Im nächsten Jahr soll Bastian die Schule wechseln, denn seine Familie nach Kassel umzieht (МК);

Anna ist schon seit drei Jahren exmatrikuliert.

Таким образом, *профессиональная* и *образовательная сферы* социального пространства категоризуется в немецком языке как *коллективное разделяемое пространство* с относительно четкими границами, включающее в себя людей, события, отношения, действия, связанные с профессиональной или образовательной сферой индивидуума. *Когнитивным основанием* категоризации

данной сферы выступает осмысление индивидуумом своей или чьей-либо образовательной деятельности и социального статуса и профилирование границ (физических или условных) и характеристик с опорой на когнитивные схемы *включение – исключение, выше – ниже, иерархичность – равноправие*.

Когнитивную основу концептуализации **сферы общественной жизни социального пространства** составляет осознание представителями немецкого этнокультурного сообщества общественного положения, роли, места в *общественной, религиозной, политической жизни* своего города (деревни), общины, региона, федеральной земли, страны, Европы, мира.

Социологические и статистические исследования показывают, что ни в одной стране мира нет такого количества объединений, обществ, клубов, по интересам, как в Германии (см. подробнее: www.bdvv.de; www.de.statista.com). В языке это находит отражение в таких номинациях, как:

Verein (Verein der Kunstfreunde, Naturschutzverein, Gesangverein, Christlicher Verein Jungen Menschen, Verein Deutscher Ingenieure, Deutscher Sprachverein);

Vereinigung (eine Vereinigung zum Schutz seltener Tiere);

Gesellschaft (eine literarische Gesellschaft, die Goethe-Gesellschaft, die Hans-Fallada-Gesellschaft, Gesellschaft Deutscher Chemiker, Gesellschaft Deutscher Naturforscher und Ärzte, Gesellschaft für christlich-jüdische Zusammenarbeit, Gesellschaft für Deutsche Sprache);

Verband (der politische Verband, der Internationale Germanisten Verband);

Klub (Club) (Sportklub, ein Klub von Fotofreunden / Fotoclub, der deutsch-englische Klub, Golfclub, Sportklub, Automobilklub, Seniorenclub);

der Verein – Organisation, in der sich Personen zu einem bestimmten gemeinsamen, durch Satzungen festgelegten tun, zur Pflege bestimmter gemeinsamen Interessen usw. zusammengeschlossen haben (Duden 1996: 1640); Verbindung von Personen zu gemeinsamer Beschäftigung auf geselligem, sportlichem, künstlerischem

o.Ä. Gebiet als Organisation mit Satzung (Wahrig 2008: 1072); *freiwilliger Zusammenschluss von Personen zu einem bestimmten Zweck* (MGTL 1995 (Bd. 23): 121);

die Vereinigung – zu bestimmten Zweck gegründete (gegenüber dem Verein rechtlich unverbindliche) Organisation (Duden 1996: 1640); *das Vereinigen, Verbindung, Zusammenschluss; Verein* (Wahrig 2008: 1073);

die Gesellschaft – Vereinigung mehrerer Menschen, ein bestimmtes Ziel oder gemeinsame Interessen haben (Duden 1996: 599); *Vereinigung mehrerer Personen zu einem bestimmten Zweck und mit speziellen Satzungen; Verein* (Wahrig 2008: 427); *Personenvereinigung, die zur Erreichung eines bestimmten gemeinsamen Zwecks durch Rechtsgeschäft (Gesellschaftsvertrag, Satzung) begründet wird* (MGTL 1995 (Bd. 8): 121);

der Verband – von mehreren kleineren Vereinigungen, Vereinen, Klubs o.Ä. oder von vielen einzelnen Personen zur Durchsetzung gemeinsamer Interessen gebildeter größerer Zusammenschluss (Duden 1996: 1633); *Bund, Zusammenschluss, z.B. Vereinen, Körperschaften, Angehörigen eines Berufes* (Wahrig 2008: 427);

der Klub (der Club) – Vereinigung von Menschen mit bestimmten gemeinsamen Interessen und Zielen (z.B. auf sportlichem, politischem, kulturellem Gebiet) (Duden 1996: 848); *Vereinigung von Menschen mit den gleichen Interessen und Zielen auf geselligem, sportlichem, künstlerischem, wirtschaftlichem o.ä. Gebiet* (Wahrig 2008: 227); *Vereinigung bestimmten Sozial- oder Interessengruppen zur Durchsetzung spezifischer Ziele, heute nur zu geselligen oder sportlichen Zwecken* (MGTL 1995 (Bd. 12): 24).

Лексикографический анализ представленных дефиниций показывает, что объединяющим семантическим основанием, лежащим в основе языковой категоризации данного типа *общественной сферы социального пространства*, является значение «(добровольное) объединение определенного количества людей на основании общности интересов или целей в какой-либо области». Следовательно, правомерно говорить о категоризации ментального социального пространства как пространства *разделяемого, коллективного*:

Wissen Sie, hier sind die Leute ziemlich aktiv. Um beinahe jede gesellschaftliche Gruppe kümmern sich gleich mehrere Vereine. Und zahllose Clubs bestimmen das soziale Leben in unserer Stadt (из интервью для местного канала; Гиссен, Германия).

В приведенном выше примере ментальное социальное пространство категоризируется как сфера общественной жизни человека, о чем свидетельствует семантика существительных и прилагательных (*gesellschaftliche Gruppe, Vereine, Clubs, das soziale Leben*). Эгоцентрическая категоризация территориального (физическое социальное пространство) пространства, разделяемого говорящим с другими жителями города (*in unserer Stadt*), выполняет функцию локализации.

Wollen Sie nicht auch Mitglied in unserem Seniorenclub werden? (надпись на рекламном плакате, сопровождающаяся соответствующими фотографиями). Сфера общественной жизни социального пространства концептуализируется в данном случае как пространство нефизическое, или ментальное – клуб для пожилых людей как общественное объединение на основе возрастного статуса (*Senioren*) и общих интересов (см. приведенные лексикографические дефиниции существительного *Club*). Категоризация социального пространства выполняет в данном случае функцию идентификации.

В следующем примере:

Wir essen heute im Klub (Duden 1996: 848), – социальное пространство (сфера общественной жизни) категоризируется как конкретное место в пространстве, то есть как физическое пространство (*Klub* в данном случае – *Haus oder Raum, in dem Mitglieder eines Klubs zusammenkommen* (Duden 1996: 848)). В данном случае эгоцентрическая категоризация социального пространства выполняет функцию локализации.

Религиозная составляющая общественной сферы играет в немецком обществе значимую роль, что находит свое отражение в языковых номинациях

(именах существительных, прилагательных, предложных сочетаниях), используемых для идентификации человека на основе характеристик *верующий – неверующий*: *gläubig, glaubensvoll, der / die Gläubige, religiös – ungläubig, nicht religiös, der / die Ungläubige, Agnostiker*:

- *Sind Sie gläubig? – Ich bin Agnostiker*;

Sie sind ungläubig, nicht wahr? Sagen Sie nicht nein: ich höre an Ihrer Stimme, daß Sie ungläubig sind (Н. Böll: НКРЯ / ПК немецкий);

Ich selbst bin nicht religiös, nicht einmal kirchlich, ... (Н. Böll: НКРЯ / ПК немецкий).

Характеристика *верующий* лежит, в свою очередь, в основе субкатегоризации по вероисповеданию *христианин (католик, протестант, православный) – не христианин (мусульманин, иудей, буддист)*. Концептуализацию данной общественной сферы как вместилища обуславливает профилирование границ (речь идет о ментальных границах, имеющих условные параметры) и характеристик принадлежности – непринадлежности, включенности – исключения, осуществляемое с опорой на когнитивную схему включение – исключение (*christliche / evangelische / katholische / Gemeinde / Kirche, sich zum Christentum bekennen (bekehren) / zum Christentum übertreten, aus der Kirche ausgetreten*):

Unsere evangelische Gemeinde zählt 540 Seelen;

Seitdem Marie zu den Katholiken übergelaufen ist ... steigert sich die Heftigkeit dieser beiden Leiden ... (Н. Böll: НКРЯ / ПК немецкий);

Er war nicht katholisch, schon lange aus der Kirche ausgetreten (Н. Böll: НКРЯ / ПК немецкий);

Er ist zum Christentum übertreten.

В результате субкатегоризации внутри сферы общественная жизнь выделяется ментальное пространство политической жизни индивидуума, конструируемое как вместилище на основе когнитивного механизма профилиро-

вание (профилирование границ и характеристик *принадлежности – непринадлежности, включенности – исключения, симметричности – асимметричности*, осуществляемое с опорой на когнитивную схему *включение – исключение, внутри – снаружи, выше - ниже*) (*Parteihänger, in der Partei sein, in die Partei aufnehmen, Parteiausschluss, Ausschließung aus der Partei / aus der Partei ausschließen, aus der Parteiliste streichen, Austritt aus der Partei / aus der Partei austreten, Streichung aus der Parteiliste, die Partei wechseln, Parteichef, Parteiführer, Parteivorsitzende, Parteimitglied, Genosse, Parteispitze, Parteipräsidium, Parteivorstand, innerparteilich*):

Steinmeier steht an einem Rednerpult vor dem Fraktionssaal *seiner Partei* (SJC 2010: 148) – характеристики *разделяемое* ментальное пространство, *включенности* индивидуума в *закрытое* пространство-вместилище передается при помощи существительного *Partei (politische Organisation mit einem bestimmten Programm, in der sich Menschen mit gleichen Überzeugungen zusammengeschlossen haben, um bestimmte Ziele zu verwirklichen* (Duden 1996: 1123)) и притяжательного местоимения *sein*;

Innerparteilich wird *bei uns* heftig um die Rente mit 67 gestritten – характеристику *разделяемое, закрытое* ментальное пространство-вместилище (область *внутри*) маркируют прилагательное *innerparteilich* и предложное словосочетание (предлог *bei* + личное местоимение *wir* в Dativ);

Sein Parteifreund Volker Beck äußert sich zu Sarrazins „Hasstiraden“ etwas ausführlicher (SJC 2010: 159);

... *der frühere Hamburger Bürgermeister und SPD-Fraktionsvorsitzende Hans-Ulrich Klose, der die Freundschaft zu den USA auch zu Zeiten pflegte, in denen einige Genossen vom Virus des Antiamerikanismus befallen waren; ...* (Focus – № 39/13, 23: 158) – характеристики *симметричность позиций* в ментальном *разделяемом, закрытом* пространстве-вместилище передаются в двух последних примерах за счет сложного существительного *Parteifreund* и существительного *Genossen*; притяжательное местоимение *sein* маркирует отношения

партитивности на основе интерпретации характеристик *включенности* и *принадлежности*;

Ich würde mich schämen, wenn ein Mitglied meiner Partei solche Äußerungen von sich gäbe (SJC 2010: 160) – ментальное пространство политической жизни индивидуума конструируется как *разделяемое, закрытое* пространство-вместительнице (см. приведенную выше дефиницию существительного *Partei*); характеристика *симметричность позиций* передается за счет существительного *Mitglied*; притяжательное местоимение *mein* маркирует отношения партитивности на основе интерпретации характеристик *включенности* и *принадлежности*;

..., die neue Nordrhein-westfälische Ministerpräsidentin Hannelore Kraft (SPD) fordert Sarrazin auf, über einen Austritt aus der Partei nachzudenken (SJC 2010: 160) – профилирование границ осуществляется при помощи предложного словосочетания *Austritt aus der Partei* (*Austritt = Hinaustreten*) – выход, вектор движения – *изнутри наружу*; пространство конструируется как *разделяемое, закрытое* пространство-вместительнице.

В качестве когнитивного основания эгоцентрической категоризации сферы *общественной жизни* (ментального социального пространства) в работе рассматривается и осознание представителями немецкого языкового сообщества существующего в обществе деления на различные социальные группы, слои и классы. На лексическом уровне это находит свое отражение, например, в ряде существительных и предложных словосочетаний (*Gesellschaftsklasse, Gesellschaftsschicht, Milieu, der (hohe / niedrige) gesellschaftliche Status etc.*). Так, существительное *Klasse* (ср. латинское *classis – herbeigerufene Volksmasse*) представляет собой заимствование из французского, где его основным значением было *Gruppe mit besonderen Merkmalen* (Duden 1996: 841)) и имеет в современном немецком языке следующее значение:

Klasse – Gruppe der Bevölkerung, deren Angehörige sich in der gleichen ökonomischen und sozialen Lage befinden und die damit verbundenen sozialen und politischen Interessen vertreten (Duden 1996: 841); durch die wirtschaftliche Lage bestimmte Schicht in einer Gesellschaft (Gesellschaftsklasse) (Wahrig 2008: 585);

die Gesellschaftsklasse – Klasse innerhalb einer Gesellschaft (Duden 1996: 600) (см. также: die Gesellschaftsschicht – (z.B.: alle Schichten der Bevölkerung, zu einer bestimmten sozialen Schicht gehören) ((Duden 1996: 841)) – Schicht innerhalb einer Gesellschaft (Duden 1996: 600)).

Из приведенных выше дефиниций следует, что в семантике данных имен существительных заложено значение *членение общества*, как ментального социального пространства закрытого типа (in einer Gesellschaft, innerhalb einer Gesellschaft), на достаточно гомогенные, разноплановые группы. Данные группы – общественные классы, слои общества – выделяются:

- на основе общности экономического, социального, образовательного статусов (die Arbeiterklasse, die bürgerliche Klasse (gutbürgerliche Familie, großbürgerliche Verhältnisse), die kapitalistische Klasse, die gebildeten Schichten, bildungsferne Schichten, die Schicht der Intellektuellen, die soziale Schicht, der wohlhabende Mittelstand etc.):

Ihren Eltern ist Hilde verdächtig: Sie ist ganz offensichtlich aus der Art geschlagen, will sich nicht anpassen an die Regeln der Arbeiterklasse, strebt nach Höherem, spricht Hochdeutsch und rezitiert Schiller. Das weckt Mißtrauen und Angst in ihrer Familie (Hahn 2014: 2);

Sie gehört zur Schicht der Intellektuellen (LK);

Meine Oma stammt aus einer gutbürgerlichen Familie. Wirtschaftliche Sorgen kannten sie also nicht (LK);

Ich könnte dir zig Frauen nennen, die aus großbürgerlichen Verhältnissen stammen, eine noch höhere akademische Qualifikation haben als ich und sich ohne Not klein machen (Dorn 2007: 58);

- на основании их роли и места в общественной жизни (*die herrschende Klasse, die Unterschicht, die Mittelschicht, die Oberschicht, die besitzenden Schichten, höchste Gesellschaft, Honoratioren, die politisch führende Schicht*):

Als Tochter eines Regierungsbeamten zählte Alma Mader zu den Honoratioren des Dorfes (Hahn 2014: 260);

Sie gehört der höchsten Gesellschaft.

В данном случае социальное пространство категоризуется на основе интерпретации отношений принадлежности / непринадлежности к определенному общественному слою / классу. Языковыми маркерами направления вектора принадлежности (*человек принадлежит определенному слою общества*) являются глаголы *stammen (aus), gehören (zu)*, репрезентирующие характеристики *разделяемости, принадлежности и закрытости*. В результате, социальное пространство категоризуется как пространство-вместилище.

В следующих примерах:

In unserem Milieu war der „natürliche“ Lebensraum für eine Frau das Zuhause (Dorn 2007: 47);

So habe ich bei der Auswahl meiner Gesprächspartnerinnen von Anfang an darauf geachtet, dass sie aus den unterschiedlichsten sozialen und kulturellen Milieus stammen (Dorn 2007: 37), –

ментальное социальное пространство также категоризуется на основании интерпретации отношений принадлежности / непринадлежности (вектор принадлежности – *человек принадлежит определенной сфере социального пространства*). Указание на социальную среду происходит за счет указания на область определения при помощи использования имени существительного *Milieu (das Milieu – soziales Umfeld, Umgebung, in der ein Mensch lebt und die ihn prägt (Duden 1996: 1016); Umgebung und Zeitverhältnisse, in denen ein Lebewesen sich entwickelt, die Umwelt ((Wahrig 2008: 697)) и прилагательных с соответствующей семантикой (*sozial, kulturell*). Данное ментальное пространство ка-*

тегоризуется как пространство закрытое, в которое входят только люди с определенным социальным, финансовым, культурным, образовательным статусом. На языковом уровне характеристика *закрытости* передается при помощи предлогов *aus, in*; глагола *gehören + zu (Dativ)*. Характеристики *принадлежности* и *разделяемости* передаются притяжательным местоимением *unser* и глаголами *gehören, stammen*.

Эгоцентрическое конструирование таких сфер *социального пространства*, как физическое **территориальное пространство** и ментальное **национально-культурное пространство** осуществляется на основе осмысления и интерпретации индивидуумом конкретных областей *социального пространства* как *коллективного и разделяемого*. При категоризации *территориального пространства* выделяются такие области осмысления физического / топологического пространства как *пространства конкретного населенного пункта (города, деревни), федеральной земли, страны в целом, Европейского союза, Европы, Земли, Вселенной*. Принципы структурирования данных топологических пространств выступают основополагающими и при категоризации *национально-культурного пространства* как пространства ментального.

Анализ особенностей категоризации *территориальных и национально-культурного* пространств предполагает обращение к такому понятию, как *территориальная идентичность*, представляющему собой, в постмодернистской трактовке, некий «*бриколаж*» (в терминологии К. Леви-Стросса) географических образов, культурных ландшафтов, локальных мифов, складывающихся в ментальную мозаику в конкретный момент времени [Леви-Стросс 2001].

При конструировании территориальной идентичности структурирующими концептами выступают операционные концепты TERRITORIALITÄT и IDENTIFIKATION, основными характеристиками которых являются, соответственно, «*принадлежность какой-либо территории (области, стране)*» и «*соотнесение себя с лицом / группой лиц*», «*принятие их мотивов, идеалов*»:

- *Territorialität – Zugehörigkeit zu einem Territorium* (Duden 1996:1527);

- Territorium – (1) *Gebiet, Land*; (2) *Herrschaftsgebiet* (Wahrig 2008: 998);
Gebiet, Land, Hoheitsgebiet eines Staates (Duden 1996:1527);

- Identifikation = Identifizierung – *emotionales Sichgleichsetzen mit einer anderen Person oder Gruppe und Übernahme ihrer Motive und Ideale für die eigene Person* (Duden 1996: 750),

- Identität – *als selbst erlebte innere Einheit der Person* (Duden 1996:750);
völlige Übereinstimmung, Gleichheit; das Bild, das man von der eigenen Persönlichkeit hat (Wahrig 2008: 535).

Концепт TERRITORIALITÄT является фоном, на котором, в зависимости от области определения (*территория города, федеральной земли, страны, земли в целом*), получает свое наполнение концепт IDENTIFIKATION:

Haben Sie in Ihrer Stadt überhaupt die Möglichkeit zum Einkaufen ohne Verpackung? (МК) – территория города как физическое пространство;

Wir müssen da gezielt Werbung machen für unser Land, wo wir wollen, dass Menschen zu uns kommen (дра 12.04.2015) – территория страны (по контексту - ФРГ) как физическое *разделяемое ограниченное* пространство; формирование смысла *мы как единая страна* обеспечивается когнитивным механизмом генерализации, что соотносится с использованием говорящим – министром внутренних дел ФРГ Томасом де Мезьером (пример взят из его выступления, посвященного миграционной политике Германии) инклюзивного местоимения *wir*;

In unserer globalisierten Welt wachsen für Unternehmen die Herausforderungen der Kommunikation (МК) – мировое ментальное пространство как пространство глобальной коммуникации;

Liebe Mitbürgerinnen und Mitbürger! Wegen Not und Krieg kommen viele Fremde aus dem Ausland zu uns. Bitte nehmen Sie diese Menschen als Gäste und Partner auf und nicht als Konkurrenten um unsere Arbeitsplätze und Wohnungen!

Wir sollen sie wie ganz normale Bürgerinnen und Bürger behandeln (из предвыборного выступления кандидата от партии «Зелёных») – территория страны как физическое пространство.

В последнем примере оратор идентифицирует себя с гражданами своей страны как общей для всех территории (область определения – «территория страны»), на что указывает семантика имени существительного (*Mitbürgerinnen / Mitbürger*) и инклюзивное личное местоимение *wir* в дательном и именительном падежах. Несмотря на то, что отсутствует указание на конкретную страну, знание коллективного адресата о том, что выступающий – гражданин Германии, предполагает однозначную трактовку области определения. *Территориальное пространство*, в результате, категоризуется как пространство *закрытое, ограниченное* (*kommen ... zu uns*) (функция локализации), как «свое» пространство, противопоставленное пространству «чужому», из которого прибыли беженцы (*kommen viele Fremde aus dem Ausland*).

Конструируя социальное пространство, адресант предлагает своим согражданам такую интерпретацию статуса беженцев (*Gäste und Partner, nicht Konkurrenten, wie ganz normale Bürgerinnen und Bürger*), которая позволяет категоризовать территориальное пространство как общее, единое для вновь прибывающих мигрантов и граждан Германии. Кроме того, на основе собственной и коллективной идентификации и интерпретации характеристик *свой – чужой, принадлежности – непринадлежности* индивидуум категоризует социальное пространство и как *пространство территориальное* и как *национально-культурное*, о чем свидетельствует семантика существительных *Partner, Bürgerinnen und Bürger*:

- *Partner* – *jemand, der mit anderen etwas gemeinsam [zu einem bestimmten Zweck] unternimmt, sich mit anderen zusammentut; jemand, der mit einem anderen zusammenlebt, ihm eng verbunden ist* (Duden 1996: 1124-1125);

- *Bürger* – *Angehöriger eines Staates; Einwohner einer Gemeinde* (Duden 1996: 294).

В следующих примерах социальное пространство – пространство *страны* – также категоризируется и как *пространство территориальное*, и как *национально-культурное* (знание общего контекста позволяет идентифицировать эту страну как Германию):

Denn dieses Land braucht Vorbilder, die gerade den jüngeren Frauen leuchten können (Dorn 2007: 38);

So viel zu dem beliebten Vorurteil, nur „höhere Töchter“ würden in diesem Land interessante Karrieren machen (Dorn 2007: 37).

Социальное пространство категоризируется как *закрытое* (*in diesem Land*); характеристика *наличие границ* (территориальных) заложена в семантике существительного *Land* (*politisch selbstständiges, von Grenzen umgebenes Gebiet* (Duden 1996: 923)).

В следующем примере социальное пространство – страна как континуум *территория и общество* – категоризируется как *закрытое* пространство на основе осмысления характеристик *свой – чужой* (с одной стороны, *Deutschland als ein Einwanderungsland; freiheitliche, individualistische Grundwerte dieser Gesellschaft*, с другой – *Immigranten*):

Deutschland muss endlich ein Einwanderungsland werden. Auf der anderen Seite muss von den Immigranten gefordert werden, dass sie die freiheitlichen, individualistischen Grundwerte dieser Gesellschaft in vollem Umfang respektieren (МК).

Используя номинации *diese Gesellschaft, dieses Land*, индивидуум конструирует *социальное пространство* на основе интерпретации характеристик *дистанцированности* и *непринадлежности* (индивидуум и пространство категоризируются как *независимые сущности*). Только наличие других языковых маркеров и знание общего контекста позволяют говорить о включенности индивидуума в это *социальное пространство*. Подобная интерпретация типична для современного немецкого языка, в отличие, например, от русского, где такая дистанцированность имеет вполне конкретную прагматическую окраску

дистанцированности (ср.: в моей / нашей стране и в этой стране, в нашем обществе и в этом обществе).

Вместе с тем, в корпусе примеров есть и такие номинации, при помощи которых *социальное пространство* страны концептуализируется как *разделяемое коллективное* ментальное и физическое пространство на основе интерпретации отношений принадлежности (*unser Land, das Land unsere Väter, unser Volk*):

Wenn wir die die braun Schmach wirklich vom Angesicht unseres Volkes abgewaschen haben, dann erst könnten wir unseren Toten antworten: „Ihr seid nicht umsonst gestorben!“ (Wolf 1995: 32);

Aber unser Volk hörte nicht auf seine Dichter, es hörte auf die gestiefelten Scharlatane (Weisenborn 1995: 43);

Wie zeigt sich darin noch einmal schrecklich der Abgrund, der sich zwischen Deutschland, dem Land unserer Väter und Meister, und der gesitteten Welt aufgetan hatte (Th. Mann 1995: 19).

Подобные номинации, использовавшиеся в послевоенной Германии, позволяли концептуализировать *социальное физическое и национально-культурное пространство* как *коллективное разделяемое пространство*. Характеристика *принадлежности* (человек – часть пространства) передается в приведенных выше примерах при помощи притяжательного местоимения *unser*.

Анализ языкового материала показывает, что в настоящее время представители немецкого национально-культурного сообщества используют номинации типа *diese Gesellschaft, dieses Land*, рассматривая их как нейтральные. Можно предположить, что такая дистанцированность (нулевой вектор принадлежности) позволяет немецкой языковой личности на языковом уровне проводить границу между своим *приватным пространством* и *пространством социальным*.

В качестве еще одного когнитивного основания для выбора подобного способа языковой категоризации социального пространства, с одной стороны,

возможно рассматривать историческую память, в которой номинации типа *mein / unser Vaterland, Land* ассоциируются с вполне конкретными событиями немецкой истории (примечательно, что такие номинации стали очень востребованы в последнее время в националистически настроенных кругах немецкого общества, например, в риторике Пегида (движение «Патриотические европейцы против исламизации Запада» / Pegida „Patriotische Europäer gegen die Islamisierung des Abendlandes“)). С другой стороны, процессы интеграции в единое европейское пространство также несколько нивелируют значение такого понятия, как *Германия как родина*: немцы все больше идентифицируют себя как европейцы.

Социальное пространство категоризуется, как показано в приведенных выше примерах, и как физическое пространство, и как пространство ментальное. При использовании для указания на область определения лексемы *Gesellschaft* социальное пространство человека категоризуется как *ментальное разделяемое, закрытое пространство, имеющее границы* (см.: *Gesellschaft – Gruppe von Menschen, die in einem Verbund oder einem Staat zusammen leben und arbeiten* (Duden 1996: 599)):

Warum sollst du immer unsere Gesellschaftsordnung kritisieren? (МК);

Unsere Gesellschaft braucht keine 95 brandneuen Thesen, die eine Lutherine mit wuchtigem Hammer ans Kirchenportal zu schlagen hätte (Dorn 2007: 35);

In unserer Gesellschaft haben Berufstätige ein besseres Image als Arbeitslose und Rentner (ЛК);

Dabei bedarf es des Mitgefühls, damit unsere vom Kapitalismus geschädigte Gesellschaft nicht weiter verroht! (FA (SZ) – 03.05.2015: 18 „Frauen sind so wunderbar“).

Использование притяжательного местоимения *unser* позволяет интерпретировать вектор принадлежности при эгоцентрической категоризации ментального социального пространства в приведенных выше примерах как «человек – часть пространства».

В следующем примере говорящий категоризирует социальное пространство как *разделяемое закрытое (bei uns)*, указывая на область определения (*in Deutschland*) (функция локализации):

Mit diesem Misstrauen ausgestaltet ging ich daran, genauer zu schauen, wie sich die Dinge zwischen Mann und Frau bei uns, in Deutschland, dem Mekka der Gleichberechtigung verhielten (Dorn 2007: 25).

Социальное ментальное пространство – Германия как национально-культурное сообщество – категоризируется как *разделяемое пространство (wir Deutschen, bei uns (in Deutschland))*:

Gerade wir Deutschen hätten angesichts eigener Erfahrungen mehr Verständnis aufbringen müssen (Krone-Schmalz 2015: 62).

... ohne Risiko gibt es in der Regel keine Chance und je schneller die Menschen – und gerade bei uns – die Dimensionen dieser historisch einmaligen Chance begreifen, umso geringer wird das Risiko. Und je mehr Menschen – bei uns – der Versuchung widerstehen, sich als Sieger aufzuspielen, ganz gleich ob wirtschaftlich, ideologisch, moralisch, umso geringer wird das Risiko und umso größer wird die Chance (Krone-Schmalz 2015: 66).

Эгоцентрическая категоризация территориальных пространств Европейского союза, Европы, Земли, Вселенной и связанных с ними ментальных пространств предполагает рассмотрение концепта TERRITORIALITÄT в качестве базисного. На его основе, в зависимости от области определения (*территория города, страны, земли в целом* и так далее), трансформируется, перестраивается концепт IDENTIFIKATION:

Dabei haben wir reiche Nordländer uns doch die Welt nach unserem Geschmack eingerichtet, wir tolerieren korrupte Regimes in der Dritten Welt, ... (WZ, 10.04.2015).

В приведенном выше примере говорящий категоризирует ментальное *социальное пространство* Европы как *разделяемое пространство* (инклюзивное

местоимение *wir*); указание на область определения осуществляется при помощи маркирования внутреннего содержания – население (*Nordländer*).

При категоризации *общеευропейской сферы* социального пространства человека важным является вопрос о европейских ценностях, европейской идентичности, под которой понимается чувство принадлежности граждан Европейского Союза к данному наднациональному образованию [Sylke 2006: 157]. Понятие европейской идентичности имеет отношение как к личной, в том числе, культурной, социальной, так и к коллективной идентичности. Активная междисциплинарная полемика по проблематике европейской идентичности и интеграции позволила предложить научному сообществу такую трактовку, согласно которой идентичность европейцев рассматривается как социальный конструкт, в основании которого заложены общие историко-культурные корни, единая европейская история, равно как и приверженность общим политическим принципам (демократия, закон, права человека) (см. подробнее: [European Values and Identity]).

Европейские исследователи отмечают, что граждане ЕС вообще и граждане ФРГ, в частности, считают для себя актуальной как национальную, так и европейскую идентичность (см., например: [Eckert, McConnel-Ginet 2003: 306]). Вопрос о приоритете одной из этих идентичностей решается индивидуально, однако согласно прогнозам психологов, социальных психологов и социологов, в ближайшем будущем возможна расстановка приоритетов в пользу европейской идентичности, что найдет свое отражение в языке.

Осознание немецкоязычным индивидуумом европейской идентичности является важным фактором при эгоцентрической категоризации *общеευропейского социального пространства* как составляющей *общественной сферы социального пространства*. В настоящем исследовании мы исходим из того, что когнитивным основанием для интерпретации европейской идентичности является осознание *территориальной* и *социокультурной идентичности* (при-

нятие системы взглядов, норм и ценностей Европейского союза и, как следствие, «лингвистическое воплощение моральных заповедей» [Кирилина 2011: 355]):

Angst vor Flüchtlingen und Asylbewerbern tritt zurück und schafft – mindestens für eine Weile – Raum für Mitgefühl und Solidarität. „Es geht hier um die Akzeptanz der Europäischen Union, unserer Werte“, mahnte Merkel (dpa 24.04.2015).

В данном примере область определения – Европейский союз; адресант конструирует ментальное пространство Евросоюза как *разделяемое* пространство единых ценностей при помощи инклюзивного притяжательного местоимения *unser*.

Эгоцентрическое конструирование общеевропейского пространства в немецком языке основано на его интерпретации как *пространства разделяемого*, относительно закрытого, имеющего *границы*:

Unser Fokus liegt immer nur auf den Ländern, die in die EU oder die NATO streben. Was das für diejenigen bedeutet, die außen vor bleiben und nicht zum Club gehören, diese Frage stellen wir uns nicht (Krone-Schmalz 2015: 126).

Характеристика *разделяемое пространство* передается в данном случае при помощи инклюзивного личного местоимения *wir* и притяжательного местоимения *unser*. Данное пространство категоризуется в немецком языке как *закрытое* пространство-контейнер с наличием границ (*außen vor bleiben, (nicht) zum Club gehören*, предлог *in*). Использование глагола *streben* показывает, что эти границы (членство в ЕС и НАТО) преодолимы для стран, стремящихся стать членами ЕС и НАТО (*streben – sich energisch, zielbewusst, unbeirrt, zügig irgendwohin, zu einem bestimmten Ziel bewegen* (Duden 1996: 1481)).

В двух следующих примерах:

...hatten wir im Westen aus meiner Sicht in dieser historisch bedeutsamen Situation nicht das Recht zu resignieren, solange die Menschen an Ort und Stelle nicht das Handtuch warfen (Krone-Schmalz 2015: 127);

Ab 1992 musste in Dollar bezahlt werden, und die Preise wurden schrittweise angehoben. Unter marktwirtschaftlichen Gesichtspunkten ein folgerichtiges Verhalten, das auch umgekehrt angewandt wurde. Das hat uns im Westen nur nicht so brennend interessiert (Krone-Schmalz 2015: 127), –

область определения – *страны Западной Европы и США* – репрезентируется при помощи номинаций *Westen (Westeuropa und die USA im Hinblick auf ihre politische, weltanschauliche Gemeinsamkeit)* (см. также: *Westeuropa, Westbürger, Westgemeinschaft, westliche Gesellschaften etc.*). Данная сфера категоризируется как разделяемое (*wir*), закрытое пространство (предлог *wir + Dativ*).

Конструирование этой сферы социального пространства происходит в ряде случаев на основе противопоставления *своего* пространства и пространства *чужого* (Запад – Восток; Западная Европа и США – Россия) – *die Unterteilung in West und Ost, klassische Ost-West-Konfrontation:*

Sobald sich in Russland irgendwas abspielt, was «wir» im Westen nicht verstehen, weil uns Zusammenhänge und Hintergründe fehlen, ist ganz schnell das Feindbild wieder da, das Ende der achtziger Jahre des vorigen Jahrhunderts für einen Wimpernschlag der Geschichte überwunden zu sein schien (Krone-Schmalz 2015: 12);

Es ist schon eine merkwürdige Sache mit dem Russlandbild bei uns in Deutschland und im Westen allgemein (Krone-Schmalz 2015: 12).

*Свое социальное пространство (номинации *im Westen (allgemein), in Deutschland*) категоризируется в приведенных выше примерах как *разделяемое* (инклюзивное *wir*), *закрытое* пространство (*bei uns ... , wir im Westen*), противопоставленное *чужому* пространству (*in Russland*) или представлению о чужом пространстве (*Russlandbild*).*

В следующем примере:

(1) Welche Schicksale stecken wohl dahinter, wenn Menschen ihre Heimat aufgeben, sich entwurzeln und unter Lebensgefahr auf Gedeih und Verderb den Weg in ein fremdes Land, ... suchen? ... (2) Sie [Flüchtlinge] schätzen unsere Verfassung,

die die Menschenrechte und die Würde des Menschen garantiert (WZ, 10.04.2015), – *социальное пространство* конструируется на основе оппозиции *свой – чужой* в первой части (*ihre Heimat aufgeben, sich entwurzeln – in ein fremdes Land*) как физическое пространство стран – родины и чужой страны; во второй части *социальное пространство* концептуализируется как *разделяемое ментальное* пространство общих для немцев ценностей и прав человека, гарантированных конституцией (согласно контексту, речь идет о массовом приезде беженцев именно в Германию).

Конструирование *социального пространства* на основе оппозиции *свой – чужой* осуществляется в языке и на основе выбора определенных номинаций, однозначно репрезентирующих данную оппозицию (*свое* = законное, правильное, положительное; *чужое* = незаконное, неправильное, отрицательное). Так, поддерживая Украину в событиях последних лет, немецкоязычные СМИ четко разделили противоборствующие стороны на *своих* и *чужих*, что нашло самое непосредственное отражение в использовании языковых средств при категоризации социального пространства.

В репортажах речь идет о *Widerstandskämpfer, Freiheitskämpfer, Aktivisten, Rebellen, Kiever Demonstranten, ukrainische Armee, ukrainische Kämpfer* с украинской стороны и о (*prorussische*) *Separatisten, Terroristen, russische Interventionstruppen* при описании выступающих на стороне Донецка и Луганска (*Auseinandersetzungen zwischen Anhängern der Kiewer Zentralregierung und prorussische Separatisten; ukrainische Truppen und prorussische Separatisten* (Tagesschau: 07.09.2014, Frankfurter Allgemeine)). Вместо *russischsprachige Bevölkerung* говорят о *prorussische Bevölkerung*, что переводит нейтральную номинацию в разряд оценочной (префикс *pro* в сочетании с прилагательными указывает на благосклонное отношение к кому-либо, согласие с чьей-либо позицией, точкой зрения).

Эгоцентрическая категоризация *макрокосма*, или *универсума* (*der allgemeine Raum, Welt, Weltall, Universum, Makrokosmos*) как территориальной

сферы, входящей в социальное пространство, включает в себя пространство, общее для большинства людей / всех людей (мир, Земля, Вселенная).

Проблема противопоставления и сосуществования человека и мира, микрокосма и макрокосма, рассматриваемая уже в традициях классической древнегреческой философии в качестве основополагающего принципа человеческого существования, продолжает оставаться актуальной. Например, в теоретических рассуждениях Г. Гийома о языке, такие понятия, как *Человек* и *Вселенная* занимают значительное место. Автор отмечает наличие доказательств в структуре языка, подтверждающих следующий тезис: «В истоках языка человека ... лежит не маленькое противостояние *Человек / Человек*, а великое противостояние *Универсум / Человек*» [Гийом 2007: 161]: признавать в языке социальное явление, ... и не видеть в нем собственно человеческого явления, т.е. внесоциального, заключенного в самом человеке, ... – это значит лишиться себя всякой возможности познания его структуры, возникшей не из встречи человека с человеком, а из вечного противостояния человека и Вселенной, универсума» [там же: 162].

Указание на *универсум* как сферу *социального пространства* осуществляется при помощи номинации *die Welt (Lebensraum des Menschen* (Duden 1996: 1729)), *Erde (die Welt als das von der Menschheit bewohnte Gebiet* (Duden 1996: 446)), *Planet, All etc.:*

Ein Glück, dass die gefährliche und alles bestimmende Ost-West-Konfrontation gewichen ist, dass die schlichte Einteilung unserer Welt in Freund und Feind, in Gut und Böse überwunden wurde (МК);

Deine Einstellung zu unserem Lebensraum Erde und zu unserer Mitwelt tut gut (LK);

Dank meines weltoffenen Elternhauses war es mir schon als junger Mensch suspekt, unseren Planeten in Gut und Böse einteilen zu sollen. Die Denkschule des Kalten Krieges war mir zu eng (Krone-Schmalz 2015: 10).

Общечеловеческое пространство категоризуется в приведенных выше примерах и как физическое (территориальное) пространство, и как пространство ментальное: (конфронтация между странами Восточного и Западного блоков как конкретными территориальными образованиями и как идеологиями, разделяла *наш* мир, *нашу* Землю). Пространство характеризуется как *разделяемое*, общее для всех людей, проживающих на нашей планете (на языковом уровне данная характеристика передается при помощи притяжательного местоимения *unser*).

Использование указательного местоимения *dieser* создает эффект дистанцированности индивидуума от категоризируемого им *социального пространства* (вектор принадлежности – нулевой):

... dass sich an seiner südlichen Grenze ein Sammelbecken islamistischer Fundamentalisten bildet, aus allen möglichen Ecken dieser Welt mit Geld und Kämpfern versorgt, ... (Krone-Schmalz 2015: 49) (физическое общечеловеческое пространство);

Zieht man einmal die Verächter jeglicher staatlicher Autorität ab, die auch alles andere ablehnen, was dieser Staat bietet (außer Sozialleistungen) (FA – 02.05.2015: 5 „Jenseits der Wirklichkeit“) (пространство страны как ментальное пространство (совокупность социальных, моральных, культурных ценностей)).

Анализ фактического материала показал, что в основе эгоцентрической категоризации *социального пространства* лежит социокультурно-топологическая матрица с различными областями определения. Данная ментальная схема позволяет структурировать взаимоотношения отдельной личности и других людей, объектов, территорий, событий, принадлежащих *социальному пространству* индивидуума.

Таким образом, когнитивной основой выделения модели *социального пространства* является существующее в немецком лингвокультурном сооб-

ществе четкое противопоставление *сфер частной и социальной жизни* в сознании индивида, на основании которого происходит разграничение между *приватным и социальным* пространствами. Когнитивным основанием конструирования *социального пространства* в немецком языковом сообществе является осознание и вычленение индивидуумом *пространства социальной интеракции* и *круга лиц*, объединенных с ним общностью социальных, социокультурных, национальных, территориальных отношений. Кроме того, *социальное пространство* как пространство *коллективное, разделяемое* конструируется на основе интерпретации отношений партитивности (интерпретация характеристик *принадлежности, включенности, симметричности, зависимости, доминирования*) и осмысления области определения – профессиональная деятельность, учеба, общественная жизнь (политическая, религиозная), территория, национально-культурное пространство.

В структуре модели *социального пространства* выделяются такие сферы, как *профессиональная / образовательная, сфера общественной жизни, территориальное пространство и связанное с ним национально-культурное пространство*. Особенность языковой категоризации *социального пространства* заключается и в том, что в одних случаях данный тип *коллективного разделяемого* пространства категоризируется как принадлежащее индивидууму, в других случаях индивидуум категоризируется как часть *коллективного разделяемого* пространства, как *сущность*, принадлежащая пространству. Как показывает проведенный анализ, вектор принадлежности может быть выражен на языковом уровне и как нулевой.

Когнитивные механизмы, формирующие соответствующие смыслы, – *выбор точки отсчета, перспективизация, профилирование, генерализация, конкретизация, концептуальная метафора, метонимия* и когнитивные схемы *внутри – снаружи, включение – исключение, выше – ниже, иерархичность – равноправие*, – обуславливают использование таких языковых механизмов

концептуализации *социального пространства*, как номинация, дейксис, словообразование, языковая метонимия, семантическая сочетаемость, синтаксические конструкции.

1.3.1. Я – здесь – сейчас как система координат языковой категоризации *социального пространства* на системном и функциональном уровнях

При эгоцентрическом конструировании *социального пространства* индивидуум также использует трехуровневую систему координат *я – здесь – сейчас*, на основе которой говорящий интерпретирует характер межличностных, пространственных и временных отношений с окружающим миром. Данная система координат, как было отмечено выше, соотносится с *личностным, пространственным и временным дейксисом*.

В рамках *личностной координаты* при конструировании *социального пространства* выделяются:

- *координата адресанта (я-координата, мы-координата)*;
- *координата адресата (ты-координата, вы-координата, Вы-координата)*;
- *координата третьего лица (он / она / оно-координата, они-координата)*.

Значения, передающие личностную координату, формируются за счет таких когнитивных механизмов, как выбор точки референции, перспективизация, профилирование, генерализация, конкретизация, концептуальная метафора и спецификация. Языковыми средствами репрезентации личностной координаты в рамках модели *социального пространства* в немецком языке являются личные, притяжательные, указательные местоимения, имена существительные, прилагательные, предложные словосочетания.

Рассмотрим более подробно роль личных и притяжательных местоимений, выступающих в качестве языковых единиц, репрезентирующих личност-

ную координату при эгоцентрической категоризации социального пространства на системном и функциональном уровнях. Поскольку одной из ведущих функций местоимений в процессе коммуникации является референциальная – выделение лица или предмета как бытийной сущности с ориентацией на говорящего, то в большинстве случаев данные языковые единицы, репрезентируют личностную координату не изолированно, а в сочетании с другими единицами, относящимися к различным языковым уровням (в качестве определенного исключения выступают личные местоимения).

Личные местоимения единственного числа в конструкциях *личное местоимение + sein + N*; *личное местоимение + als + N*; *als N tätig sein*; *N von Beruf sein* (*N* – существительное, номинирующее профессиональный, образовательный статус, род занятий, партийную, национальную принадлежность) репрезентируют личностную координату:

Sie ist 52 Jahre alt, IT-Kauffrau, ... (Hасke 2004: 126) – она-координата репрезентирует сферу профессиональной деятельности социального пространства;

Als Journalist habe ich mittlerweile acht Bundestagswahlkämpfe begleitet (Focus – № 39/13: 5 „Memo der Chefredakteurs“) – я-координата репрезентирует сферу профессиональной деятельности социального пространства;

Hättest du als Wissenschaftler ein Problem, wenn du nach parteitaktischem Kalkül entscheiden würdest (Focus – № 39/13: 24 „Nicht einschüchtern lassen“) – ты-координата репрезентирует сферу профессиональной деятельности социального пространства;

Ihr als Klinikärztin und Forscherin ist es außerdem wichtig, dass medizinische Innovationen schneller als heute zur Verfügung stehen (LK) – она-координата репрезентирует сферу профессиональной деятельности социального пространства.

При помощи личных местоимений множественного числа (инклюзивное *wir, ihr, sie* в сочетании с именами существительными, номинирующими *профессиональный, образовательный статус, род занятий, партийную, национальную принадлежность* деятеля (*wir Studenten / Schüler, Akademiker / Lehrer, ihr Wissenschaftler*)) индивидум может конструировать *разделяемое, коллективное пространство*:

Ach was, sagte er, wir Akademiker müssen doch zusammenhalten (Hahn 2014: 287) – *мы-координата* репрезентирует образовательную сферу социального пространства;

Für uns Studenten ist es sehr bequem – *мы-координата* репрезентирует образовательную сферу социального пространства;

Ihr Wissenschaftler macht alles zu kompliziert – *вы-координата* репрезентирует сферу профессиональной деятельности социального пространства.

Личные местоимения репрезентируют личностные координаты и в сочетании с глаголами с семантикой социальной интеракции, существительными, прилагательными, предложными словосочетаниями:

Sie studieren an der Uni Bonn – *они-координата* репрезентирует образовательную сферу социального пространства;

Ich arbeite gern mit Senioren und ich möchte meine Arbeit so gut wie möglich machen – *я-координата* репрезентирует сферу профессиональной деятельности социального пространства;

Wir wohnen in Deutschland seit 2002 – *мы-координата* репрезентирует *территориальное социальное пространство* (физическое пространство Германии как страны);

При репрезентации личностной координаты местоимение *wir*, наряду с закрепленным за ним грамматическим значением расширенного символа говорящего, при конструировании социального пространства передает и ряд стилистических и прагматических значений.

От просторечного, «докторского»:

Wie fühlen wir uns heute? – *Вы-координата* репрезентируется местоимением 1 лица ед. ч.;

Was haben wir denn da! Neununddreißigacht! Wir waren doch seit einer Woche fieberfrei, ... (Hahn 2014: 259) – *Вы-координата* репрезентируется местоимением 1 лица ед. ч.

и формы *wir*, используемой взрослыми при общении с детьми:

Und was haben wir da gebastelt? – *ты-координата* репрезентируется местоимением *wir*;

Na, wer will denn heute unserem Elefanten einen Keks geben? (Aehnlich 2007: 81) (*воспитатель детского сада – маленьким детям*) – *вы-координата* репрезентируется местоимением *wir*,

до форм, репрезентирующих *коллективное разделяемое социальное пространство*. В таких случаях функциональное значение зависит от области определения:

Wie sollen wir den Europa- und den Bundestagswahlkampf führen, wenn Gesine Schwan verliert? (SJC 2008: 105 „Stiller Aufstand“) (*wir = die SPD*) – мы – все члены партии; конструирование сферы *политической жизни социального пространства*.

В следующем примере использование личного местоимения *wir* позволяет индивидууму моделировать пространство государства, нации, Европы как *коллективное разделяемое социальное пространство* (как физическое, так и ментальное):

Unlogisch, dachte Franz, auch wenn wir ein richtiges Militär hätten, nicht bloß diese hunderttausend Mann Reichswehr, die uns die Engländer und Franzosen noch erlauben, ... (Andersch 1980: 45) (по контексту – *wir = Deutschland*) – *мы-координата* репрезентирует *территориальное социальное пространство* (физическое пространство Германии как страны);

Zum ersten Mal in der Geschichte der Bundesrepublik haben wir eine Bundeskanzlerin (Dorn 2007: 9) (*wir = die Deutschen*; *мы-координата* репрезентирует

территориальное и ментальное *социальное пространство* (физическое и национально-культурное пространство Германии как страны); указание на область определения – ФРГ – осуществляется при помощи предложного словосочетания *in der Geschichte der Bundesrepublik*);

..., *ob wir die rechten Konsequenzen aus diesem Hitlerkriege zogen, ob wir in uns selbst zu Gerichte saßen, ob wir in uns den entscheidenden Prozeß vollzogen* (Wolf 1995: 32) (*wir* = *die Deutschen*; *мы-координата* репрезентирует ментальное *социальное пространство* (национально-культурное пространство Германии как страны); область определения – Германия – репрезентируется метонимически (*событие вместо пространства*) / *die rechten Konsequenzen* / *aus diesem Hitlerkriege* / *zogen*);

Wenn wir einem Flüchtling das Leben etwas erträglicher machen, und sei es nur, indem wir ihm ein Fahrrad oder ähnliches herrichten, erleben wir zwar subjektiv eine Befriedigung, objektiv gesehen haben wir gerade mal wieder versucht, mit einer Tasse einen Ozean auszuschöpfen (WZ, 10.04.2015) (по контексту – *wir* = *die Europäer*); *мы-координата* репрезентирует ментальное *общеевропейское социальное пространство*;

Menschen leiden und sterben, weil neu an die Macht Gekommene rücksichtslos alte Rechnungen begleichen und uns im Westen nichts anderes einfällt, als in der entsprechenden Berichterstattung von der „grandios und großzügig wirkenden russischen Hilfe“ zu sprechen (Krone-Schmalz 2015: 144) (*wir* = *Europäer und Amerikaner*); *мы-координата* репрезентирует ментальное «*общеевропейско-американское*» *социальное пространство*; указание на область определения – ЕС и США – осуществляется при помощи предложного словосочетания *im Westen*;

Wie sollen wir mit Russland umgehen? Was ist unser Interesse? Das deutsche, europäische und das der westlichen Welt? Wenn wir auf die vielbeschworenen Grundwerte unserer Außenpolitik Rücksicht nehmen – Völkerverständigung, Frie-

den, Wohlstandsmehrung –, dann müsste es lauten: Russland einbinden und gemeinsam so gut es geht für Frieden sorgen (Krone-Schmalz 2015: 144) (*wir = Europäer und Amerikaner*); *мы-координата* репрезентирует ментальное «*общеевропейско-американское*» социальное пространство; указание на область определения – ЕС и США – осуществляется при помощи предложного словосочетания *das deutsche, europäische [Interesse] und das der westlichen Welt*.

При репрезентации личностной координаты с личными местоимениями коррелируют притяжательные местоимения, используя которые, говорящий включает индивидуальные и коллективные сущности различной природы, характеристики, действия, события, номинированные определяемым словом, в конкретную сферу социального пространства:

Es klingt wie ein Stoßgebet – das Motto indianischen Ursprungs, das mir bei meiner Arbeit immer sehr geholfen hat: ... (Krone-Schmalz 2015: 165) – *я-координата* сферы профессиональной деятельности социального пространства;

Kultur-Staatssekretär gilt als sein Traumjob (Focus – № 39/13: 43 „Diese Namen sollten Sie sich merken“) – *он-координата* сферы профессиональной деятельности социального пространства;

Sie seien aus ihrer Heimat vertrieben worden (WZ, 23.04.2015) – *они-координата* территориального социального пространства;

Gesine Schwan beginn, für ihre Kandidatur zu werben (SJC 2008: 105 „Stiller Aufstand“) – *она-координата* сферы профессиональной деятельности социального пространства.

Опираясь на системное значение местоимения *mein* («принадлежность или происхождение существа или вещи, действия или качества лицам, обозначаемым 1-м лицом мн. ч.» (Duden 1996: 1611)), оратор, начинающий свое выступление обращением *Meine Damen und Herren*, с одной стороны, минимизирует дистанцию между собой и аудиторией, создавая таким способом атмосферу лично ориентированного, доверительного отношения к аудитории

(ср. с дистанцированными формами *Sehr verehrte / Sehr geehrte Damen und Herren*). Следовательно, в данном случае при категоризации социального пространства притяжательное местоимение *mein* выполняет функцию категории детерминации – осуществление связи и взаимодействия говорящего с аудиторией.

С другой стороны, на наш взгляд, в этой форме заложен и такой прагматически значимый компонент, как признание за аудиторией (как следствие – за каждым отдельно взятым человеком) статуса коллективного адресата, требующего к себе особого почтения. Данная форма в определенной степени коррелирует с формой обращения к статусному собеседнику, имеющему высокий титул (Папе Римскому, епископу, монарху), когда говорящий избегает использования местоимения *Sie* и использует специальные формы обращения (в ряде случаев включающие местоимения *Ihr* и *Euer*). Особым случаем является использование в качестве составного компонента в таких формах обращения притяжательного местоимения 1-го лица ед. ч. (ср., например, с русской формой *мой господин*, английской *my Lord*, французской *monsieur*, используемыми как обращение). Такое обращение несет в себе прагматический оттенок признания превосходства, могущества адресата. Данное значение конструируется на основе интерпретации характеристик *асимметричности, доминирования, зависимости*.

Репрезентация различных характеристик, лежащих в основе эгоцентрической категоризации *социального пространства*, коррелирует с позиционным статусом индивидуума. Функциональное значение местоимений основано на сочетании знания собственно языкового и знания о мире. В этом случае речь идет о контекстуально обусловленной когнитивной репрезентации, благодаря которой говорящий получает возможность расширять или сужать свое пространство:

..., das heißt „meine“ Kapitänin ist also nicht nur eine der ganz wenigen Frauen in diesem Beruf, sondern irgendwann wird sie womöglich das größte Containerschiff der Welt fahren (Dorn 2007: 54) („meine“ Kapitänin – „моя капитанша“ (женщина-капитан). Психолог, помогающий своим клиентам найти новую работу, рассказывает о своей клиентке – бывшей медсестре, ставшей с ее помощью капитаном корабля).

Seit gefühlten vier Jahren hatte zwar mein Verein keinen Auswärtssieg mehr in einem Pflichtspiel gelandet, aber ich war guter Dinge (Andrack 2005: 23) (mein Verein – моя футбольная команда (команда, за которую я болею));

Schließlich war mein erstes FC-Auswärtsspiel überhaupt auch ein Pokalspiel gewesen (Andrack 2005: 23) (говорящий – болельщик; mein erstes FC-Auswärtsspiel – первая игра команды на чужом поле, на которой он присутствовал в качестве болельщика).

Использование местоимения *unser* позволяет человеку расширять пространство:

Die „deutsche“ Schuld lastet schwer auf unseren Schultern, doch manche meinen, Deutschland müsste nun „die ganze Welt“ retten. Das geht aber nicht! (FA (SZ) – 03.05.2015: 4 „Leserbriefe“) (auf unseren Schultern – чувство вины у нас немцев); мы-координата ментального социального пространства (национально-культурное пространство Германии как страны);

Sie (Migration) bestimmt unseren Alltag, unser Essen zum Beispiel oder auch, dass wir bei Sonne Stühle rausstellen. Es geht wirklich jeden an – nicht nur den, der selbst Migrant ist (dpa, 21.04.2015) (unseren Alltag, unser Essen – повседневная жизнь, еда немцев); мы-координата репрезентирует ментальное социальное пространство (национально-культурное пространство Германии как страны).

Личные и притяжательные местоимения выступают, таким образом, в качестве языковых единиц репрезентации *личностной координаты* при эгоцентрической категоризации *социального пространства* как на системном, так и

на функциональном уровнях, предоставляя говорящему богатейшие возможности как для «сужения» *социального пространства*, так и для его максимального расширения. Функциональные значения представляют собой определенное лингвокогнитивное единство, основанное на сочетании собственно языкового знания и знания о мире.

Личностная координата социального пространства маркируется и при помощи имен существительных, прилагательных в функции определения, предложных словосочетаний:

Niemand kann bezweifeln, daß die Zweiteilung des Landes in der Mentalität meiner Landsleute zum chronischen Zustand geworden ist (Graf 2004: 205) – *они-координата* репрезентирует ментальное *социальное пространство* (национально-культурное пространство Германии как страны);

Die Karriere von Martin war blitzschnell – *он-координата* репрезентирует сферу *профессиональных интересов социального пространства*;

Richtig zubereitet, sollte die Kartoffeln für die DDR das werden, was die Nudeln für Italien ist. Vergleichbar in der Qualität, denn unsere volkseigenen Kartoffeln waren zuletzt wässrig, geschmacklos, einfach grässlich (Timm 1999: 33) – *мы-координата* репрезентирует *социальное пространство*;

Zum ersten Mal in der Geschichte der Bundesrepublik könnte es dazu kommen, dass CDU und Grüne auf Länderebene eine gemeinsame Regierung bilden (SJC 2008: 80 „Signal für Berlin“) – *они-координата* репрезентирует сферу *политической жизни социального пространства*.

Прилагательное *eigen* является недифференцированным маркером личностной координаты; указание на нее осуществляет местоимение или соответствующее имя существительное, маркирующие лицо, чье *социальное пространство* конструируется:

Im Bereich der Einkommensteuer verschaffte sich Russland ausgerechnet mit Hilfe deutscher Berater, die im eigenen Land eher weniger Gehör fanden, ein einfaches und effektives Steuersystem (Krone-Schmalz 2014: 81) – они-координата территориального социального пространства;

Oder soll die SPD auf einen eigenen Kandidaten setzen? (SJC 2008: 104 „Stiller Aufstand“) – координата третьего лица сферы общественной (политической) жизни социального пространства;

Wie bitter ist es, wenn der Jubel der Welt der Niederlage, der tiefsten Demütigung des eigenen Landes gilt! Wie zeigt sich darin noch einmal schrecklich der Abgrund, der sich zwischen Deutschland, dem Land unserer Väter und Meister, und der gesitteten Welt aufgetan hatte (Mann 1995: 19) – мы-координата ментального национально-культурного социального пространства;

Und nach welchen Kriterien mischt sich die westliche Wertegemeinschaft ein? Dort, wo die größte Brutalität vermutet wird?... Oder doch eher da, wo die eigenen Interessen an der Region am schwersten wiegen? (Krone-Schmalz 2014: 81) – они-координата ментального территориального социального пространства.

При категоризации социального пространства личностная координата репрезентируется, таким образом, при помощи притяжательных, личных, указательных местоимений, имен существительных, прилагательных, предложных словосочетаний.

Пространственная координата социального пространства может быть маркированной (*здесь / там*) и немаркированной. Немаркированная по принципу противопоставления *здесь – там* пространственная координата выполняет функцию локализации, указывая на конкретное место в социальном пространстве. Маркированная пространственная *здесь- и там-координата* репрезентируется при помощи наминарующих место в социальном пространстве нарицательных и собственных имен существительных, прилагательных, функционирующих изолированно и в предложных словосочетаниях (характере-

ристики *принадлежности, включенности* передаются при помощи притяжательных и указательных местоимений) (*in diesem Land, bei diesem Posten, in dieser Welt, in unserer Stadt / Straße / Schule / Uni, im Bundestag, in ihrer Partei / Heimat etc.*); наречий пространственной семантики (*da, dort, hier, innerhalb, außerhalb*). Пространственная координата может репрезентировать физическое и ментальное пространство *профессиональной, образовательной, общественной сфер социального пространства*, ментальное *национально-культурное пространство* (пространство отношений, событий, состояний):

Pieres hatten das Telefon, das erste in unserer Straße (Hahn 2014: 311) – *пространственная здесь-координата*, репрезентируемая предложным словосочетанием, маркирует *разделяемое социальное пространство* (физическое топографическое пространство улицы);

Michael Grosse-Brömer macht einen starken Job: Er bereitet seine Fraktion auf Abstimmungen im Bundestag vor (FA (SZ) – 03.05.2015: 5 „Der Überzeugungsprofi“) – существительные *Fraktion* и *Bundestag* маркируют принадлежность группы лиц – членов фракции немецкого Бундестага – *социальному пространству третьего лица*; *пространственная координата* является недифференцированной по принципу *здесь – там*, представлена предложным словосочетанием *im Bundestag* и выполняет функцию локализации;

In Grosse-Brömers Gesicht leuchtet noch die Frischluft der vergangenen Tage, Wandern mit Frau und Hund, hier in der Heimat: Lüneburger Heide (FA (SZ) – 03.05.2015: 5 „Der Überzeugungsprofi“) – имя существительное *Heimat* и наречие *hier* репрезентируют пространственную *здесь-координату* (как физическое пространство, как конкретное место) *социального пространства третьего лица*;

Und hier im Land starben eines furchtbaren Todes: Egon Friedell, Ernst Blaß, Reinhard Goering, Erich Knauf, Adam Kuckhoff, Erich Mühsam, Carl von Ossietzky (Weisenborn 1995: 43) – *пространственная здесь-координата социального пространства* (физическое пространство страны);

Das Drama innerhalb der Ukraine bestand darin, dass der eine Teil mit Hitler kollaborierte, der andere auf Seiten der Roten Armee kämpfte (Krone-Schmalz 2014: 118) – при помощи пространственной *координаты социального пространства* физическое пространство страны конструируется как *вместилище*;

Und zwar nicht nur im internationalen Rahmen, sondern auch hier in Deutschland (Krone-Schmalz 2014: 132) – *здесь-координата* репрезентируется при помощи наречия места и предложного словосочетания и маркирует ментальное *социальное пространство* Германии как страны;

Und hier im Land starben eines furchtbaren Todes: Egon Friedell, Ernst Bläß, Reinhard Goering, Erich Knauf, Adam Kuckhoff, Erich Mühsam, Carl von Ossietzky (Weisenborn 1995: 43) – пространственная *здесь-координата социального пространства* (физическое пространство страны, по контексту – Германии);

... berichtet ... vom Außenministertreffen in Berlin, wo auf Einladung Frank-Walter Steinmeiers seine Kollegen aus Frankreich, Russland und der Ukraine zusammenkommen (Krone-Schmalz 2014: 144-145) – на основании действия когнитивного механизма конкретизации пространственная *там-координата* репрезентирует *социальные пространства* стран, из которых министры иностранных дел прибыли в Берлин;

Der Kampf gegen Korruption – in vielen Ländern dieser Welt eine komplizierte und mühsame Herausforderung – beherrschte eine ganze Weile Politik und Medien (Krone-Schmalz 2014: 81) – пространственная *здесь-координата*, маркированная указательным местоимением, репрезентирует *социальное общемировое пространство*.

Таким образом, при конструировании модели *социального пространства*, говорящий интерпретирует характер пространственных отношений с опорой на *пространственную координату*.

При категоризации *социального пространства* *временная координата* *раньше – сейчас – позже* маркирует временное ментальное пространство и репрезентируется при помощи временных форм глаголов, наречий времени

(*dann, damals, einst, gerade, gestern, heute, morgen, jetzt etc.*), числительных, прилагательных (*alt, ehemalig, früher, heutig, später, vorig, künftig, zukünftig*); предложных словосочетаний (*in der nächsten Woche, im Laufe der Zeit, im vorigen Monat, in zwei Jahren etc.*):

Die Häuser in unserer Straße waren damals Reihenhäuser (FA (SZ) – 03.05.2015: 46 „Wir hingen am Radio“) – *раньше-координата* разделяемого физического социального пространства говорящего репрезентируется при помощи временной формы глагола и наречия *damals*;

Er sitzt auf seinem Posten wie auf einem Katapult. Viele seiner Vorgänger wurden Bundesminister (FA (SZ) – 03.05.2015: 5 „Der Überzeugungsprofi“) – временная координата – *сейчас и в будущем (неделимое актуальное пространство и пространство будущего)* неразделяемого социального пространства третьего лица репрезентируется при помощи глагола в настоящем времени;

Gerade arbeitet sie im Rahmen einer Arbeitsbeschaffungsmaßnahme als Leiterin des Stadtteiltreffs Hochfeld (Hacke 2004: 124) – *сейчас-координата* репрезентируется при помощи наречия времени;

Sie hatte auch vorher gegenüber führenden Genossen erkennen lassen, dass sie gern nochmals antreten würde (SJC 2008: 105 „Stiller Aufstand“) – *раньше-координата* репрезентируется при помощи наречия времени;

Er ist ein ehemaliger Kollege von mir – *раньше-координата* сферы профессиональной деятельности социального пространства говорящего репрезентируется при помощи имени прилагательного;

... in Hamburg gründete Nicola Gragert 2004 ihre eigene Kanzlei für Arbeitsrecht in der Hansestadt (Focus: 58 „So setzen sie sich durch“) – *раньше-координата* неразделяемого социального пространства третьего лица (сфера профессиональной деятельности) репрезентируется при помощи временной формы глагола и числительного, маркирующего конкретный год;

Am 8. Mai bekam ich über den Bürgermeister mit, dass wir kapituliert hatten, und konnte es sofort weiterposaunen (FA (SZ) – 03.05.2015: 47 „Mein erster Verwaltungsakt“) – *раньше-координата* разделяемого социального пространства *говорящего* (*wir = Deutschland*) маркируется при помощи указания на конкретную дату – день капитуляции Германии;

Mit Birgit und ein paar Mädchen und Jungen aus meiner alten Volksschulklasse war ich vor Wochen am Rhein herumgestrolcht (Hahn 2014: 214) – *раньше-координата* пространства-события маркируется при помощи предложного словосочетания;

Sie tun es, weil die Wirklichkeit, in der wir leben, und dazu gehört in Deutschland immer wieder auch die Geschichte, ihre Kompliziertheit verliert, wenn sie skandalisiert wird (FA – 02.05.2015: 18) – временная *сейчас-координата* разделяемого ментального социального пространства *говорящего* (*wir = die Deutschen*) репрезентируется при помощи глаголов в настоящем времени.

Метонимическое обозначение временного пространства предполагает его репрезентацию через *место, состояние, события, праздники, исторический период вместо времени, личность вместо времени*, то есть через то, что наполняет пространство (*bei den Kommunisten; in Hitler-Deutschland; in der DDR; nach (vor) der Wende; nach der Reise; nach Ostern etc.*):

Bei Schröder wäre das bei uns unmöglich gewesen – *раньше-координата* репрезентируется метонимически – *личность вместо времени*;

Kurz vor Weihnachten kam der Großmutter die Idee, ich solle mich beim Bürgermeister persönlich für mein Schulgeld bedanken (Hahn 2014: 192) – *раньше-координата* (*праздник вместо времени*);

Unsere Generation rechnet jetzt schon mit großen Zeiträumen. Die Aneinanderstellung dieser Zeiträume hat etwas Unheimliches. Da ist die Zeit vor dem Krieg, da ist die Zeit des Krieges und die lange Zeit nach dem Krieg (Weiss 1995: 224) – *исторические события вместо времени*;

Wo ist, nach unserem unrechten Krieg, unser Rechtsanspruch? (Wohmann 1995: 220) – историческое событие вместо времени;

Schon bei meinem Wuppertal-Besuch begrub ich meinen jakobinischen Traum von einem durch Furien moralisch gefestigten Deutschland und irrte unter den Aufgescheuchten umher, für die der damalige geschichtliche Zustand eine unangenehme Unterbrechung ihres Erwerbslebens war (Schnell 1995: 30) – раньше-координата (событие вместо времени).

Временные координаты *раньше* – *сейчас* – *позже* репрезентируют, таким образом, *пространство прошлого, актуальное пространство настоящего и пространство будущего*. Когнитивные механизмы, формирующие временные смыслы в рамках модели *социального пространства*, – выбор точки отсчета, профилирование, концептуальная метонимия – определяют языковые механизмы концептуализации (номинация, использование антонимии, синонимии, семантическая сочетаемость, метонимия). *Временные координаты* вербализуются в немецком языке при помощи временных форм глагола, наречий пространственной семантики, имен прилагательных, существительных, числительных, местоимений, используемых изолированно и в предложных словосочетаниях.

Таким образом, индивидум, осмысливая связи, характеристики, отношения в пространстве, интерпретирует их в рамках системы координат *я – здесь* – *сейчас*, выступающей как системообразующая основа эгоцентрической категоризации пространства в немецком языке на системном и функциональном уровнях.

2. Языковые способы интерпретации границ при эгоцентрической категоризации пространства

Граница между различными моделями пространства представляет собой некую линию, рубеж, разделяющий одну сферу от другой. Именно профилирование границ (как реальных физических, так и ментальных воображаемых)

лежит в основе эгоцентрической категоризации пространства как вместилища. В семантике языковых единиц, используемых для обозначения пределов при описании различных видов и типов физических и ментальных пространства, заложены значения *наличия границы (физической и ментальной); вхождение, вмешательство, включение в пространство-контейнер, преодоление границы; выход, исключение из него, нарушение границы.*

Профилирование границ, расстояний между различными сферами, типами, видами пространства осуществляется при помощи суффикса *fern* (например, в именах прилагательных (*bürgerfern, staatsfern*); имен существительных (*Abgrenzen, Absonderlichkeit, Abstand, Distanz, Distanzierung, Entfernung, Entfremdung, Grenze, Schranke, Linie etc.*), глаголов (*abgrenzen, abtrennen, sich distanzieren, (sich) entfernen, fernhalten, trennen etc.*); имен прилагательных (*entfernt, fern, weit etc*):

Sein Garten ist vom Nachbargrundstück mit einem Zaun abgegrenzt – физическая граница внутри *приватного пространства*;

Der Präsident [Horst Köhler], der vor allem durch bewusste Distanzierung von der politischen Klasse bei der Bevölkerung punktet, führt alle Beliebtheitslisten der Umfrageinstitute an (SJC 2008: 105 „Stiller Aufstand“) – ментальная граница внутри *социального пространства*;

Ich als Politiker, kann mir das nur im Privaten leisten, also in Abgrenzung zum öffentlichen Leben (МК) – ментальная граница, отделяющая *приватное и социальное пространства* индивидуума;

Sie haben uns förmlich von der Außenwelt abgeschnitten (G. Meyrink: НКРЯ / ПК (немецкий)) – ментальная граница, отделяющая *приватное и социальное пространства*.

Концептуализация *пространства как контейнера* также предполагает профилирование характеристики *внутри и внешней границы*, замыкающей *пространство вокруг* определенных лиц, предметов, событий, действий, тер-

риторий (на основе интерпретации характеристик *принадлежности, включенности, разделяемости*). Это осуществляется при помощи языковых средств различных уровней: грамматические средства: предлоги (*in + Dativ, innerhalb + G., während + G., einschließlich + G. etc.*), префиксы (*mit, zusammen, an etc.*); лексические единицы: имена *существительные*, номинирующие межличностные, социальные отношения, характеристики, типы и виды пространств (*Bereich, (Familien)kreis, Familie, Gemeinde, Gemeinschaft, Innere (im Inneren), Land, Mitglied, Staat, Stadt, Teil etc.*), имена *прилагательные* (*einheimisch, gehörig, hiesig, inner (innerdeutsch, innerdienstlich, innerkirchlich), innerlich, vertraulich, verwandt etc.*), наречия (*da, hier, hieran, hierauf, innen* (в том числе, как составная часть в сложных существительных (*Innenleben, Innenwelt*) *etc.*), глаголы (*besitzen, gehören, haben, sich verbünden etc.*), притяжательные и указательные местоимения:

In meinem Kopf kreisten vom Aufwachen bis zum Einschlafen Gebete (Hahn 2014: 122) – *Эго-пространство* как *вместилище*;

Was tauch in mir auf? (Döblin 2204: 26) – *Эго-пространство* как *вместилище*;

Als ich mich unter Freunden umhörte, war die Reaktion immer in zwei Punkte gegliedert (Hacke 2004: 10) – *приватное пространство* как *вместилище*;

In meinem Familienkreis spricht man meistens Plattdeutsch – *приватное пространство* как *вместилище*;

Er starb in einem Krankenhaus unserer Heimatstadt (Hacke 2004: 10) – *социальное пространство* как *вместилище*;

Das wäre ihre innerkirchliche Geschichte – *социальное пространство* как *вместилище*;

Er ist ein sehr engagiertes Mitglied unseres Vereins – *социальное пространство* как *вместилище*;

Der Abgeordnete sei frei und nur seinem Gewissen verpflichtet, aber auch Teil einer Gemeinschaft (FA (SZ) – 03.05.2015: 6) – социальное пространство как вместилище.

Концептуализация пространства как контейнера и маркирование характеристики *снаружи* при помощи профилирования границы осуществляется на основе интерпретации характеристик *непринадлежности, неразделяемости, исключенности*. Значение «*быть за пределами определенного типа или вида пространства*», включающего в себя сущности, отношения, события, действия, территории репрезентируется следующими языковыми средствами: грамматические средства: отрицание (*kein, nicht*), предлоги (*außen + Dativ, außerhalb + G.*), префиксы (*außen-, außer-*, например, в именах существительных (*Außenseiter, Außenwelt*), именах прилагательных (*außeramtlich, außerhäuslich, außerkirchlich, außerberuflich, außeruniversitär*); лексические средства: функционирующие в предложных словосочетаниях имена прилагательные (*äußer, äußerlich, dortig etc.*), наречия места и времени (*außen, außerhalb, damals, dort, weg etc.*):

Zu meinem Freundeskreis gehört er nicht mehr – лицо категоризуется как *находящееся за пределами частного пространства*;

Meine Schwester ist seit kurzem in Bonn, denn sie ist auch von dem Elternhaus weg – лицо категоризуется как *находящийся за пределами частного пространства*;

Morgens fahren viele von hier aus weg, denn sie außerhalb arbeiten – индивидуумы категоризуется как *находящиеся за пределами социального пространства (физическое пространство города)*;

Damit beschäftigen wir uns nicht, das ist doch außeramtlich – действие коллективного адресанта категоризуется как *находящийся за пределами его социального пространства*;

Und er als Pfarrer war ein seltsamer Außenseiter in dieser entkirchlichten Gesellschaft (Hacke 2004: 137) (*in dieser entkirchlichten Gesellschaft = in der DDR*)

– лицо и его поведение категоризируются как *находящийся за пределами социального пространства* (общество как ментальное пространство).

Границы между сферами, типами, видами пространства могут репрезентироваться и при помощи профилирования внутреннего содержания:

(1) *выход / исключение* из определенного пространства, *нарушение границы* определенного пространства (грамматические средства: предлоги (*aus, von + D.*), префиксы (*ab-, aus-, ent-, los-, weg-, ver-* в глаголах (*sich absondern, abgrenzen, abteilen, sich abtrennen, abschneiden, aussteigen, austreiben, ausweisen, (sich) entfremden, (sich) entfernen, entlassen, sich loslösen, weggehen, wegdrängen, verlassen, vertreiben, verbannen, verweisen etc.*), в именах существительных (*Ausweisen, Amts-, Dienstenthebung, Entlassung, Kündigung, Scheidung, Trennung, Vertreibung etc.*); лексические средства: имена существительные (*Scheidung, Trennung etc.*); наречия (*weg*); глаголы (*exmatrikulieren, isolieren, sich scheiden (lassen), (sich) trennen (getrennt wohnen) etc.*); предложные словосочетания:

Nach der Schule sonderte er sich von meisten ehemaligen Mitschülern ab (LK) – обособление индивидуума от людей, входящих в образовательную сферу социального пространства;

Die jüdischen Mitbürger wurden in ganz Deutschland aus ihren Häusern ausgetrieben und ... – исключение людей из их физического частного пространства;

Peter isolierte sich mehr und mehr von seinen Arbeitskollegen (*sich isolieren – aus bestimmten Gründen streng von anderen, von seiner Gruppe trennen, um jede Berührung, jeden Verkehr auszuschließen* (Duden 1996: 782)) – обособление индивидуума от людей, входящих в профессиональную сферу социального пространства;

Die beiden stiegen aus meinem Auto aus und liefen weiter zu Fuß – выход третьих лиц из физического частного пространства говорящего;

*Diese Stämme hegen einen heimlichen Eckel und Abscheu voreinander, der sogar die Schranken der engen Blutsverwandschaft durchbricht, ... (G. Meyrink: НКРЯ / ПК (немецкий)) – нарушение границы ментального *приватного пространства*.*

(2) *вхождение, вмешательство / включение* в определенное пространство, *преодоление границы* (грамматические средства: предлоги (*in, auf, an + Akk.*), префиксы *an-, auf-, durch-, ein-, hin-, hinein-, her-, herein-, teil-, über-, zu-* в глаголах (*anschließen, aufnehmen, durchbrechen, sich einmischen, einheiraten, einbeziehen, sich einleben, einschließen, einsteigen, einstellen, übertreten, zulassen etc.*), в именах существительных (*Einschließung, Immatrikulation*); лексические средства: имена существительные (*Heirat, etc.*); наречия (*hinein, herein*); глаголы (*kommen (lassen), immatrikulieren etc.*):

*... entweder die ehemaligen Ostblockstaaten inklusive Russland aufzunehmen – was praktisch ein Wahnsinn wäre, also ausscheidet – oder aber sich neue Sicherheitsstrukturen für unsere Welt auszudenken (Krone-Schmalz 2015: 97) – включение в сущности в ментальное *социальное пространство*;*

*Das ist seine private Geschichte, aber ich muss mich trotzdem einmischen – вмешательство в *приватное пространство*;*

Nachdem er an der Uni immatrikuliert wurde, ist er noch umgezogen. Sonst würde ihm täglich die Fahrt bis zur Uni 2 Stunden kosten! – включение в образовательную сферу *социального пространства*;

*Dann kam er zu unserer Haustür hinein – вхождение в физическое *приватное пространство*;*

*Er ist als Kompanion in die Firma eingestiegen (Duden 1996: 412) – вхождение в профессиональную сферу *социального пространства*.*

Во всех приведенных выше примерах профилировались не только границы, но и различные характеристики, отношения, события, действия, являющиеся маркерами эгоцентрических моделей пространства. Вместе с тем, языковой материал показывает, что в ряде случаев пространство категоризируется

только на основе интерпретации оппозиции *свой – чужой*, в результате чего субъект не соотносится ни с одной из трех моделей эгоцентрически категоризуемого пространства, представленных в работе:

Er ist mein Feind / Gegner

(ср.: *Er ist mein Freund* (субъект категоризуется как входящий в сферу *дружеские отношения частного пространства* говорящего);

Wir sind fremd / unbekannt

(ср.: *Wir sind befreundet, verwandt* etc. – конструирование общего ментального *частного пространства*);

Es liegt mir fern, Handlungsweisen des russischen Präsidenten in toto zu rechtfertigen oder zu verteidigen (Krone-Schmalz 2015: 76).

В приведенных выше случаях пространство категоризуется на основе осмысления характеристики *чужой, не входящий* ни в одну из эгоцентрических моделей пространства.

Кроме того, в зависимости от области определения, *разделяемое* пространство концептуализируется как *постоянное (относительно постоянное)* и *временное (окаzionale)* (пространство коммуникации, конференции, собрания, поезда, самолета, отеля, лифта и т.д.):

meine Mitreisenden, sein Gesprächspartner, mein Hotelzimmer, unsere Fahrgäste, unsere Fluggäste, das Thema unserer Podiumsdiskussion, unsere Reise, euer Treffen, unsere Konferenz, er leitete unsere Versammlung.

Таким образом, профилирование физических и воображаемых границ между различными моделями пространства лежит в основе эгоцентрической категоризации пространства как *вместилища*. Принципы эгоцентрической категоризации пространства в немецком языке отражают принципы проведения межличностных, физических и социальных границ, характерные для немецкого лингвокультурного сообщества.

Как было показано выше, одним из важнейших критериев, лежащих в основе эгоцентричного конструирования окружающего пространства, является

осознание и интерпретация индивидуумом *принадлежности / непринадлежности, отчуждаемости / неотчуждаемости, делимости / неделимости* сущностей, явлений, отношений физического и нефизического мира от того или иного пространства.

Выводы по Главе II

Эгоцентрическая категоризация пространства в немецком языке представляет собой национально-культурно, личностно и контекстуально обусловленный процесс выделения, осмысления и интерпретации индивидуумом различных типов и видов пространства, входящих в них сущностей, отношений, и характеристик. Вступая в различные типы отношений (межличностных, социальных, иерархических, равноправных) с окружающим миром и входящими в него сущностями различной природы, индивидуум осмысливает и интерпретирует их метафорически при помощи пространственных смыслов и характеристик. Как следствие, он использует различные способы концептуализации и категоризации этих отношений в виде *эгоцентрических моделей пространства*.

Предложенная эгоцентрическая типология пространства основывается на выделении моделей *Эго-пространства, частного пространства и социального пространства* как эгоцентрически конструируемых категорий. Физическое и концептуальное разграничение окружающего пространства на отдельные фрагменты, субъективно интерпретируемое индивидуумом необходимо ему для выстраивания адекватных отношений с окружающим миром. Когнитивным основанием эгоцентрической категоризации *Эго-пространства, частного и социального пространств* выступает существующий в сознании носителей немецкой линвокультуры набор социокультурных образов, структурируемых на основе конструирования и интерпретации индивидуумом собственной идентичности и идентичности других субъектов; своего места и ме-

ста других индивидуумов в разделяемом (*приватном пространстве*) и коллективном разделяемом пространстве (*социальном пространстве*); межличностных и социальных отношений, связей, характеристик, симметричности / асимметричности возрастных, социальных, позиционных статусов; отсутствия / наличия различных социально или топологически маркированных дистанций.

Принципы эгоцентрической категоризации пространства основаны на осознании *отделимости* и *неотделимости*, или *отчуждаемости* и *не отчуждаемости* явлений и предметов физического и нефизического мира от индивидуума, выступающего в качестве «категоризатора» пространства. Как следствие, на основе этих характеристик выделяемые типы пространства человека отличаются друг от друга как:

(1) пространства и наполняемые их сущности, «приписываемые» себе индивидуумом / «приписываемые» индивидууму, равно как и реально ему принадлежащие;

(2) пространства, по отношению к которым индивидуум осознает себя как их часть / индивидуум осознается как их часть;

(3) пространства и наполняющие их сущности, с которыми индивидуум себя не ассоциирует / с которыми индивидуум не ассоциируется.

Подобная многовекторность соотнесения человека с определенным типом пространства (*пространство принадлежит человеку, человек принадлежит пространству, пространство и индивидуум категоризируются как независимые друг от друга сущности*) основана на интерпретации различных отношений и характеристик.

Так, *Эго-пространство* вычленяется на основе интерпретации индивидуумом характеристик *разделяемый – неразделяемый* (*индивидуальный, принадлежащий лично человеку*), *принадлежащий – не принадлежащий, отделяемый – неотделяемый, внутренний – внешний, наблюдаемый – ненаблюдаемый* и

конструируется в немецком языке как *индивидуальное, неразделяемое, закрытое пространство-контейнер*, имеющее внутренние и внешние границы. В результате субкатегоризации, внутри *Эго-пространства* выделяются следующие сферы: *физическое тело индивидуума; психологический мир индивидуума; личные вещи человека; физические действия, чувства, ощущения индивидуума.*

В основе эгоцентрической категоризации *приватного пространства* лежат такие ключевые характеристики, как *частный, личный, семейный, домашний, доверительный, неофициальный*. С опорой на данные характеристики и когнитивные схемы *исключение – включение*, *приватное пространство* конструируется как пространство *разделяемое*, как *частная, семейная, домашняя, неофициальная территория*.

Приватное пространство конструируется в немецком языке как *закрытое, субъективное пространство-вместилище с внешними и внутренними границами*, в которое включены родственники, друзья, а также объекты, субъекты, события и артефакты, связанные с такими *приватными* сферами жизнедеятельности индивидуума, как *семья, дом, дружба*. Внешние границы отделяют *приватное пространство* от *Эго-пространства* и *социального пространства*. На основании интерпретации внутренних границ внутри модели *приватного пространства* выделяются три сферы, которые членятся по горизонтали на основе когнитивных схем *внутри – снаружи* и по вертикали на основе когнитивных схем *иерархичность – равноправие*.

Внутри *приватного пространства* выделяются такие сферы, как *дом, пространство внутри и вокруг дома, квартира, комната, участок земли как частная территория, машина (физическое пространство); родственные отношения (ментальное пространство); дружеские отношения (ментальное пространство)*. Конструирование *физического приватного пространства* как частной, семейной, домашней, неофициальной территории, осуществляется на основе интерпретации характеристик *частный, неофициальный, разделяемый*

– неразделяемый, закрытый – открытый. Ментальное приватное пространство конструируется на основе интерпретации отношений и характеристик *разделяемый – неразделяемый, закрытый – открытый, асимметричный – симметричный, иерархичность (доминирование, зависимость) – равноправие.*

Социальное пространство конструируется в немецком языке как коллективное разделяемое пространство на основе интерпретации отношений *партиципации* (интерпретация характеристик *принадлежности – непринадлежности, включенности – исключения, симметричности – асимметричности (зависимости, доминирования)* и осмысления области определения – профессиональная деятельность, учеба, общественная жизнь (политическая, религиозная), территория, национально-культурное пространство. Кроме того, интерпретируются такие ключевые характеристики, как *общедоступный, общественный, общеизвестный, официальный, публичный, городской, государственный, касающийся всех.* В структуре *социального пространства* выделяются следующие сферы: *профессиональная деятельность / учеба; общественная / политическая / религиозная жизнь; национальные интересы; общеевропейские интересы; общечеловеческие интересы.*

Когнитивным основанием эгоцентрического конструирования *социального пространства* является осознание и вычленение индивидуумом на основе интерпретации перечисленных выше характеристик физического и ментального пространств социальной интеракции, а также выделение круга лиц, объединенных с ним общностью социальных, социокультурных, национальных, территориальных отношений.

Физическое *социальное пространство* категоризуется как конкретное место в пространстве, как территория; ментальное *социальное пространство* конструируется на основе интерпретации отношений между отдельными людьми / группами людей, объединенными общностью социокультурных интересов. Модель *социального пространства* включает в себя всех тех, с кем

индивидуум поддерживает или может поддерживать официально-деловые отношения, а также события, действия, субъекты, объекты, относящиеся к таким сферам его жизнедеятельности, как *профессиональная деятельность, учеба, общественная, политическая, религиозная жизнь, национальные, общечеловеческие интересы*. В данную модель пространства включены различные общие для представителей немецкого лингвокультурного сообщества территориальные отношения (физические пространства *населенных пунктов, федеральных земель, страны* (например, *Германия как географическая территория*), *Европы, Земли*), национальные отношения (ментальное пространство – например, *Германия как национальное государство*). Следовательно, *социальное пространство* категоризируется в немецком языке как *коллективное разделяемое пространство*, что находит свое выражение в языке на системном и функциональном уровнях.

Когнитивными механизмами формирования смыслов, лежащих в основе эгоцентрической категоризации пространства, являются *выбор точки отсчета, профилирование* (профилирование характеристик, внешних и внутренних границ), *перспективизация, генерализация, конкретизация, фокусирование, концептуальная метафора* (рассмотрение пространства как контейнера), *концептуальная метонимия*, что предполагает оперирование знаниями на основе таких когнитивных схем, как *внутри – снаружи, включение – исключение, часть – целое, выше – ниже, приближение – отдаление*. Данные когнитивные механизмы обуславливают использование таких языковых механизмов, как номинация, использование антонимии, синонимии, дейксис, словообразование, словосложение, семантическая сочетаемость, метонимия, употребление определенных типов синтаксических конструкций.

Осмысливая собственную идентичность, вступая в различные отношения, интерпретируя их на основе приведенных выше характеристик, индивидуум представляет их метафорически при помощи различных моделей, типов и видов пространств, конструируемых по принципу эгоцентризма. Выбирая

конкретную языковую единицу, маркирующую определенную модель пространства, говорящий опирается на знание всех категориальных значений, когнитивных и языковых механизмов их реализации и на экстралингвистические знания. В качестве определенной основы, используемой индивидуумом для эгоцентрического конструирования окружающего пространства, им используется трехуровневая система координат *я – здесь – сейчас*, соотносимая с тремя типами дейксиса – *личностным, пространственным и временным*.

В рамках *личностной координаты* мы выделяем *координату адресанта, координату адресата и координату третьего лица*. *Пространственная координата* репрезентирует *физическое и ментальное пространство* (психологическое, интеллектуальное пространство, пространство-событие), выполняя функцию локализации. В отличие от *личностной координаты, пространственная координата* может быть маркированной: *здесь-координата, там-координата, не дифференцируемая пространственная координата*, то есть не соотносящая пространство с точками *здесь* и *там*, а только указывающая на наличие определенного места в физическом или ментальном пространстве (психологическом, интеллектуальном пространстве, пространстве-событии) и не маркированной. Временная координата (*раньше – сейчас – позже*) репрезентирует *временное ментальное пространство прошлого, актуальное пространство настоящего и пространство будущего*.

Креативный потенциал языковой личности проявляется в том, что на основе ментальных конструкторов и при помощи языковых средств она «присваивает» себе некую территорию, объекты и субъекты или осознает себя как часть определенного пространства или группы лиц, осуществляя эгоцентрическую языковую категоризацию пространства на основе интерпретации различных отношений и характеристик. На особенности эгоцентрической категоризации пространства в немецком языке влияет как языковая специфика, проявляющаяся на системном и функциональном уровнях, так и экстралингвистические

факторы (социальная идентичность, стереотипы, статус, социальная роль, ситуация общения и др.), которые соотносятся с психологическими и социальными характеристиками языковой личности.

Заключение

Осознание того факта, что язык представляет собой не только один из способов фиксации, хранения, репрезентации человеческих знаний и опыта, но и выступает как знание особого рода – как знание культурно обусловленное, влечет за собой признание как общечеловеческих универсальных принципов и закономерностей процесса познания и принципов структурирования окружающего мира, так и необходимость учета национально-специфических особенностей данного процесса. Настоящее исследование выполнено в рамках отечественной школы когнитивной лингвистики, уделяющей особое внимание вопросам изучения универсальных и национально-культурных особенностей категоризации мира.

Осознавая себя частью окружающего мира, индивидум на основе своего опыта и знаний осмысливает, структурирует этот мир и входящие в него сущности – конструирует эгоцентрическую модель пространства, отражая в языке свое видение мира и свое место в этом мире. Результаты исследования свидетельствуют о том, что *пространство* представляет собой совокупность систем отношений между индивидумом и окружающим его миром (миром людей, натурфактов, артефактов, событий, отношений, действий, характеристик) и определенное концептуальное расстояние, разделяющее индивидум и окружающий его мир, который он в той или иной степени ассоциирует с собой.

Пространство является одной из основных когнитивных структур, языковая категоризация которой базируется на основе ряда оппозиций, строящихся по принципу *антропоцентризма*. В основе языковой категоризации *пространства*, как существенной части конструирования ситуации, лежит осмысление индивидумом своего собственного места в окружающем его мире и *интерпретация* характера его взаимоотношений с субъектами / объектами, выступающими в виде сущностей, входящих в ту или иную модель пространства, их характеристик. *Точкой референции* при эгоцентрической категоризации

пространства в языке выступает говорящий, а различные физические и ментальные сущности, характеристики, отношения структурируются им с точки зрения их отнесения к определенной модели структурируемого пространства. Языковая категоризация пространства – это эгоцентрическое моделирование окружающего мира.

Проведенное исследование показало, что антропоцентричность категоризации пространства проявляется в *субъектном принципе* его моделирования в языке, поскольку язык не копирует реальность, а антропоцентрично отражает процесс познания и освоения человеком окружающей действительности. *Принцип эгоцентризма* выступает в качестве когнитивного основания языковой категоризации пространства: на основе интерпретации – идентификации и самоидентификации, словесного моделирования и самомоделирования языковая личность делит окружающее пространство на *свое* и *чужое*. Когнитивным основанием категоризации *своего пространства*, или «я-мира» является осознание его как *мира, принадлежащего человеку* или осознание человеком себя как *части этого мира*. Когнитивным основанием категоризации *чужого пространства*, или «не-я-мира» является осознание его как *мира, не принадлежащего человеку* или *мира, не включающего в себя человека*. Языковыми маркерами проведения таких границ выступают номинативные и дейктические единицы немецкого языка в их системном и функциональном значениях.

Структурируя пространство, говорящий опирается на общие для представителей немецкого лингвокультурного сообщества знания и на свой индивидуальный опыт межличностного и социального взаимодействия, учитывая конкретные условия коммуникации. Как следствие, пространство каждый раз заново конструируется с учетом субъективного восприятия действительности индивидуумом. Системные и функциональные значения языковых единиц различных уровней, маркирующих сферы, типы и виды пространства, формируются на основе соотнесения общих национально-культурных знаний представителей конкретного идиоэтнического сообщества и индивидуального опыта

говорящего. Антропоцентричность языка проявляется, таким образом, не только в эгоцентрическом моделировании сфер, видов и типов пространства на основе интерпретации различных отношений, но и в зависимости характера интерпретации от системных и функциональных значений языковых единиц.

Принцип эгоцентризма является универсальным при языковой категоризации пространства. Универсальность *эгоцентрического принципа* моделирования пространства заключается и в том, что осмысление связей, отношений в пространстве, их категоризация на основе *интерпретации* осуществляются с опорой на эгоцентрические координаты – *личностную, пространственную и временную*, – выступающие как системообразующая основа языковой категоризации пространства на системном и функциональном уровнях.

В результате проведенного исследования была разработана *эгоцентрическая типология пространства*, в рамках которой выделяются три основные модели пространства как совокупности систем отношений между индивидуумом, окружающим его миром и входящими в него сущностями различной природы:

- модель *Эго-пространства*;
- модель *приватного пространства*;
- модель *социального пространства*.

Категориальные основания предлагаемой типологии, выделяемые в работе, позволяют утверждать, что данные модели пространства категоризируются в немецком языке как:

- модель *неразделяемого пространства (Эго-пространство)*;
- модель *разделяемого пространства (приватное пространство)*;
- модель *коллективного разделяемого пространства (социальное пространство)*.

Внутри данных моделей пространства выделяются пространства *физические* и *ментальные*. В определенной степени это обусловлено тем фактом, что

человек является одновременно и биологическим индивидом, и существом социальным: будучи существом биологическим, человек занимает определенное место, перемещается в реально существующем, физическом мире. В данном случае речь идет о локализации конкретного индивида в физическом пространстве. Социальное пространство человека, как пространство ментальное, структурируется на основе осознания человеком собственной идентичности, межличностных отношений, различий / иерархичности позиций, статусов, отсутствия или наличия межличностных и социальных дистанций, то есть под влиянием экстралингвистических факторов. Вместе с тем, конструирование ментальных пространств осуществляется на основе субъективных представлений о физическом пространстве и их интерпретаций.

Анализ фактического материала позволяет утверждать, что когнитивным основанием выделения *Эго-пространства* является способность индивидуума к осознанию собственной психо-физической идентичности на основе интерпретации отношений *идентификации* и *самоидентификации*. Структурирующими концептами при конструировании данной модели *пространства* в немецком языке являются концепты INDIVIDUELL и GEMEINSAM, ключевыми характеристиками которых являются, соответственно «*индивидуальный, принадлежащий лично человеку*» и «*совместный, включающий другие лица*».

Эго-пространство категоризуется в немецком языке как пространство-контейнер с довольно четкими границами. На основе осмысления характеристик *разделяемый – неразделяемый (индивидуальный, принадлежащий лично человеку), принадлежащий – не принадлежащий, отделяемый – неотделяемый, внутренний – внешний, наблюдаемый – ненаблюдаемый* в структуре *Эго-пространства* выделяются такие его сферы, как *физическое тело индивидуума; личные вещи человека; физические действия, чувства, ощущения; психологический мир индивидуума*.

Исследование показало, что когнитивными основаниями выделения модели *приватного пространства* в немецком языковом сообществе являются

(1) противопоставление *сферы частной жизни* и *сферы общественной, профессиональной жизни* в сознании индивидуума; (2) вычленение индивидуумом круга *близких лиц*, объединенных с ним *общностью семейно-бытовых и дружеских отношений*; (3) осознание наличия довольно четкой границы, отделяющей данное пространство как *частную, семейную, домашнюю, неофициальную территорию* от других типов пространства человека, категоризируемых в немецком языке на основании принципа эгоцентризма.

Конструирование данной модели *пространства* осуществляется в немецком языке на основе противопоставления концептов PRIVAT и ÖFFENTLICH. *Приватное пространство* конструируется в немецком языке как *разделяемое пространство закрытого типа*, в которое включены близкие родственники и друзья, а также события и артефакты, связанные с такими *приватными сферами* жизнедеятельности индивида, как *семья, дом, дружба*.

На основе осмысления характеристик «*частный, личный, доверительный, неофициальный, семейный, домашний*» в структуре *приватного пространства* вычленяются следующие сферы: *дом, пространство внутри и вокруг дома, квартира, комната, участок земли как частная территория, машина (физическое пространство); родственные отношения и дружеские отношения (ментальное пространство)*. Конструирование ментального приватного пространства осуществляется на основании интерпретации отношений и характеристик *разделяемый – неразделяемый, закрытый – открытый, асимметричности – симметричности, иерархичности (доминирования, зависимости) – равноправия*.

Когнитивным основанием эгоцентрической категоризации *социального пространства* является характерное для немецкоязычного сообщества четкое противопоставление сферы частной жизни и сферы профессиональной, общественной, общечеловеческой. Как следствие, в основе категоризации *социального пространства* лежит противопоставление концептов ÖFFENTLICH и PRIVAT. В структуре *социального пространства* выделяются такие сферы,

как профессиональная деятельность, образовательная деятельность; общественная, политическая, религиозная жизнь; национальные, общеевропейские, общечеловеческие интересы.

В качестве когнитивного основания эгоцентрического конструирования социального пространства как коллективного разделяемого пространства в немецком языковом сообществе является осознание и вычленение индивидуумом пространства социальной интеракции и выделение круга лиц, объединенных с ним общностью социальных, социокультурных, национальных, территориальных отношений. Ключевую роль играет и интерпретация отношений, конструируемых по бинарному признаку: отношения *отчуждаемости* и *неотчуждаемости*, *иерархичности* и *равноправия (симметричности)*, *доминирования* и *независимости*, *принадлежности* и *непринадлежности*, *принадлежности* и *включенности*, *соответствия* и *несоответствия*.

Эгоцентрическая категоризация пространства в языке – это и категоризация места, и категоризация границы, разделяющей различные типы и виды пространства человека. Анализ языкового материала показал, что пространственная категоризация выполняет как функцию *локализации*, так и функцию *разграничения*. Маркерами таких функций выступают личные и притяжательные, указательные местоимения в сочетании с номинативными единицами, имена прилагательные, глаголы, наречия, в семантике которых заложено указание на место определения, перемещение в пространстве, создание или преодоление определенной границы.

Действие когнитивных механизмов формирования пространственных смыслов (*профилирование*, *перспективизация*, *выбор точки референции*, *представление пространства как контейнера*, *концептуальная метонимия*), обусловленное когнитивными схемами (*включение*, *исключение*, *приближение*, *удаление*, *иерархия*), соотносится с такими языковыми механизмами эгоцен-

трической категоризации пространства, как дейксис, номинация, использование синонимии, антонимии, языковая метонимия, словообразование, семантическая сочетаемость, использование различных синтаксических конструкций.

Выявление стоящих за номинативной деятельностью когнитивных процессов и механизмов, исследование взаимосвязи языка и мышления при анализе особенностей эгоцентрической категоризации пространства позволили выделить как общие основы когнитивного освоения окружающего пространства, так и национально-культурную специфику эгоцентрической категоризации пространства в рамках немецкой лингвокультуры, проявляющуюся в особенностях языковой репрезентации моделей, сфер, типов пространства на системном и функциональном уровнях. В работе не делается каких-либо лингвокультурологических обобщений, поскольку выводы подобного рода строятся на экспериментальных данных и комплексном лингвокультурологическом описании, которое не входило в задачи данного исследования.

Проведенное исследование позволило, таким образом, представить *эгоцентрическую типологию пространства*, выделив систематизирующую основу, релевантную при когнитивном освоении такой антропоцентрической сферы, как пространство и имеющую системно-значимый характер для немецкого языка. В качестве единой когнитивной основой эгоцентрической категоризации пространства в языке, свидетельствующей о системном характере данных процессов, в работе выделяется *социокультурно-топологическая матрица* с различными областями определения. Данная ментальная схема позволяет структурировать взаимоотношения отдельной личности и других людей, объектов, территорий, событий.

Являясь онтологически и аксиологически значимым и многогранным феноменом картины мира, пространство находит вариативное отражение в семантике языковых единиц. В силу многогранности и сложности объекта исследования, работа не претендует на полное решение заявленной проблема-

тики. Дальнейшее исследование на материале других языков поможет уточнить и дополнить полученные результаты и выводы, а также развить разработанные теоретические положения, способствующие пониманию ключевой роли интерпретирующей функции языка и исследованию языка как антропоцентрического феномена – средства репрезентации знаний о мире на основе взаимодействия когнитивной, коммуникативной и интерпретирующей функций.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ажеж К. Человек говорящий. Вклад лингвистики в гуманитарные науки. – М.: Едиторил УРСС, 2003. – 304 с.
2. Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории. – Коллект. монография / под ред. Ю.М. Малиновича. – Москва – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного лингвистического ун-та, 2003. – 251 с.
3. Апресян Ю.Д. Идеи и методы современной структурной лингвистики. – М.: Просвещение, 1966. – 302 с.
4. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика // Избранные труды. Т. I: – 2-е изд-е. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995а. – 472 с.
5. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. – 2-е изд-е. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995б. – С. 629-650.
6. Аристотель Том I // Сочинения в четырех томах / под ред. Т.Ф. Асмуса. – М.: Мысль, 1976. – 550 с.
7. Аристотель Топика // Сочинения в четырех томах. Т. II / под ред. З.Н. Микеладзе. – М.: Мысль, 1978. – С. 347- 531.
8. Аристотель Политика. Метафизика. Аналитика / Пер. с древнегреческого. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008. – 960 с.
9. Арутюнова Н.Д. Язык и цели // Логический анализ языка. Модели действия. – М.: Наука, 1992. – С. 14-30.
10. Арутюнова Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке. – М.: Индрик, 1999а. – С. 3-10.
11. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд. – М.: Языки русской культуры, 1999б. – 896 с.
12. Архипов И.К. Полифония мира, текст и одиночество познающего сознания // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. – С. 157-171.

13. Аюпова С.Б. Категории пространства и времени в языковой художественной картине мира (на материале прозы И.С. Тургенева) // Филологические науки. – 2011. – № 1. – С. 43-53.
14. Бабина Л.В. Особенности интерпретации демотиватора как поликодового текста // Когнитивные исследования языка. – 2009. – № 4. – С. 615-619.
15. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 456 с.
16. Бахтин М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи. – М.: Лабиринт, 2000. – 640 с.
17. Беляевская Е.Г. Параметрическая зона личного дейксиса и ее роль в описании семантики идиом // Фразеология в Машинном фонде русского языка. – М.: Наука, 2005. – С. 195-204.
18. Беляевская Е.Г. Когнитивная модель семантики как методологическая база лингвистических исследований. – 2015. – № 23. – С. 184-195.
19. Бенвенист Э. Общая лингвистика / под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Прогресс, 1974. – 447 с.
20. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс, 1995. – 456 с.
21. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М: Медиум, 1995. – 323 с.
22. Бердяев Н.А. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. – Париж, 1969. – С. 78-92.
23. Берестнев Г.И. К философии слова (лингвокультурологический аспект) // Вопросы языкознания. – 2008. – № 1. – С. 37-65.
24. Берестнев Г.И. К проблеме языка ментальных пространств: образ света с когнитивной точки зрения // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 143-160.

25. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений // Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. – Екатеринбург: Литург, 1999. – С. 5-162.
26. Беседина Н.А. Уровни концептуализации в морфологии // Когнитивные исследования языка. – 2009. – № 4. – С. 182-231.
27. Беседина Н.А. Морфология в контексте интегрированной теории репрезентации знаний в языке // Когнитивные исследования языка. – 2015. – № 21. – С. 33-38.
28. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текста: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Ленинград, 1984. – 31 с.
29. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 391 с.
30. Болдырев Н.Н. Отражение пространства деятеля и пространства наблюдателя в высказывании // Логический анализ языка. Языки пространств. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 212-216.
31. Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика: курс лекций по английской филологии. – Тамбов: Изд-во Тамбовского ун-та, 2001. – 123 с.
32. Болдырев Н.Н. Языковые механизмы оценочной категоризации // Реальность, язык и сознание. Вып. 2. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2002. – С. 360-369.
33. Болдырев Н.Н. Концептуальное пространство когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004а. – № 1. – С. 18-36.
34. Болдырев Н.Н. Когнитивный аспект семантики атрибутивных словосочетаний с притяжательными местоимениями // “Slowa, slowa, slowa”... w komunikacji jezykowej. II. Gdansk, 2004б. S. 95-102.
35. Болдырев Н.Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка: Сб. науч. тр. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005а. – С. 16-39.

36. Болдырев Н.Н. Категориальное пространство языка // Филология и культура. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005б. – С. 27-30.
37. Болдырев Н.Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5-22.
38. Болдырев Н.Н. Прототипы в языковой репрезентации знаний // Проблема представления (репрезентации) знаний в языке. Типы и форматы знаний: Сб. науч. тр. / Ин-т языкознания РАН, ТГУ им. Г.Р. Державина. – М.-Калуга: Изд-во «Эйдос», 2007. – С. 29-37.
39. Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. – 2009а. – С. 25-77.
40. Болдырев Н.Н. Процессы концептуализации и категоризации в языке и роль в них имен абстрактной семантики // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: Сб. в честь Е.С. Кубряковой. – М.: Языки славянских культур, 2009б. – С. 38-50.
41. Болдырев Н.Н. Категориальное значение глагола: Системный и функциональный аспекты. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009в. – 176 с.
42. Болдырев Н.Н. Проблемы культурологического анализа // Научный ежегодник Института иностранных языков. Вып. 2. – Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009г. – С. 34-39.
43. Болдырев Н.Н. Категориальный уровень представления знаний в языке: модусная категория отрицания // Когнитивные исследования языка. – 2010. – № 7. – С. 45-59.
44. Болдырев Н.Н. Концептуальные функции отрицания как основа формирования категории // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011а. – № 1. – С. 5-14.
45. Болдырев Н.Н. О метаязыке когнитивной лингвистики: *концепт как единица знания* // Когнитивные исследования языка. – 2011б. – № 9. – С. 23-32.

46. Болдырев Н.Н. Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Вып. 1 (93). – 2011в. – С. 9-16.
47. Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011г. – № 33 (248). Вып. 60. – С. 11-16.
48. Болдырев Н.Н. К вопросу об интегративной теории репрезентации знаний в языке // Когнитивные исследования языка. – 2012. – № 12. – С. 33-43.
49. Болдырев Н.Н. Интерпретационный потенциал концептуальной метафоры // Когнитивные исследования языка. – 2013а. – № 15. – С. 12-22.
50. Болдырев Н.Н. Актуальные задачи когнитивной лингвистики на современном этапе // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013б. – № 1. – С. 5-13.
51. Болдырев Н.Н. Концептуально-тематические области языковой картины мира и их интерпретирующая функция // Когнитивные исследования языка. – 2014а. – № 17. – С. 33-39.
52. Болдырев Н.Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2014б. – № 6 (335). – С. 118-122.
53. Болдырев Н.Н. Интерпретация мира и знаний о мире в языке // Когнитивные исследования языка. – 2014в. – № 19. – С. 20-28.
54. Болдырев Н.Н. Когнитивный подход к исследованию антропоцентрической природы языка // Когнитивные исследования языка. – 2015а. – № 21. – С. 38-45.
55. Болдырев Н.Н. Роль языка в структурировании сознания // Когнитивные исследования языка. – 2015б. – № 22. – С. 34-39.
56. Болдырев Н.Н. Принцип антропоцентризма в языковом конструировании пространства // Когнитивные исследования языка. – 2015в. – № 23. – С. 30-39.

57. Болдырев Н.Н., Дубровская О.Г. О формировании социокультурной специфики дискурса // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 3. – С. 14-25.
58. Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики. Языковая идея интерпретации времени. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1999. – 260 с.
59. Бондарко А.В. К вопросу о перцептивности // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: сб. статей в честь Н.Д. Арутюновой. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 276-282.
60. Будагов Р.А. Человек и его язык. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1974. – 262 с.
61. Бурдые П. Социология социального пространства / пер. с фр.; отв. ред. перевода Н.А. Шматко. – М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. – 288 с.
62. Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / пер. с нем. – М.: Прогресс, 2000. – 504 с.
63. Вежбицкая А. Из книги «Семантические примитивы» // Семиотика. – М.: Прогресс, 1984. – С. 225-252.
64. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
65. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1999. – 780 с.
66. Верхотурова Т.Л. Метакатегория «наблюдатель» в научной картине мира // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. – С. 45-65.
67. Верхотурова Т.Л. Наблюдатель в коммуникации // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 1. – С. 12-23.
68. Верч Дж. Голоса разума: социокультурный подход к опосредованному действию. – М.: Тривола, 1996. – 176 с.

69. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / общ. ред. и предисловие В.Ф. Асмуса. – М.: Наука, 1958. – 133 с.
70. Витгенштейн Л. Голубая и коричневая книги: предварительные материалы к философским исследованиям. – Новосибирск: Сибирское университетское издательство, 2008. – 256 с.
71. Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. – 2001. – №1. – С. 64-72.
72. Вригт Г.Х. фон Логико-философские исследования: избр. тр. / пер. с англ. – М.: Прогресс, 1986. – 600 с.
73. Вригт Г.Х. фон Модальная логика местоположения // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000а. – С. 8-15.
74. Вригт Г.Х. фон О локализации ментальных состояний // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000б. – С. 16-19.
75. Выготский Л.С. Из неизданных материалов // Психология грамматики. – М.: Изд-во МГУ, 1968. – С. 182-192.
76. Выготский Л.С. Мышление и речь // Мышление и речь – М.: АСТ: Астрель, 2011. – С. 5-465.
77. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки славянской культуры», 1998. – 764 с.
78. Гак В.Г. Пространство вне пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 127-134.
79. Гивон Т. Сложность и развитие // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 89-122./

80. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. Сборник неизданных текстов, подготовленный под руководством и с предисловием Рока Валена / пер. с фр., общ. ред. Л.М. Скрелиной. Изд. 3-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 232 с.
81. Горелов И.Н. Проблема «глубинных» и «поверхностных» структур в связи с данными психолингвистики и нейрофизиологии. – Изв. АН СССР. СЛЯ, 1977. – Т. 37. – № 2. – С. 165-176.
82. Горелов И.Н. Невербальные компоненты коммуникации. – М.: Наука, 1980. – 163 с.
83. Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сб. в честь Е.С. Кубряковой. М.: Языки славянских культур, 2009. – 856 с.
84. Гриценко Е.С. Язык. Гендер. Дискурс. – Нижний Новгород: Изд-во НГГУ им. Н.И. Лобачевского, 2005. – 267 с.
85. Гришаева Л.И. Индивидуальное использование языка // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 1. – С. 16-22.
86. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
87. Гумбольдт В. фон Избранные труды по языкознанию / пер. с нем. / общ. ред. Г.В. Рамишвили; послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. – М.: Прогресс, 2000.
88. Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени // Собрание сочинений. Т.1. – М.: Гнозис, 1994. – 162 с.
89. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Т.1. – М.: Идея-Пресс; Дом интеллектуальной книги, 1999.
90. Дейк Т.А. ван Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
91. Делез Ж. Логика смысла. – М.: Раритет; Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 480 с.

92. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17-33.
93. Демьянков В.З. *Studia Linguistica Cognitiva* – призыв к сотрудничеству // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. – С. 5-7.
94. Демьянков В.З. Цивилизационные параметры когниции: лингвистика – эстетика – этика – психология – логика // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – № 1. – С. 32-47.
95. Демьянков В.З. О когнитивном манипулировании // Когнитивные исследования языка. – 2014. – № 17. – С. 55-60.
96. Донец П.Н. Основы общей теории межкультурной коммуникации: научный статус, понятийный аппарат, языковой и неязыковой аспекты, вопросы этики и дидактики: Монография. – Харьков: Штрих, 2001. – 386 с.
97. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. I. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – С. 264-389.
98. Есперсен О. Философия грамматики. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – 404 с.
99. Жинкин Н.И. Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982. – 157 с.
100. Залевская А.А. Психолингвистический подход к анализу языковых явлений // Вопросы языкознания. – 1999. – № 6. – С. 31-42.
101. Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: Избранные труды. – М.: Гнозис, 2005. – 543 с.
102. Залевская А.А. Проблема «тело-разум» в трактовке А. Дамазио // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. – С. 82-104.
103. Златев Й. Значение = жизнь (+ культура): набросок единой биокультурной теории познания / авторизов. пер. с англ. Т.Л. Верхотуровой и А.В.

Кравченко // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. – С. 308-361.

104. Имото С. Философское основание теории восприятия У. Матураны / пер. с англ. А.В. Кравченко // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. – С. 8-19.

105. Ирисханова О.К. Речевые акты уклонения: на стыке когнитологии и прагматики // *Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство: сб. в честь Е.С. Кубряковой*. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 684-693.

106. Ирисханова О.К. Социокогнитивная лингвистика: структуры социальных знаний и проблемы их описания // *Вопросы когнитивной лингвистики*. – 2004. – № 4. – С. 5-17.

Ирисханова О.К. О понятии перспективизации в когнитивной лингвистике // *Когнитивные исследования языка*. – 2013. – № 15. – 2013. – С. 43-58.

107. Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого интеллигибельного мира // *Собр. сочинений в 8 томах / под общ. ред. А.В. Гулыги*. – Т. 2. – М.: Изд-во Чоро, 1994а. – С. 277-320.

108. Кант И. О первом основании различия сторон в пространстве // *Собр. сочинений в 8 томах / под общ. ред. А.В. Гулыги*. – Т. 2. – М.: Изд-во Чоро, 1994б. – С. 267-276.

109. Карасик В.И. Язык социального статуса. – М.: Институт языкознания РАН – Волгогр. пед. ин-т, 1992. – 330 с.

110. Карасик В.И. Языковая личность и категории языка // *Языковая личность: проблемы значения и смысла*. – Волгоград: Перемена, 1994. – С. 25-35.

111. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

112. Карасик В.И. Языковые ключи. – Волгоград: Парадигма, 2007. – 520 с.
113. Караулов Ю.Н. На уровне языковой личности // Между семантикой и гносеологией. Вып. 164. – М.: Ин-т рус. языка АН СССР, 1985. – С. 4-29.
114. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 7 – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
115. Кассирер Э. Избранное: Индивид и космос. – М., СПб.: Университетская книга, 2000. – 654 с.
116. Категоризация мира: пространство и время: мат-лы науч. конф. / под ред. Е.С. Кубряковой, О.А. Александровой. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – 230 с.
117. Кацнельсон С.Д. Речемыслительные процессы // Вопросы языкознания. – 1984. – № 4. – С. 3-12.
118. Кемпер Д. Гете и проблема индивидуальности в культуре эпохи модерна / пер. с нем. А.И. Жеребина. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – 384 с.
119. Ким И.Е. Личная сфера человека: структура и языковое воплощение: Монография. – Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2009. – 325 с.
120. Кирилина А.В. «О дивный новый мир!», или семиотическая манифестация постсоветской морали // Когнитивные исследования языка. – 2011. – № 8. – С. 353-356.
121. Клепикова Т.А. Синтаксические проекции интеракциональности сознания // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – № 3. – С. 32-38.
122. Кобозева И.М. Грамматика описания пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 152-162.
123. Кобрин Н.А. Понятийные категории и их реализация в языке // Понятийные категории и их языковая реализация. – Л.: Изд-во ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1989. – С. 40-50.

124. Кобрина Н.А., Болдырев Н.Н., Худяков А.А. Теоретическая грамматика современного английского языка: Уч. пособие. – М.: Высшая школа, 2007. – 368 с.
125. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 103 с.
126. Кон М.С. Социология личности. – М.: Политиздат, 1967. – 383 с.
127. Кон М.С. В поисках себя. Личность и ее самосознание. – М.: Политиздат, 1984. – 225 с.
128. Корнева В.В. Наречия и параметры пространственной картины мира: монография. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2008. – 301 с.
129. Коул М., Скрибнер С. Культура и мышление. Психологический очерк / пер. с англ. П. Тульviste под ред. А.Р. Лурия – М.: Прогресс, 1977. – 261 с.
130. Кравченко А.В. Вопросы теории указательности: Эгоцентричность. Дейктичность. Индексальность. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1992. – 212 с.
131. Кравченко А.В. К проблеме наблюдателя как системообразующего фактора в языке // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. – 1993. Т. 52. – № 3. – С. 45-56.
132. Кравченко А.В. Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. – 1996. – Т. 55. – № 3. – С. 3-24.
133. Кравченко А.В. Знак, значение, знание: Очерк когнитивной философии языка. – Иркутск: Издание ОГУП «Иркутская областная типография № 1», 2001. – 261 с.
134. Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. – Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2004. – 206 с.
135. Кубрякова Е.С. Проблемы представления знаний в современной

науке и роль лингвистики в решении этих проблем // Язык и структуры представления знаний. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – С. 4-38.

136. Кубрякова Е.С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. – 1994а. – № 4. – С. 34-47.

137. Кубрякова Е.С. Парадигмы научного знания в лингвистике и ее современный статус // Известия АН. Серия литературы и языка, 1994б. – Т. 53. – № 2. – С. 3-15.

138. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (Опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века / под ред. Ю.С. Степанова. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1995. – С. 144-238.

139. Кубрякова Е.С. Части речи с когнитивной точки зрения. – М., Тамбов: ИЯ РАН; Изд-во ТГУ, 1997. – 327 с.

140. Кубрякова Е.С. О понятиях места, предмета и пространства // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000а. – С. 84-92.

141. Кубрякова Е.С. Вступительное слово к Круглому столу, посвященному рассмотрению традиционных проблем языкознания в новом свете // Традиционные проблемы языкознания в свете новых парадигм знания: мат-лы круглого стола. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2000б. – С. 3-10.

142. Кубрякова Е.С. Размышления о судьбах лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии. – 2001. – № 1 (7). – С. 28-34.

143. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

144. Кубрякова Е.С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2006. – Т. 66. – № 2. – С. 3-13.

145. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: вместо введения // Когнитивные исследования языка. – 2009. – № 4. – С. 11-24.
146. Кубрякова Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности / отв. ред. Б.А. Серебренников. Изд. 3-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 160 с.
147. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка. Когнитивные исследования. – М.: Языки славянской культуры, 2012. – 208 с.
148. Кубрякова Е.С., Александрова О.В. Виды пространств текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время: мат-лы науч. конф. – М.: Диалог-МГУ, 1997. – С. 15-26.
149. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З. О ментальных репрезентациях // Проблема представления (репрезентации) знаний в языке. Типы и форматы знаний: сб. науч. тр. / Ин-т языкознания РАН, ТГУ им. Г.Р. Державина. – М.-Калуга: Изд-во «Эйдос», 2007. – С. 13-28.
150. Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме: Монография. – Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т имени В.П. Астафьева, 2006. – 392 с.
151. Кустова Г.И. Тип концептуализации пространства и семантические свойства глагола // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, И.Б. Левонтина. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 47-55.
152. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику. – М.: Прогресс, 1978. – 543 с.
153. Лав Н. Когниция и языковой миф // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. – С. 105-134.
154. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10. – М.: Прогресс, 1981. – С. 350-368.

155. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 792 с.
156. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / пер. с англ., под ред. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
157. Лангакер Р.У. Когнитивная грамматика / пер. с англ. С.Н. Петровой. – М.: ИНИОН РАН, 1992. – 56 с.
158. Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. с фр. В.В. Иванова – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 541 с.
159. Левицкий А.Э. Когнитивно-дискурсивные основы лингвокреативной деятельности индивида // Когнитивные исследования языка. – 2013. – № 15. – С. 217-227.
160. Леонтьев А.А. Функции и формы речи // Основы теории речевой деятельности. – М.: Наука, 1974. – С. 241-255.
161. Леонтьев А.А. Психология речевого общения: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Алексей Алексеевич Леонтьев. – М., 1975.
162. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Госполитиздат, 1977. – 304 с.
163. Леонтьев А.Н. Проблемы развития психики. – М.: Наука, 1981.
164. Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н.Д. Артюнова, И.Б. Левонтина – М.: Языки русской культуры, 2000. – 448 с.
165. Лосев А.Ф. Философия имени // Самое само: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999а. – С. 29-204.
166. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Самое само: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999б. – С. 205-404.
167. Лотман Ю.М. Миф – имя – культура // Ученые записки Тартуского университета. – Вып. 308: Труды по знаковым системам. – VI. – 1973.

168. Лотман Ю.М. Семиотика пространства // Избранные статьи в 3-х томах. – Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн: Александра, 1992. – С. 386-471.
169. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
170. Лотман Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров: Статьи, исследования. – СПб: Искусство, 2000. – 704 с.
171. Лурия А.Р. Язык и сознание / под ред. Е.Д. Хомской. – М.: Изд-во МГУ, 1979. – 319 с.
172. Магировская О.В. Репрезентация субъекта познания в языке: Монография. – Москва-Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2008. – 223 с.
173. Майерс Д. Социальная психология. – СПб: Наука, 1997. – 688 с.
174. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
175. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
176. Мамардашвили М.К. Сознание и цивилизация. – С.Пб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 288 с.
177. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание: Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 216 с.
178. Манерко Л.А., Проконичев Г.И. Концептуализация пространственных представлений в текстах англо-шотландской баллады // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2012. – № 2. – С. 16-23.
179. Матурана У.Р. Биология познания // Язык и интеллект. – М.: Прогресс, 1996. – С. 95-142.
180. Матурана У.Р., Варела Ф.Х. Древо познания: Биологические корни человеческого понимания / пер. с англ. Ю.А. Данилова. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – 223 с.

181. Найссер У. Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии. – Благовещенск: Благовещенский гуманитарный колледж им. И.А. Бодуэна де Куртене, 1998. – 229 с.
182. Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. – СПб: Научный центр проблем диалога, 1997. – 760 с.
183. Ницше Ф. Антихристианин. Опыт критики христианства // Сумерки богов. – М.: Политиздат, 1989. – С. 17-93.
184. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / пер. А. Гелеску. – М.: АСТ, 2008. – 347 с.
185. Павиленис Р.И. Философия языка: проблема смысла // Вопросы философии. – 1976. – № 3 – С. 106-112.
186. Павиленис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
187. Падучева Е.В. Говорящий как наблюдатель: об одной возможности применения лингвистики в поэтике // Известия Академии наук: Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 52. – № 3. – С. 33-44.
188. Падучева Е.В. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
189. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). Изд. 2-е. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 288 с.
190. Падучева Е.В. Вторичный дейксис и фигура наблюдателя // *Miscellanea slavica*: Сб. статей к 70-летию Б.А. Успенского. – М.: Изд-во, 2008. – С. 273-285.
191. Панасенко Л.А. Моделирование интерпретирующего потенциала лексических категорий: Монография. – Москва-Тамбов: Издательский дом ТГУ имени Г.Р. Державина, 2014. – 201 с.

192. Пауль Г. Принципы истории языка. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. – 500 с.
193. Пиаже Ж. Психогенез знаний и его эпистемологическое значение // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 90-101.
194. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка. – М.: Педагогика-Пресс, 1994.
195. Пименова М.В. Введение в концептуальные исследования. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2006. – 179 с.
196. Пинкер С. Субстанция мышления: Язык как окно в человеческую природу. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
197. Пирс Ч. Из работы «Элементы логики. *Grammatica speculativa*» / пер. с англ. Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева; под ред. Ю.С. Степанова // Семиотика. – М.: Радуга, 1983. – С. 151-210.
198. Плотникова С.Н. Когнитивно-дискурсивная деятельность: наблюдение и конструирование // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. Язык и познание: Методологические проблемы и перспективы. – М.: Гнозис, 2006. – С. 66-81.
199. Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику. – М.: УРСС, 2003. – 384 с.
200. Подосинов А.В. *Ex oriente lux!* Ориентация по сторонам света в архаических культурах Евразии. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 718 с.
201. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1999. – 30 с.
202. Потапенко С.И. Ориентационное пространство современного англоязычного медиа-дискурса (опыт лингвокогнитивного анализа): Автореф. дисс. ... докт. филол. наук: 10.02.04. / Потапенко Сергей Иванович. – Киев, 2008. – 34 с.
203. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. – М.: Искусство, 1976. – 220 с.
204. Потебня А.А. Мысль и язык. – Киев: СИНТО, 1993. – 192 с.

205. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. – 1990. – № 6. – С. 110-122.
206. Пространство и время в языке и культуре / отв. ред. С.М. Толстая – М.: Индрик, 2011. – 368 с.
207. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. – М.: Русские словари, 2000. – 416 с.
208. Рейхенбах Г. Философия пространства и времени. – М.: Прогресс, 1985. – 344 с.
209. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / под ред. Б.А. Серебренникова, Е.С. Кубряковой, В.И. Пустоваловой и др. – М.: Наука, 1988. – 242 с.
210. Ромашко С.А. Язык как деятельность и лингвистическая прагматика // Языковая деятельность в аспекте лингвистической прагматики. – М.: ИНИОН, 1984. – С. 137-145.
211. Рябова М.Ю. Временная референция в английском языке: Дисс. ...д-ра филол. наук. – СПб., 1995. – 459 с.
212. Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект. – М.: Academia, 2005. – 640 с.
213. Сартр Ж.-П. Трансценденция Эго. набросок феноменологического описания / пер. с фр. Д. Кралечкин. – М.: МОДЕРН, 2011. – 160 с.
214. Седов К.Ф. Становление дискурсивного мышления языковой личности: психо- и социолингвистические аспекты. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1999. – 180 с.
215. Селиверстова О.Н. Русские пространственно-дистанционные предлоги и наречия // Труды по семантике. – М.: Языки русской культуры, 2004. – С. 719-945.
216. Сентенберг И.В. Языковая личность в коммуникативно-деятельностном аспекте // Языковая личность. Проблемы значения и смысла. – Волгоград: Перемена, 1994. – С. 14-24.

217. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
218. Скрынникова И.В. Вербализация концепта «пространственная локализация» в англоязычной лингвокультуре: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 – германские языки / Инна Валериевна Скрынникова. – Волгоград, 2004. – 23 с.
219. Слобин Д., Грин Дж. Психолингвистика. – М.: Прогресс, 1976. – 350 с.
220. С любовью к языку: сб. науч. трудов. – М.: ИЯ РАН, Воронеж: Изд-во ВГУ, 2002.
221. Спиркин А.Г. Основы философии. – М.: Политиздат, 1988. – 592 с.
222. Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения: Семиологическая грамматика. – М.: Наука, 1981а. – 360 с.
223. Степанов, Ю.С. В поисках прагматики (Проблема субъекта) // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка – 1981б. – Т. 40. – № 4. – С. 325-332.
224. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
225. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. – М: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 336 с.
226. Сухачев Н.Л. Концепции языка в европейской философии (Очерки о Г.В.Ф. Гегеле, Ч.С. Пирсе, М. Хайдеггере). – СПб.: Нестор-История, 2007. – 318 с.
227. Сухих С.А. Прагмалингвистическое измерение коммуникативного процесса: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Станислав Алексеевич Сухих: 10.02.01 – русский язык. – Краснодар, 1998. – 30 с.
228. Тамерьян Т.Ю. Модель мира в языке: проблемы двуязычного пространства: Монография. – Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет, 2004. – 217 с.

229. Тарасова И.П. Структура смысла и структура личности коммуниканта // Вопросы языкознания. – 1992. – № 4. – С. 103-110.
230. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантических языковых единиц. – М: Наука, 1986. – 141 с.
231. Топоров В.Н. Пространство и текст // Текст: семантика и структура / отв. ред. Т.В. Цивьян. – М.: Наука, 1983. – С. 227-284.
232. Топоров В.Н. Пространство // Мифы народов мира. – М.: Советская энциклопедия, 1992. – С. 340-342.
233. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное. – М.: Прогресс – Культура, 1995. – 624 с.
234. Топорова В.М. Метакогниция: уровни семантической репрезентации // Когнитивные исследования языка. – 2015а. – № 21. – С. 124-128.
235. Топорова В.М. Концептуально-семантическая динамика пространственных обозначений // Когнитивные исследования языка. – 2015б. – № 22. – С. 166-168.
236. Урысон Е.В. Фундаментальные способности человека и «наивная анатомия» // Вопросы языкознания. – 1995. – № 3. – С. 3-36.
237. Успенский Б.А. Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство. 2-е изд., испр. и доп. – М: РГГУ, 2012. – 344 с.
238. Ушкова Н.В. Этнокультурная концептуализация и немецкий ономастикон // Когнитивные исследования языка. – 2013. – № 24. – С. 914-918.
239. Филоненко Т.М. Фразеологизмы, образно выражающие пространство и время в современном русском языке. – СПб.: Нестор, 2002. – 166 с.
240. Филлмор Ч. Основные проблемы лексической семантики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XII. Прикладная лингвистика. – М.: Радуга, 1983. – С. 74-122.
241. Флоренский П. Имена // Иконостас. Имена. – М.: АСТ Москва, 2009. – С. 116-318.

242. Фосслер К. Эстетический идеализм. Избранные работы по языкознанию. – М.: ЛКИ, 2007. – 144 с.
243. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я. – М.: Изд-во АСТ, 2007. – 192 с.
244. Фрейд З. Я и Оно // Психология бессознательного / пер. с нем. Г.В. Барышниковой. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – С. 584-605.
245. Фуко М. Археология знания / пер. с фр.; общ. ред. Б. Левченко. – Киев: Ника-Центр, 1996а. – 208 с.
246. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр.; сост., комм. и послесл. С. Табачниковой. – М.: Касталь, 1996б. – 448 с.
247. Фуко М. Ненормальные: Курс лекций. – СПб.: Наука, 2005. – 432 с.
248. Фурс Л.А. Синтаксически репрезентируемые концепты: Монография. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2004а. – 166 с.
249. Фурс Л.А. Синтаксически репрезентируемые концепты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. / Фурс Людмила Алексеевна. – Тамбов, 2004б. – 36 с.
250. Фурс Л.А. Когнитивные аспекты синтаксиса английского простого предложения. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г.Р. Державина, 2005. – 166 с.
251. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / пер. с нем. под ред. Д.В. Складнева. – СПб.: Наука, 2001. – 381 с.
252. Хайдеггер М. Время и бытие. – М.: Республика, 1993. – 447 с.
253. Хомякова Е.Г. Эгоцентризм речемыслительной деятельности. 2-е изд., перераб. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 187 с.
254. Храковский В.С., Володин А.П. Семантика и типология императива. Русский императив. – Л.: Наука, 1986. – 272 с.
255. Худяков А.А. Семиозис простого предложения: Монография. – Архангельск: Поморский гос. ун-т, 2000. – 272 с.

256. Хомский Н. О природе и языке. – М.: КомКнига, 2005. – 288 с.
257. Цурикова Л.В. Межкультурное взаимодействие с позиций когнитивно-дискурсивного подхода // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 1. – С. 5-15.
258. Чейф У. Роль интроспекции, наблюдения и эксперимента в понимании мышления // Вопросы языкознания. – 2008. – № 4. – С. 78-88.
259. Чейф У. На пути к лингвистике, основанной на мышлении // Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 60-88.
260. Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // Фундаментальные направления современной американской лингвистики: сб. обзоров. – М.: МГУ. – С. 340-369.
261. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991-2000): Монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001. – 238 с.
262. Шарандин А.Л. Типология категоризации // Когнитивные исследования языка. Вып. XV. Механизмы языковой когниции. – 2013. – С. 245-256.
263. Щербак А.С. Региональная ономастика в когнитивном аспекте: Монография. – Тамбов: ООО «Центр-Пресс», 2008. – 197 с.
264. Юнг К.Г. Психологические типы. – СПб: Ювента; М.: Прогресс-Универс, 1995. – 717 с.
265. Юнг К.Г. Тэвистокские лекции: исследование процесса индивидуализации. – М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 1998. – 295 с.
266. Язык и пространство: проблемы онтологии и эпистемологии: монография / под ред. А.Э. Левицкого, С.И. Потапенко. – Нежин: Изд-во НГУ имени Николая Гоголя, 2011. – 483 с.
267. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. – М.: Наука, 1972. – С. 95-113.

268. Якобсон Р.О. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985. – 456 с.
269. Яковлева Е.С. О некоторых моделях пространства в русской языковой картине мира // Вопросы языкознания. – 1993. – № 4. – С. 48-61.
270. Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины (модели пространства, времени и восприятия). – М.: Гнозис, 1994. – 344 с.
271. Auer P. On Deixis and displacement // Folia Linguistica. – № XII. – Berlin: Mouton de Gruyter, 1988. – P. 261-292.
272. Austin J. How to do Things with Words. – London: Oxford University Press, 1962. – 174 p.
273. Barsalou L.W. Perceptual Symbol System // Behavioral and Brain Sciences. – 1999. – Vol. 22. – P. 577-660.
274. Berlin B., Kay P. Basic Color Terms. – Berkeley: University of California Press, 1969.
275. Bernstein B. Sprachliche Kodes und soziale Kontrolle. – Düsseldorf, 1975.
276. Bierwisch M. Die Integration autonomer Systeme – Überlegungen zur kognitiven Linguistik. – Tübingen: Francke Verlag, 1981.
277. Bierwisch M. Essays in the Psychology of Language // Linguistische Studien: Reihe A. Arbeitsberichte 114. – Berlin, 1983.
278. Bierwisch M., Lang, E. Grammatische und konzeptuelle Aspekte von Dimensionsadjektiven. – Berlin: Akademie-Verlag, 1987.
279. Bloor D. Knowledge and Social Imagery. – London, 1976.
280. Brecht R.D. Deixis in embedded structures // Foundations of Language. – 1974. – Vol. 11. – № 4. – P. 489-518.
281. Brugmann K. Die Demonstrativpronomen der indogermanischen Sprachen // Abhandlungen der königlich sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. – 1904. – 22: 6.
282. Buber M. Ich und Du. – Stuttgart: Philipp Reclam. – 143 S.

283. Burge T. Sinning Against Frege // *Philosophical Review*. – 1979. – Vol. 86.
284. Bußmann H. *Lexikon der Sprachwissenschaft*. – Stuttgart: Gustav Fischer Verlag, 2002.
285. Chafe W.L. Repeated verbalizations as evidence for the organization of knowledge // *Preprints of the plenary session papers: XIV International Congress of Linguists*. – Berlin, 1987. – P. 88-110.
286. Chomsky N. *Syntactic Structure*. – The Hague: Mouton, 1957.
287. Chomsky N. *Language and Responsibility*. – N.Y.: Basic Books, 1979.
288. Chomsky N. *Rules and representations*. – N.Y.: Columbia University Press, 1980.
289. Chomsky N. *Linguistics and Adjacent Fields: A Personal View* // *The Chomskyan Turn* / Ed.by A. Kashez. – Oxford: Oxford University Press, 1991. – P. 3-25.
290. Chomsky N. Three factors in language design // *Linguistic inquiry*. – 2005. – Vol. 36, № 1. – P. 1-22.
291. Clark H. *Space, Time, Semantics and the Child* // *Cognitive Development and the Acquisition of Language*. – N.Y., London: Academic Press, 1973.
292. Delhees K. *Soziale Kommunikation. Psychologische Grundlagen für das Miteinander in der modernen Gesellschaft*. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1994.
293. Derrida J. *Politische und Dekonstruktion: Beiträge zur politischen Theorie im Anschluss in Jacques Derrida*. – Bielefeld: Transcript Verlag, 2007. – 183 S.
294. Diels H. *Die Fragmente der Vorsokratiker*. – Hamburg, 1957.
295. Donec P.N. *Limologie: nicht nur und nicht vornehmlich Geographie* // *Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов*. Т. 6. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – С. 246-253.
296. *European Values and Identity* (<http://the.sagepub.com//sgi/content/abstract/72/1/26>).

297. Eckert P., McConnel-Ginet S. *Language and Gender*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 366 p.
298. Enkvist N.E. *Experiential iconism in the text strategy*. – Berlin, 1981. – P. 97-111.
299. Fauconnier G. *Mental Spaces: Aspects of Meaning Constructions in Natural Language*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 190 p.
300. Fauconnier G. *Methods and Generalizations // Cognitive Linguistics: Foundations, Scope and Methodology*. Ed. Th. Janssen and G. Redeker. – Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, 1999. – P. 95-127.
301. Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. – New York: Basic Books, 2002.
302. Fichte J.G. *Die Bestimmung des Menschen*. – Leipzig: Reclam Verlag, 1997. – 237 S.
303. Fodor J.A. *Concepts: a potboiler*. *Cognition* 50. – P. 95-113.
304. Fodor J.A. *The elms and the experts*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
305. Garson J., Rescher, N. *Topological logic // The Journal of symbolic logic*. – 1968. – Vol. 33.
306. Geissner H. *Sprachwissenschaft: Theorie der mündlichen Kommunikation* – Königstein, 1981.
307. Givon T. *Prototypes: Between Plato and Wittgenstein // Noun Classes and Categorization. Proceedings of Symposium on Categorization and Noun Classification*. Eugene, Oregon. October 1983 (*Typological Studies in Language*. Vol. 7). – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1986.
308. Givon T. *Context as other minds: The pragmatics of sociality, cognition and communication*. – Amsterdam: John Benjamins, 2005.
309. Glaserfeld E. *von Einführung in den radikalen Konstruktivismus // Watzlawick (Hrsg.). Die erfundene Wirklichkeit*. – München: Piper Verlag, 1981. – S. 16-38.

310. Glaserfeld E. von Radikaler Konstruktivismus. Ideen, Ergebnisse, Probleme. – F.a.M.: Suhrkamp Verlag, 1997. – 375 S.
311. Goffman E. Relations in Public: Microstudies of the Public Order. – Harmondsworth: Penguin, 1972. – 460 p.
312. Grice H.P. Utterer's Meaning and Intentions // The Philosophical Review. – 1969. – № 78.
313. Habermas J. Der Philosophische Diskurs der Moderne: Zwölf Vorlesungen. – F.a.M.: Suhrkamp Verlag, 1985.
314. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. 1. Bd. – F.a.M.: Suhrkamp Verlag, 1995a. – 534 S.
315. Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. 2. Bd. – F.a.M.: Suhrkamp Verlag, 1995b. – 641 S.
316. Habermas J. Die befreiende Kraft der symbolischen Formgebung // Ernst Cassirer's Werk und Wirkung: Kultur und Philosophie / Hrsg. von D. Frede, R. Schmucker. Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1997.
317. Hall E.T. The Hidden Dimension. – New York: Anchor, 1969. – 217 p.
318. Harman G. Cognitive science? // The making of cognitive science. – 1988. – P. 258-269.
319. Harris R. The Language Myth. – London: Duckworth, 1986.
320. Heidegger M. Sein und Zeit. – Tübingen: Francke Verlag. – 1986.
321. Jackendoff R. Semantics and cognition. Cambridge: The MIT Press, 1984. – XIV. – 284 p.
322. Jackendoff R. Sense and reference in a psychologically based semantics // Talking minds. – Cambridge: Cambridge University Press, 1984. – P. 49-72.
323. Jackendoff R. Patterns in the Mind. Language and Human Nature. – N.Y.: Basic Books, 1994. – 246 p.
324. Jackendoff R. Language, consciousness, culture: essays on mental structure. – Cambridge: MIT Press, 2007.

325. Johnson D.K. *The Body in the Mind: The Bodily Basis of Meaning, Imagination and Reason*. – Chicago: Chicago University Press, 1987. – 272 p.
326. Johnson D.K. *Reclaiming reality: A critique of Maturana's ontology of the observer* // *Methodologia*. – 1991. – № 9. – P. 7-31.
327. Katz J. *Semantic Theory*. – N.Y.: Basic Books, 1972.
328. Kelly G. *A Theory of Personality: The Psychology of Personal Constructs*. – N.Y.: Basic Books, 1963.
329. Kessler K., Thomson L.A. *I see the world through your eyes: The embodied nature of spatial perspective taking* // Третья Междунар. конф. по когнитивной науке. Москва, 20-25 июня 2008 г. – М.: Художественно-издательский центр, 2008. – С. 80-82.
330. Klein W. *Wo ist hier? Präliminarien zu einer Untersuchung der lokalen Deixis* // *Linguistische Berichte*. – 1978. – № 58. – S. 18-40.
331. Kosslyn St.M. *Scanning Visual Images: Some Structural Implications* // *Perception and Psychophysics*. – 1973. – Vol. 14. – № 1. – P. 90-94.
332. Lakoff J. *Categories: An Essay in Cognitive Linguistics* // *Linguistics in the Morning Calm*. – Seoul: Hanshin, 1983. – P. 139-193.
333. Lakoff J., Johnson M. *Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought*. – N.Y.: Basic Books, 1999.
334. Landau W. *Where is what and what is where: The language of objects in space* // *Lingua*. – 1994. – № 5.
335. Langacker R.W. *Foundations of Cognitive Grammar*. – Vol. I.: *Theoretical Prerequisites*. – Stanford: Stanford University Press, 1987. – 516 p.
336. Langacker R.W. *Concept, Image, and Symbol: The Cognitive Basis of Grammar* // *Cognitive Linguistics Research 1*. – Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1991. – 395 p.
337. Langacker R.W. *Cognitive Grammar. A Basic Introduction*. – Oxford: Oxford University Press, 2008. – 537 p.

338. Language and the Cognitive Construal of the World. – Oxford: Oxford University Press, 1995.

339. Lee D. Cognitive Linguistics. An Introduction. – New York: Oxford University Press, 2002. – 223 p.

340. Lewis D. On the Plurality of Worlds. – Oxford: Basil Blackwell, 1986.

341. Lili W. Grundlagen der Stereotypisierung. – Göttingen, 1982.

342. Linell P. Dialogicality in languages, minds and brains: is there a convergence between dialogism and neuro-biology? // Language Sciences. – 2007. – № 8.

343. Love N. Ideal linguistics // Language and Communication. – 1988. – № 5. – P. 69-84.

344. Lyons J. Semantics. – London, Cambridge, New York, Melbourne: Cambridge University Press, 1977. – Vol. I-II. – 897 p.

345. Mach E. Erkenntnis und Irrtum. – Darmstadt: Wiss. Buchgesellschaft, 1968 (1905).

346. Maturana H.R. The biological foundations of self consciousness and the physical domain of existence // Beobachter: Konvergenz der Erkenntnistheorien? 2nd ed. – Munich: Wilhelm Fink Verlag. 1992. – 47-117 pp.

347. Maturana H.R., Varela F.J. Der Baum der Erkenntnis. Die biologischen Wurzeln des menschlichen Erkennens. – Fr.a.M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 2010. – 280 S.

348. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. – Cambridge: The MIT Press, 1997. – 356 p.

349. Mead G.H. Geist, Identität und Gesellschaft – aus der Sicht des Sozialbehaviorismus. Mit Einleitung von Charles W. Morris. – Fr.a.M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 1973 [1934].

350. Miller G., Johnson-Laird M. Language and Perception. – Cambridge: Harvard University Press; London: Cambridge University Press, 1976. – 760 p.

351. Neisser U. Multiple systems: a new approach to cognitive theory // The European Journal of Cognitive Psychology. – 1994. – Vol. 2. – P. 225-241.

352. Nowak E. Sprache und Individualität // Die Bedeutung individueller Rede für die Sprachwissenschaft. – Tübingen: Francke Verlag, 1983.
353. Ohle K. Das Ich und das Andere // Sozialwissenschaftliche Studien. Heft 15. – Stuttgart, New York: Gustav Fischer Verlag, 1978.
354. Paivio A. Imagery and Verbal Processes. – N.Y., 1971. – 596 p.
355. Perry J. Frege on Demonstratives // Philosophical Review. – 1977. – Vol. 86. – P. 476-497.
356. Perry J. The Problem of the Essential Indexical. – Nous. – 1979. – Vol. 13.
357. Piaget J. Biologie und Erkenntnis. – Fr.a.M.: Fischer Verlag, 1974.
358. Piaget J., Inhelder B. Die Psychologie des Kindes. – Fr.a.M.: Fischer Verlag, 1977.
359. Pylyshyn Y.W. What the Mind's Eye tells the Mind's Brain. A Critique of Mental Imagery // Psychological Bulletin. – 1973. – № 80. – P. 1-24.
360. Pylyshyn Y.W. Computation and Cognition. – Cambridge: MIT Press, 1984.
361. Quine W. Philosophy of Logic. – N.Y.: Free Press, 1970.
362. Rosch E.H. Natural Categories // Cognitive Psychology. – 1973. – Vol. 4. – № 3. – P. 326-350.
363. Rosch E.H. Cognitive Representation of Semantic Categories // Journal of Experimental Psychology: General. – 1975. – Vol. 104. – № 3. – P. 192-233.
364. Rosch E.H. Principles of Categorization // Cognition and Categorization. – Hillsdale, New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, 1978. – P. 28-41.
365. Russel B. Descriptions. – Semantics and the Philosophy of Language. – Urbana, 1952.
366. Russel B. An inquiry into meaning and truth. – L. Unwin paperbacks, 1980. – 445 p.
367. Sager S.F. Kommunikation und Beziehung. – Tübingen: Francke Verlag, 1985.

368. Schäfers B. Grundbegriffe der Soziologie. Bd. 1416. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 2000.
369. Schmidt-Denter U. Soziale Entwicklung. Ein Lehrbuch über soziale Beziehungen im Laufe des menschlichen Lebens. 3., korrigierte u. aktualisierte Auflage – Weinheim, 1996.
370. Schwarz M. Kognitive Semantiktheorie und neuropsychologische Realität. Repräsentationale und prozedurale Aspekte der semantischen Kompetenz. – Tübingen: Niemeyer, 1992.
371. Searle J. Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language. – Cambridge: Cambridge University Press, 1969. – 40 p.
372. Searle J.R. The Construction of Social Reality. – N.Y.: Free Press, 1995.
373. Searle J.R. Language and Society. Philosophy in the Real World. – N.Y.: Basic Books, 1999.
374. Shepard R.N. The Mental Image // American Psychologist. – 1978. – Vol. 33. – P. 125-137.
375. Slane S., Petruska R., Cheyfitz S. Personal space measurement: A validation comparison // Psychological Record. – 1981. – Vol. 31. – № 2.
376. Smith D. Indexical Sense and Reference // Synthese. – 1981. – Vol. 46.
377. Space and Time in Europe: East and West, Past and Present / ed. by M. Mencej. – Ljubljana, 2008.
378. Sperber D., Wilson D. Relevance. Communication and cognition. – Oxford: Blackwell, 2001.
379. Stalnaker R. Indexical Belief // Synthese. – 1981. – Vol. 49.
380. Svorou S. The Grammar of Space. – Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing, 1994. – 292 p.
381. Sylke N. European Identity and the Future of Europe // Europe in Motion. Social Dynamics and Political Institutions in Enlarging Europe. – Berlin: Edition sigma, 2006.

382. Talmy L. Figure and ground in complex sentences // Universals of Human Language. Syntax. – Stanford. – 1978 – Vol. 4. – P. 625-649.
383. Talmy L. How Language Structures Space // Spatial Orientation: Theory, Research and Application. – New York, London: Plenum Press, 1983. – P. 225-282.
384. Talmy L. Lexicalization patterns. Semantic structure in lexical forms // Shopen T. (Ed.) Language Typology and Syntactic Description. Vol. 3. – Cambridge: Cambridge University Press, 1985. – P. 57-149.
385. Taylor J.R. Linguistic Categorization. Prototypes in Linguistic Theory. – Oxford: Clarendon Press, 1989. – 312 p.
386. The Cognitive Psychology of Knowledge / Ed. by Strube G., Wender K.F. – Amsterdam etc.: North-Holland, 1993. – 453 p.
387. Turner M. Conceptual Integration in Counterfactuals // Discourse and Cognition. – CSLI Publications, 1998. – P. 285-296.
388. Twersky B. Functional significance of visuospatial representations // Handbook of higher-level visuospatial thinking. Eds. P. Shah & A. Miyake. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – P. 1-34.
389. Vollmer G. Wieso können wir die Welt erkennen. – Stuttgart, Leipzig: S. Hirzel Verlag, 2003. – 372 S.
390. Watzlawick P. Wie wirklich ist die Wirklichkeit? Wahnsinn – Täuschung – Verstehen. – München, 1976.
391. Wardhaugh R. How Conversation Works. – Oxford: Blackwell, 1985. – 230 p.
392. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Grundriss der verstehenden Soziologie. 2 Bde. – Köln, Berlin: Studienausgabe, 1964 [1921].
393. Wittgenstein L. Tractatus Logico-Philosophicus. – London, 1922.
394. Wittgenstein L. Philosophical Investigations. – Oxford: Blackwell, 1953. – 272 p.
395. Wright G.H. von On mind and matter // Journal of theoretical biology. – 1994. – Vol. 171.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. – М.: Сов. Энциклопедия, 1966. – 608 с.
2. БТПС – Большой толковый психологический словарь. – М.: АСТ, 2001. – 1152 с.
3. БЭС. Языкознание – Большой энциклопедический словарь. Языкознание / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.
4. КСКТ – Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Г.Л. Лузина; под общ. ред. Е.С. Кубряковой. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1996. – 248 с.
5. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
6. ФЭС – Философский энциклопедический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 570 с.
7. НФС – Новейший философский словарь / составитель А.А. Грицанов. – Минск: Изд-во В.М. Скакун, 1998. – 896 с.
8. НФС. Постмодернизм – Новейший философский словарь. Постмодернизм / гл. науч. ред. и составитель А.А. Грицанов. – Минск: Современный литератор, 2007. – 816 с.
9. Duden. Bd. 4. Die Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1989. – 800 S.
10. Duden. Bd. 7. Das Herkunftswörterbuch der deutschen Sprache. Etymologie. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1989. – 839 S.
11. Duden. Bd. 8. Die sinn- und sachverwandten Wörter. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1989. – 800 S.
12. Duden. Bd. 11. Redewendungen und sprichwörtliche Redensarten. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1989. – 864 S.

13. Duden. Deutsches Universalwörterbuch. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 1996. – 1816 S.
14. Duden. Bd. 10. Das Bedeutungswörterbuch / 4., neue Auflage. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag, 2010. – 1151 S.
15. Evans V. A Glossary of Cognitive Linguistics. – Edinburgh: University Press, 2007. – 240 p.
16. MGTL 1995 (B. 8) – Meyers großes Taschenlexikon in 24 Bänden. Bd. 8 – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: BI-Taschenbuchverlag, 1995. – 320 S.
17. MGTL 1995 (B. 10) – Meyers großes Taschenlexikon in 24 Bänden. Bd. 10 – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: BI-Taschenbuchverlag, 1995. – 320 S.
18. MGTL 1995 (B. 17) – Meyers großes Taschenlexikon in 24 Bänden. Bd. 17 – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: BI-Taschenbuchverlag, 1995. – 320 S.
19. Wahrig Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache / von Renate Wahrig-Burfeind. – Gütersloh / München: Bertelsmann Lexikon Verlag; Berlin: Cornelsen Verlag, 2008. – 1215 S.
20. http://mirslovarei.com/content_soc/identichnost-socialnaja-6435.html
21. http://mirslovarei.com/content_psy/socialnaja-identichnost-2370.html

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Aehnlich K. Alle sterben, auch die Löffelstöre. – Zürich, Hamburg: Ache Literatur Verlag, 2007. – 250 S.
2. Andersch A. Der Vater eines Mörders. – Zürich: Diogenes Verlag, 1980. – 140 S.
3. Andrack M. Meine Saison mit dem FC. – Köln: Kiepenheuer and Witsch, 2005. – 245 S.
4. Berger R. Die Druckerin. – Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2003. – 444 S.
5. Dorn Th. Die neue F-Klasse. – München: Piper Verlag, 2007. – 344 S.
6. Glavic Th. Die Arbeit der Nacht. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2009. – 395 S.
7. Graf O.M. Was mich abhält, nach Deutschland zurückzukehren // Vaterland, Muttersprache. – Berlin: Klaus Wagenbach Verlag, 1995. – S. 205.
8. Hacke A. Deutschlandalbum. – München: Verlag Antje Kunstmann, 2004. – 222 S.
9. Hahn U. Das verborgene Wort. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2014. – 623 S.
10. Havemann R. Nach zwanzig Jahren // Vaterland, Muttersprache. – Berlin: Klaus Wagenbach Verlag, 1995. – S. 222-223.
11. Hesse H. Brief an eine junge Deutsche // Vaterland, Muttersprache. – Berlin: Klaus Wagenbach Verlag, 1995. – S. 51-53.
12. Huch R. Nationalgefühl? // Vaterland, Muttersprache. – Berlin: Klaus Wagenbach Verlag, 1995. – S. 70-71.
13. Kehlmann D. Die Vermessung der Welt. – Hamburg: Rowohlt Taschenbuch Verlag, 2012. – 399 S.
14. Krohn T. Ans Meer. – Zürich: Diogenes Verlag, 2011. – 329 S.
15. Krone-Schmalz G. Russland verstehen. – München: Verlag C.H. Beck, 2015. – 176 S.

16. Kruse M. Das silberne Einhorn. – München, Wien: Thiele Verlag, 2011. – 144 S.
17. Kumpfmüller M. Die Herrlichkeit des Lebens. – Fr.a.M.: Fischer Taschenbuch Verlag, 2013. – 239 S.
18. Lenz S. Der Geist der Mirabelle. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2006. – 122 S.
19. Link Ch. Das Haus der Schwestern. – München: Der Goldmann Verlag, 1999. – 600 S.
20. Lutzer B. Bringen Sie es auf den Punkt! – Paderborn: Junfermann-Verlag? 2010. – 80 S.
21. Mann Th. Deutsche Hörer! // Vaterland, Muttersprache. – Berlin: Klaus Wagenbach Verlag, 1995. – S. 19.
22. Mann Th. Doktor Faustus // Doktor Faustus. Die Entstehung des Doktor Faustus. – Fr.a.M.: S. Fischer Verlag, 1997a. – S. 5-674.
23. Mann Th. Die Entstehung des Doktor Faustus // Doktor Faustus. Die Entstehung des Doktor Faustus. – Fr.a.M.: S. Fischer Verlag, 1997b. – S. 675-829.
24. Schlink B. Liebesfluchten. – Zürich: Diogenes Verlag, 2000. – 308 S.
25. Schlink B. Die Heimkehr. – Zürich: Diogenes Verlag, 2006. – 375 S.
26. Schlink B. Sommerlügen. – Zürich: Diogenes Verlag, 2010. – 279 S.
27. Schnell R.W. Wuppertal 1945 // Vaterland, Muttersprache. – Berlin: Klaus Wagenbach Verlag, 1995. – S. 29-30.
28. Seethaler R. Ein ganzes Leben. – München: Hanser Berlin im Carl Hanser Verlag, 2014. – 155 S.
29. Timm U. Johannisnacht. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1999. – 245 S.
30. Thome St. Grenzgang. – Fr.a.M.: Suhrkamp Verlag, 2010. – 454 S.
31. P. Weiss Unter dem Hirseberg // Vaterland, Muttersprache. – Berlin: Klaus Wagenbach Verlag, 1995. – S. 223-224.

32. Weisenborn G. Wir bitten um Eure Rückkehr! // Vaterland, Muttersprache. – Berlin: Klaus Wagenbach Verlag, 1995. – S. 43-44.
33. Wells B. Becks letzter Sommer. – Zürich: Diogenes Verlag, 2008. – 452 S.
34. Wolf F. Zur Eröffnung des Nürnberger Prozesses // Vaterland, Muttersprache. – Berlin: Klaus Wagenbach Verlag, 1995. – S. 31-32.
35. Wohmann G. Wörter mit Temperatur // Vaterland, Muttersprache. – Berlin: Klaus Wagenbach Verlag, 1995. – S. 220.
36. НКРЯ / ПК (немецкий) – Национальный корпус русского языка / Параллельный корпус (немецкий). URL: <http://ruscorpora.ru>
37. Dp 5 / 2007 – Deutsch perfekt. Das aktuelle Magazin für Deutsch-Lerner. – 2007. № 5. – 82 S.
38. dpa 12.04.2015 – Deutsche Presse-Agentur
39. dpa 21.04.2015 – Deutsche Presse-Agentur
40. dpa 24.04.2015 – Deutsche Presse-Agentur
41. FA – 02.05.2015 – Frankfurter Allgemeine
42. FA (SZ) – 03.05.2015 – Frankfurter Allgemeine. Sonntagszeitung
43. Focus – № 39/13, 23. September 2013
44. LK – <http://www.ikp.uni-bonn.de/Limas>
45. MK – <http://www.ids-mannheim.de/ksgd>
46. SJC 2008 – Spiegel Jahres-Chronik 2010
47. SJC 2010 – Spiegel Jahres-Chronik 2010
48. WZ, 10.04.2015 – Wetzlarer Zeitung
49. WZ, 23.04.2015 – Wetzlarer Zeitung
50. www.bdvv.de
51. www.de.statista.com